

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

Редакционная коллегия:

**П.А.Грязневич, Н.В.Елисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).**

А.К.Аликберов

НАДПИСИ НА САБЛЕ, ДАТИРОВАННОЙ 473 Г.Х.

В Дагестанском государственном историко-архитектурном музее под инвентарным номером I553 экспонируется старинная сабля, которая до моего с ней ознакомления считалась "саблей Тимура и Надир-шаха". Легенда эта основывается на многочисленных исторических преданиях, но главным образом на высеченных на обеих гранях ее клинка арабских надписях. Выполнены они одним из графических вариантов насхи с полным набором диакритических точек, мелким почерком, общей длиной строки более 70 см.

Самая ранняя, судя по датировке, надпись высечена в нижней части левой грани клинка в фигурном обрамлении, напоминающем миндалевидный картуш: "Изготовлено в мастерской Лахора. 473." Указанный год хиджры соответствует 1070-71 г. н.э.

عمل في محل لاهور ٤٧٣

На той же грани клинка в специальном продольном углублении размещена другая надпись: "Эту саблю захватил в качестве трофея Завоеватель вселенной (джахангир) Тимур в городе Дели в числе сохранившихся вещей султана Махмуд-шаха Наср ад-Дина после его бегства в Гуджрат в 801 году хиджры, и он, опоясавшись ею, возвратился в страну Фарс". 801 г.х. начался 13.IX.1398 г. и закончился 03.III.1399 г.

غنم السيف جهانكير تيمور من مدينة دهلي من مخلوقات سلطان محمود

شاء ناصر الدين نقلت بعد فراه الى كجرات عام ٨٠١ هجرى وعاد متقلدا

بها الى بلاد فارس.

На другой грани клинка почти у самой гарды в небольшой многоугольной раме размещен традиционный таваккул ("Я уповаю на Аллаха"), а в продольном углублении - текст, который переводится следующим образом: "Дни мира сего превратны. Еще раз (маррат ухра) эту саблю захватил в качестве трофея Завоеватель вселенной Надир-шах в городе Дели из сокровищницы Равшан, сестры Мухаммад-шаха, сына Джахан-шаха, - одного из гурханийских владык, и он опоясался ею в 1152 году". 1152 г.х. начался 10.IV.1739 г. и закончился 29.III.1740 г.

توكلت على الله

ايام الدنيا دول . غنم السيف مرة اخرى جهان كير نادر شاه من بلدة دهلي

من مخازن روشن اخت محمد شاه بن جهان شاه من الملوك الكورهنية وتقلد

Сравнительно-сопоставительный анализ содержания надписей не обнаруживает каких-либо противоречий с реальными историческими событиями. Лахор в XI в. представлял собой один из крупнейших центров ремесленного, в том числе и оружейного производства в регионе, где изготавливались знаменитые на весь мир булатные клинки. По логике событий сабля к концу XIV в. должна была находиться в Дели, поскольку еще в начале XIII в. именно сюда была перенесена столица султаната, которая раньше находилась в Лахоре. Что касается второй надписи, то Тимур действительно вторгся в Делийский султанат осенью 1398 г. 17 декабря он наголову разбил десяти тысячное войско султана Наср ад-Дина Махмуд-шаха, который после этого бежал в Гуджерат, и на следующий день вступил в Дели, где начались грабежи и насилия, продолжавшиеся несколько дней. Военная добыча Тимура во время индийского похода оказалась самой значительной за всю историю его завоеваний.

Можно лишь предполагать, каким образом сабля вновь могла очутиться в Дели к XV в. Вероятно, это могло произойти лишь через Тимуридов, основавших в XVI в. в Индии империю Великих Моголов. В 1738 г. Надир-шах объявил Великим Моголам войну, а весной 1739 г. ему удалось разбить войска Мухаммад-шаха. Столица империи Дели была подвергнута тотальному грабежу. Военная добыча Надир-шаха в Индии оценивались в баснословную по тем временам сумму в 700 миллионов рупий.

Создав огромную феодальную империю, куда помимо собственно Ирана входили еще Афганистан, Белуджистан, Бухарское и Хивинское ханства, области к западу от Инда, Азербайджан, части Армении и Грузии, Надир-шах предпринял в 1741 г. очередной, третий по счету завоевательный поход в Дагестан, однако был разгромлен объединенными силами горцев в Андалалском ущелье осенью того же года. В ловушке, в которую горцам удалось заманить неприятеля, Надир-шах потерял половину своего войска, несколько десятков тысяч лошадей, большую часть вооружения, собственный шатер с гаремом и имуществом, в том числе и боевой саблей, и сам едва не попал в плен.¹ С этого времени сабля оставалась в горах Дагестана во владении различных представителей местной знати, а в 1936 г. была приобретена краеведческим музеем у жителя высокогорного селения Хунзах У. Гусейнова.²

Изучение собственно сабли дает несколько иные результаты. Так, металлографический анализ клинка сабли показал, что по сво-

ей прочности он значительно уступает не только индийскому булату, но и дамасской стали, хотя он и закален не хуже позднесредневековых образцов. Не характерен для XI в. и тип клинка сабли, слишком совершенный своей рациональной формой. Такая форма является результатом многовекового эволюционного развития восточных клинков и, следовательно, вряд ли могла появиться на начальной стадии своего развития.

Интересные результаты дал палеографический анализ надписей. Текст, датированный XI веком, выполнен свободным курсивным почерком, не характерным для эпиграфических памятников этого времени, особенно для надписей на металле, где и после XI в. долгое время продолжал господствовать кufический стиль. Любопытно, что точно таким же курсивом выведены и надписи, датированные XII и XIII вв. Более того, все надписи за исключением таваккул, выполненного с использованием элементов наста'лика, кстати, персидского почерка, распространившегося уже после XV в., имеют совершенно идентичные палеографические особенности, заставляющие говорить о том, что все тексты выполнены в одно и то же время и, возможно, одним и тем же лицом (во всяком случае, представителями одной палеографической школы). Ориентировочно тип письма можно отнести к позднему средневековью, точнее к XII-XIII вв.

Эти данные подкрепляются еще рядом обстоятельств. Дело в том, что науке вообще неизвестны случаи помещения на саблях X-XIII вв. клейма мастерских с надписью и датой изготовления. Техника подписных клейм на холодном оружии в среднефеодальную эпоху целиком связана с европейской традицией, да и то речь идет о мечах.³ На восточных саблях такие клейма появляются гораздо позже, где-то с XVI в. Что касается собственно надписей, то и они появляются на саблях значительно позже. Исследователям известна лишь одна-единственная сабля раннего средневековья с короткой благопожелательной арабской формулой, обнаруженная археологами в Туве в 1965 г.⁴

По своим внешним параметрам и отделке сабля обнаруживает большое сходство с типично персидскими работами позднего средневековья. Наиболее наглядно эта близость подчеркивается характерной для персидского оружия рукоятью в виде металлической оправы с изогнутым навершием и фигурной крестовиной, отделанной богато инкрустированной золотом слоновой костью, а также орнаментальными узорами на металлической части рукояти.

Весь комплекс данных указывает на то, что сабля была изготовлена в XIII в. персидскими мастерами по заказу самого Надиршаха, стремившимся, видимо, таким образом подчеркнуть историчес-

кую значимость своих завоеваний. Такой вывод основан кроме всего прочего на выполненных золотой насечкой на хвостовой части клинка миндалевидных картушах, обрамляющих лапидарные тексты. Многообразные по формам картуши выполняли в среднефеодальную эпоху на клинках восточных сабель роль своего рода фирменного знака мастера либо заказчика. Но форма "бадами" (миндалевидный - перс.) картушей, как установил М.Е.Массон, "являлась на Среднем Востоке исключительной привилегией царствующих особ, и все прочие, кто бы они не были, не имели права пользоваться ею".⁵

Мысль о том, что сабля может представлять собой просто исторический новодел позднейших фальсификаторов, трудно допустима, имея в виду весь комплекс вышеприведенных данных, хотя и такая версия имеет право на существование.

-
1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988, с. 423.
  2. Акт 18 от 28 сентября 1936 г.
  3. Р.М.Джанполадян, Р.М.Кирпичников. Средневековая сабля с армянской надписью; найденная в приполярном Урале - ЭВ, XXI, 1972, с. 24.
  4. Там же, с. 25.
  5. М.Е.Массон. Старинная персидская сабля 1017 г. хиджры - ЭВ, XVI, 1963, с. 92-93.

З.А.Джандосова

О МЕМУАРАХ ШАХА ШУДЖА КАК ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ "СИРАДЖ АТ-ТАВАРИХ"

В первом томе своего монументального труда по истории Афганистана, "Сирадж ат-таварих",¹ Файз Мухаммад неоднократно ссылается на некий дневник (روزانه) афганского шаха Шуджа ул-Муль-ка, при описании событий начала XIX века, вплоть до 1830-х годов. Перефразированные цитаты вводятся им словами "как сам он пишет в своем дневнике", либо просто "как сам он пишет"² и оформляются подобными вводными оборотами, как правило, тогда, когда речь идет о разночтениях в разных источниках, и существуют варианты трактовки.

Интерес к источникам, послужившим основной информативной базой "Сирадж ат-таварих", понудил нас обратиться к упомянутому

дневнику шаха Шуджа с целью предварительной оценки доли участия дневника (точнее сказать, мемуаров) в наполнении событийной кан-
вы исследуемой исторической хроники.

Следует, видимо, сказать несколько слов о личности шаха Шуджа и его особой роли в афганской истории. Родившийся около 1782 г.,³ он был седьмым сыном Тимур-шаха Дуррани. В 1801 г., во время правления своего брата шаха Махмуда, был назначен наместником в Пешавар. В 1803 г., когда всемогущий вазир шаха Махмуда Фатх-хан Баракзай уехал из Кабула, принц Шуджа ул-Мульк и поддерживавшие его ханы воспользовались отсутствием вазира, чтобы низложить шаха Махмуда. Последний был заточен в крепость Бала-Хисар, а принц Шуджа ул-Мульк, под именем шаха Шуджа, утвердился на троне. Фатх-хан, не имевший в то время достаточно сил для борьбы со сторонниками шаха Шуджа, оставался в провинции, хотя был "прощен" новым шахом (свидетельство слабости шаха Шуджа и примерного равновесия участвовавших в политической борьбе сил в тот период). С помощью младшего брата вазира, Дост Мухаммад-хана, шах Махмуд бежал из тюрьмы. Внутреннее положение в Афганистане обострилось, наследники Дурранийской державы схватились между собой в борьбе за власть. Новый вазир, Шир Мухаммад, заплатил жизнью за попытку дворцового переворота, с помощью которого он пытался заменить шаха Шуджа сыном шаха Махмуда Кайсаром. Объединив усилия, в 1809 году Фатх-хан и шах Махмуд захватили Кандагар и двинули свое войско на Кабул. Шах Шуджа, успевший перед этим заключить направленный против Франции и Ирана договор с англичанами (миссия М.Эльфинстона), был разбит в сражении под Гандамаком и бежал в Индию, где провел в изгнании почти 30 лет.⁴ В течение этих лет, особенно в первое время, шах Шуджа продолжал активно участвовать в борьбе за власть, пытался заключать союзы с индийскими правителями (в том числе с махараджей Пенджаба Ранджит Сингхом) и с их помощью, а также с опорой на своих сторонников в Афганистане, так или иначе ущемленных сначала шахом Махмудом, а затем пришедшим к власти в отдельных областях бывшей империи кланом баракзаев, предпринимать походы, имевшие целью "отвоевание наследственного владения".⁵ Несмотря на неудачи (в лучшем случае шаху Шуджа удавалось на некоторое время захватить Пешавар), шах Шуджа не падал духом и не оставлял своих попыток. Решающее значение в его последующей судьбе, включая повторное царствование (1839-1841 гг.), бесславную гибель и недобрую память после смерти, имел его переход под покровительство англичан, предоставивших ему возможность сначала поселиться

в Лудхиане на содержании британского правительства, а впоследствии быть восстановленным на троне Кандагара и Кабула в ходе I англо-афганской войны. Отношение афганцев к шаху Шуджа, ныне резко негативное,⁶ поначалу таковым не являлось, ибо происхождение шаха из семьи Ахмад-шаха Дуррани и его заметность на политической арене Афганистана и Северной Индии в первые десятилетия XIX века, придавали ему довольно большой политический вес и вносили момент известной законности в его претензии на афганский трон. Тем не менее, патристический и религиозный подъем пуштунов (как и ряда других народов Афганистана, в частности, кызылбашей и персоязычного населения Кабула и Кухистана), поднявший их на партизанскую войну против оккупационной английской армии, привел сначала к разгрому этой армии, а затем и к убийству шаха Шуджа 3 апреля 1842 г. "националистически настроенными элементами" в лице Шуджа ад-Доула.⁷

Таким образом, мы видим, что, будучи одним из важнейших действующих лиц эпохи, шах Шуджа представляет большой интерес для историков, как длительностью своего пребывания на авансцене событий политической жизни, так и определенной двойственностью своего положения и неоднозначностью политической фигуры.

Находясь в изгнании, шах Шуджа описал основные эпизоды своей политической биографии в воспоминаниях (мемуарах), озаглавленных "События [жизни] Шаха Шуджа" (*واقعات شاه شجاع*), которые и были использованы Файз Мухаммадом во время описания событий афганской истории, относящихся к годам политической активности шаха Шуджа, и названы им "дневником" шаха. Ниже, касаясь формы мемуаров, мы скажем, почему название "дневник" не совсем адекватно содержанию сочинения "События [жизни] шаха Шуджа."

Сочинение это состоит из трех больших разделов, или дафтаров. Первый охватывает эпизоды (*ع ١*) I-32, т.е. события с 1216 (1801 г.) по 1236 (1820/21 г.) и заканчивается английской оккупацией Синда и попытками шаха Шуджа противостоять сардару Мухаммад Азим-хану в Синде. Второй дафтар (эпизоды 33-ий и 34-ый) начинается сразу с 1241 (1825/26 г.), иными словами, автор мемуаров пропускает несколько лет своей жизни (проживание в Лудхиане), поскольку они не принесли никаких изменений в его историю как политической фигуры. В этих эпизодах центральное место занимают два кандагарских похода шаха Шуджа - 1831 и 1834 года. Как известно, и эти попытки шаха Шуджа вернуть афганский султанат не увенчались успехом, и "с сердцем, полным желаний",⁸

он вернулся в Лудхиану. Возвращением шаха Шуджа в Индию (1835 г.) заканчивается второй дафтар и собственно мемуарная часть сочинения.

Третий дафтар "Событий" (эпизод 35-ый) является добавочным и описывает последние годы жизни шаха Шуджа, вплоть до его убийства в 1842 г., а также некоторые другие события времен I англо-афганской войны, включая возведение на трон сыновей шаха и последующий уход английской армии из Афганистана. Его автор,⁹ гератский купец Мухаммад Хусайн, проживал в Шикарпуре (Синд) в то время, когда туда пришли английские войска, сопровождавшие шаха Шуджа. Мухаммад Хусайн был приближен ко двору шаха и отправился сопровождать его в Кабул. Во время английской оккупации Афганистана (и, соответственно, второго правления шаха Шуджа) Мухаммад Хусайн находился в Кабуле и был свидетелем Кабульского восстания 1841 года, убийства шаха Шуджа и изгнания англичан.

Очевидно, первые два дафтара были написаны самим шахом (или под его непосредственную диктовку) в Лудхиане, в 1830-х годах (не позже 1835 г.). Что касается третьего дафтара, то он был написан уже после ухода англичан из Афганистана, либо в Шикарпуре, либо в Лудхиане. А.А.Кохзад считает, что третий дафтар был написан Мухаммад Хусайном с ведома англичан или даже по их указанию.¹⁰ Это вполне возможно, так как во всех трех дафтах прослеживается симпатия к англичанам. В третьем дафтаре, касающемся, как мы отмечали, эпохи I англо-афганской войны, во время которой шах Шуджа скомпрометировал себя в глазах афганцев, сотрудничая с англичанами, взгляды и поведение шаха всецело одобряются.

Литографское издание "Событий" вышло в 1218 (1861/62 г.) в Лудхиане. Как указывает А.А.Кохзад, книга была напечатана в типографии "مطبعة مجمع البصيرين", благодаря стараниям некоего сеида Асгара Хусайна.¹¹ Именно эта литография была, видимо, использована автором "Сирадж ат-таварих". Возможно, однако, что Файз Мухаммад пользовался и рукописью мемуаров.¹² Этот вопрос требует уточнения.

Так как литографическое издание стало библиографической редкостью, в начале 1950-х годов "Историческое общество Афганистана" решило осуществить переиздание "Событий [жизни] шаха Шуджа". Сначала "События" были опубликованы отдельными выпусками в журнале "Ариана", а в 1333 г. с.х. (1954/55 г.) - отдельным изданием, под редакцией Ахмад Али Кохзада. Книга вышла в Кабуле тиражом 1000 экземпляров. В предисловии А.А.Кохзад отметил, что кабульское

издание было осуществлено по рукописи, хранящейся в Кабульском музее, и сверено с первым (индийским) изданием.¹³

Заметим, что при сопоставлении текста мемуаров шаха Шуджа (первых двух дафтаров) с текстом первого тома "Сирадж ат-таварих", мы пользовались упомянутым кабульским изданием.

Сопоставление показало, что фактически все основные эпизоды были использованы автором "Сирадж ат-таварих" с большой степенью полноты. Многие события политической истории - все те, в которых принимал участие шах Шуджа (а эти почти четыре десятилетия жизни государства), а мы видели выше, что он принимал участие в очень многих событиях - освещены почти исключительно на основе мемуаров шаха. Борьба за власть, первое воцарение, междоусобные войны, дипломатическая деятельность, потеря трона, скитания по Индии, попытки собрать армию и заручиться поддержкой индийских князей, сикхов или миров (правителей) Синда, афганские походы и печальное возвращение в Индию - шаг за шагом, вся политическая биография шаха Шуджа, в той последовательности, в какой она прослежена в мемуарах шаха, в той же последовательности она воспроизведена в "Сирадж ат-таварих". Чтобы не быть голословными, приведем таблицу соответствия эпизодов первых двух дафтаров страницам первого тома "Сирадж ат-таварих":

№ эпизода	№ страницы	№ эпизода	№ страницы
I	62	18	76-78
2	63	19	79-80
3	63-64	20	80
4	64	21	80-81
5	64	22	81
6	65	23	82
7	67	24	82
8	67	25	83
9	68	26	84-88, 90, 93-94
10	68-69	27	94
11	69	28	94, 95
12	69, 70-71	29	97-98
13	71-72	30	98-99
14	72-73	31	102-103
15	73-74	32	104-105
16	74	33	114-116
17	75-76	34	119-125

Из таблицы видно, что плотность использования мемуаров шаха Шуджа автором "Сирадж ат-таварих" очень велика. Файз Мухаммад в своем повествовании обычно следует за автором своего источника, т.е. шахом Шуджа; правда, как мы попытаемся ниже показать, следование это не буквально. В ряде случаев (эпизоды № 12, № 26, и № 28) Файз Мухаммад возвращается к мемуарам снова и снова, излагая в то же время параллельные по времени события по другим источникам. Беря за основу канву, т.е. ход важнейших событий, автор "Сирадж ат-таварих" опускает излишние (как своей интимностью либо эмоциональностью, так и своей субъективностью, т.е. несовпадением с мнением или оценкой самого Файза Мухаммада, претендующими на объективность) подробности и пересказывает более простым и современным языком. Рассказывая о событиях своей жизни, шах Шуджа постоянно дает моральную оценку как своим действиям, так и действиям других людей; Файз Мухаммад всегда опускает этот момент, его интересуют сами действия. В то же время любопытно, что подчас автор "Сирадж ат-таварих" идет как бы на поводу у шаха Шуджа, ибо повествует о всех перипетиях (переездах, переправах и встречах с местной знатью индийских селений) судьбы шаха, не задаваясь вопросом о важности всех этих мелочей для его основного предмета — истории Афганистана.

Несколько глав из книги шаха Шуджа представляются нам наиболее интересными и содержательными. Некоторые из них, прежде всего, эпизоды № 33 и 34, чрезвычайно насыщены информацией и послужили материалом для нескольких глав "Сирадж ат-таварих", описывающих т.н. кандагарские походы шаха Шуджа 1830-х гг. В заключение нашей статьи на примере эпизода № 26 мы попытаемся более подробно проанализировать характер использования мемуаров шаха Шуджа в "Сирадж ат-таварих".

Выше мы упоминали, что отдельные главы книги шаха Шуджа носят наименование "واقعة" (мн.ч. от "واقعة", "событие, инцидент, происшествие, эпизод"). Это название особенно верно отражает суть тех глав (к ним относится и эпизод № 26), которые представляют собой описание не какого-то одного крупного события, например, военного похода (как предыдущий эпизод № 25 — захват шахом Шуджа Пешавара в 1229?/1813 г.), а целого ряда событий, связанных хронологически и/или тематически. Название дневника также мало подходит к повествованию шаха Шуджа: в пределах одной главы (где может быть не указан даже год, в который происходило описываемое) между двумя какими-то событиями может быть опущено несколько "пустых" месяцев, и в то же время, если проис-

шествие имело важное значение в жизни шаха (как, например, утрата знаменитого алмаза "Кох-и нур", о чем идет речь в эпизоде № 26), то оно описывается подробно, "не по дням, а по часам".

Двадцать шестая глава "Событий" называется: "Отправление принца Хайдара на завоевание Дера Гази-хана, его сражение с Джаббар-ханом и возвращение без достижения цели". Аналогично и Файз Мухаммад именует соответствующую главку: "Назначение принца Хайдара против наваба Абдуджаббар-хана". Однако этот эпизод (попытка шаха Шуджа захватить Дераджат после своего временного утверждения в Пешаваре) - только начало большой главы, основным содержанием которой является пребывание шаха Шуджа при дворе или во владениях правителя Пенджаба Ранджит Сингха. Соответствующие главки "Сирадж ат-таварих" называются поэтому: "Поход шаха Шуджа на Кабул и его поражение", "Тиранство Ранджит Сингха, гостем которого был шах Шуджа", "Поход шаха Махмуда и вазира Фатх-хана в сторону Лахора против Ранджит Сингха". Первое событие (поход принца Хайдара в Дераджат) передано Файз Мухаммадом почти дословно. Тем не менее в "Сирадже" опущена деталь: "Хотя лашкар лвойско⁷ принца проделал трудный путь, в первой атаке он, несмотря на усталость, одолел лашкар Джаббар-хана. Но те лвоины Джаббар-хана⁷, имевшие продолжительный отдых, вновь объединились и начали бой".¹⁴ Файз Мухаммад пишет просто: "Наваб отступил, а затем вновь перешел в наступление". Далее канва событий совпадает. Описывая заговор против него, в результате которого шах Шуджа был арестован и попал в заточение, шах Шуджа не скрывает своих эмоций, называя изменников самыми плохими словами: "некоторые из ллюдей⁷ с человеческими лицами и характером дива", "лицемеры с нравом шайтана", "неимущие предатели", "презренное войско" и т.д.¹⁵ Разумеется, "Сирадж" опускает эти эмоции. Описание ареста: "Сирадж ат-таварих" говорит просто: "Сперва окружив, арестовали шаха". Сам арестованный более красноречив: "Пешие и конные воины ... окружив со всех сторон этого обращающегося с мольбой к престолу Всевышнего, превратили его в драгоценный камень посреди перстня".¹⁶ Опущена у Файз Мухаммада и следующая сентенция по поводу неблагодарных слуг: "Люди, находившиеся подле священного стремени, по причине отсутствия своих конников и подданных, которые были распределены по холмам Пешавара, находились в одиночестве, лишённые величия, поэтому вдруг случилось это событие (заговор) и стала видна их черная неблагодарность".¹⁷ После ареста шах Шуджа попадает в плен к наместнику Кашмира Ата Мухаммад-хану. Последний шантажирует шаха, требуя отдать ему алмаз "Кох-и

нур". Шах Шуджа приводит в прямой речи слова Ата Мухаммад-хана. В "Сирадже" – краткий пересказ требований наместника Кашмира. Затем Файз Мухаммад добавляет несколько слов о том, каким образом к шаху Шуджа в свое время попал этот алмаз. Любопытен следующий эпизод. На помощь заточенному в Кашмире шаху Шуджа отправляется никто иной, как его старый брат-соперник шах Махмуд (вернее, вазир последнего Фатх-хан Баракзай).

Описание в мемуарах шаха

Описание в "Сирадж ат-таварих"

"От известия о том, что Ата Мухаммад-хан, Джахандад-хан и иные бамизаи вели себя неучтиво и неблагодарно по отношению к нашим рабам,¹⁸ шах Махмуд проникся врожденной честью и гордостью, а также милостью и милосердной братской привязанностью, и он напавил по дороге грабежа в Дахла и другие местности, где обитали бамизайские племена, тысячу хорошо вооруженных всадников. Он предал убийству и ограблению всякого малого и большого, молодого и старого из них бамизаев, а их дома и земли разрушил и растоптал копытами коней своего войска. Тех же, кто уцелел, он приказал схватить и со всею жестокостью и мучениями ... доставить к нему".¹⁹

"Об этом узнал шах Махмуд. Из братского сострадания он отправил из Кабула в Дахла – местность, из которой происходил Ата Мухаммад – тысячу всадников, чтобы они убивали и грабили сородичей Ата Мухаммада. И вот они напали на эту область, не удержались от убийства ни старого, ни малого, а тех, кто уцелел, вместе с остатками разграбленного имущества, привели к шаху Махмуду".²⁰

Помимо большего многословия, отметим в тексте шаха Шуджа антибамизайский настрой и отсутствие сожаления по поводу этого наказания (ср. у Файз Мухаммада: "не удержались..."). Наказав бамизаев, шах Махмуд, как было уже сказано, отправил на выручку шаху Шуджа вазира Фатх-хана, в связи с чем в "Сирадже" появляется новая главка: "Поход вазира Фатх-хана в Кашмир". Описание событий в Кашмире несколько разнится. В "Сирадж ат-таварих" есть отсутствующая в мемуарах информация о предварительном договоре

Фатх-хана с Ранджит Сингхом. По договоренности между ними, после поражения Ата Мухаммад-хана и "освобождения" шаха Шуджа, последний был препровожден в Лахор, где уже находилась его семья. Конец главы посвящен пребыванию "в гостях" у Ранджит Сингха. Правитель сикхов держал шаха под домашним арестом, запрещал посещать гарем, стеснял в средствах, принуждая шаха Шуджа отдать алмаз "Кох-и нур". Передавая речи Р.Сингха, описывая свои переживания и страдания, мемуарист не скупился на эмоции. Отчасти это проявлялось и в "Сирадже", автор которого вполне сочувственно описывает злоключения невезучего шаха. Хотя, отдав в конце концов алмаз и получив взамен заверения в дружбе, шах Шуджа понадеялся на союз с Ранджит Сингхом, но не только не получил военного содействия новому походу на Афганистан, но и попал в еще более стесненное положение:

Описание в мемуарах шаха	Описание в "Сирадж ат-таварих"
"Во время встречи стало ясно, что его целью была отнюдь не беседа, и никакой совет ему был не нужен. Но хотел он завлечь рабов наших в тиски города Лахора. Стало понятно, что по своему бесчестию собирается он нарушить договор, изменить обещания" ²¹	"Во время их встречи [шах Шуджа] заметил на его [Ранджит Сингха] лице следы нарушения договора и понял, что тот зажал его в тиски города Лахора". ²²

Из сравнения этих двух отрывков можно получить представление о том, каким именно образом использовал Файз Мухаммад мемуары шаха Шуджа. В любом случае, очевидно, что речь идет не о не критической компиляции, а, скорее, о редактировании информации, взятой из источника.

1. Файз Мухаммад. Сирадж ат-таварих ("Светоч историй"). Т. I-2, Кабул, I33I (I9I2/I3).
2. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 64, I23 и др.
3. Л.Адамек (см.: L.Adamec. Who's who of Afghanistan. Graz, I975) указывает I792 г. Из текста самих мемуаров следует, что в I80I г. ему было I7 л . В таком случае год рождения Шуджа ул-Мулька - I784.
4. Adamec. Who's who of Afghanistan, p. 236.
5. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. II4.

6. واقعات شاه شجاع، کابل، ۱۲۲۲ ش، ص: ۶۰ ج.
7. L.Adamec. Ibidem.
8. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 125.
9. Как это явствуует из текста мемуаров (третий дафтар).
10. واقعات شاه شجاع، ص: ۶۰ ج.
11. Там же, с. 4 (" > ").
12. По словам А.А.Кохзада, рукопись находится в Кабульском музее:
واقعات شاه شجاع، ص: ۶۰ ج.
13. Там же.
14. واقعات شاه شجاع، ص: ۴۰ ج.
15. Там же, с. 41.
16. Там же, с. 41-42.
17. Там же, с. 42.
18. Так (перс. *بندهاں* ما) в третьем лице именует себя шах Шуджа.
19. واقعات شاه شجاع، ص: ۴۲ ج.
20. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 84.
21. واقعات شاه شجاع، ص: ۴۶ ج.
22. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 86.

Е.А.Западова

ПУТЕШЕСТВИЕ К.А.ВЯЗЕМСКОГО ПО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (XIX век)

Так случилось, что о путешествиях князя Константина Александровича Вяземского по белу свету в России знали мало.¹ Более того, к нему сложилось некое негативное отношение: человек богатый, странный, видимо, причуды заставляли его отправляться в дальние путешествия ... К тому же ездил он верхом – в этом также видели стремление быть оригинальным. Сам Вяземский в 1894 г. объяснял свое увлечение верховой ездой так: "... если хочешь заехать в глубь страны, где только и можно увидеть нечто оригинальное, самобытное, то других способов передвижения нет, так как очень часто, кроме горных тропинок, никаких других дорог не существует.

---

1. В советское время изданы тезисы доклада А.В.Соколова, сделанного им на совместном заседании Института истории естествознания, техники АН СССР и Московского филиала Географического общества 29 мая 1968 г. /1/. Речь о Вяземском идет в диссертации Н.И.Мороза, правда, нельзя не отметить зачастую неверного указания цитируемых листов. Фамилии Мороза нет в листе использования рукописи /2/.

Пробовал я применять к путешествиям велосипед; но это оказалось невозможным: эта игрушка нуждается в гладкой, ровной и твердой почве, почти нигде не встречающейся.

Ездить же по морю и приставать в портах не имеет, по моему мнению, большого интереса: ибо тут встречаешь не истинную жизнь народов, а извращенную наносной цивилизацией" /3, с. 317/.

Но это, пожалуй, внешняя сторона проблемы. Основное же затруднение для исследователей заключалось в том, что отчеты о путешествиях князя начала 80-х гг. публиковались во французских журналах. Сам он неоднократно выступал в Географическом обществе в Париже. Русская же печать практически не уделяла его путешествиям никакого внимания. Между тем, Вяземский исколесил всю Европу, только во Франции вплоть до 1894 г. он побывал около 30 раз, посетил большую часть Африки и Азии. За 16 лет своих путешествий (по его подсчетам) он проехал 318 тысяч километров, в том числе по Азии — 45 тысяч 580 километров. Его последнее большое путешествие, во время которого он посетил страны Юго-Восточной Азии, началось в июле 1891 г. и закончилось после тринадцатимесячного "благополучного почти странствования" (по его собственному выражению) в декабре 1893 г.

К.А.Вяземский родился в 1852 г. и принадлежал к старинному роду. Об этом говорит и сама фамилия, и наследственный дворянский титул, и он сам в одном из немногих сохранившихся писем (оно хранится в Архиве Института русской литературы). Его дочь отказались похоронить возле церкви и он гневно пишет: "Моя дочь княгиня Вяземская, происходящая от Рюрика по прямой линии, если Вы пожелаете раскрыть русскую историю, то узнаете по ней, что предок мой Владимир Равноапостольный крестил всю русскую землю и так я полагаю, что потомки того, без которого вы все были бы идолопоклонниками, не имели бы ни церквей, ни монастырей, имеют право быть погребенными около церкви" /4, л. 2-2а/. (К слову заметим, что князь не раз рассказывал о знатности своего рода властителям стран Юго-Восточной Азии).

Собственную тягу к путешествиям К.В.Вяземский объяснил так: "У всякого свой вкус: кто гонится за чинами, кто стремится к наживе, а кто, вот, как я, изучает земной шар в его разных частях со всеми подробностями" /3, с. 317/. Географическое общество отказалось субсидировать его поездку по странам Юго-Восточной Азии, программа была признана неосуществимой. Позднее, после возвращения Вяземский написал: "Странные люди вообще: как они любят предрешать события и признавать невозможным всякое дело, хотя немного

выдающееся из ряда обыкновенных" /3, с. 319/.

6 июля 1892 г. началось его путешествие по странам Юго-Восточной Азии по Нижегородской железной дороге. Все прощались с ним, по его выражению, "как с обреченным". Первую часть путешествия по Сибири он проехал на тройке в почтовой бричке, затем верхом вступил в Монголию. С ним были капитан Заремба, перевозчик, повар, несколько казаков и монголов, назначенных от китайского правительства. Они цроехали по Гоби, затем весь Китай. На путешественников было совершено нападение, китайский конвой тотчас покинул их, и "нас спасла лишь быстрота наших лошадей", по словам Вяземского. Сам он был ранен и после этого целый месяц продолжал путь в носилках.

Из Китая он прибыл в Тонкин, где его "с торжеством встречала французская интеллигенция" – что было понятно, так как его имя было широко известно во Франции. Он проехал Аннам, из Гюэ прибыл в район Меконга. Посетив Камбоджу и Кохинхину, он вернулся в Сиам. Ему пришлось оставить сибирских лошадей и добыть слонов, "которые днем прочищают путь, вырывая и разбрасывая деревья в сплошном дремучем лесу, покрывающем весь Сиам, а ночью предохраняют караван от тигров". Далее – Бангкок, Менам, на слонах проехал Бирму. В Рангуне оставил слонов, проехав на них более тысячи верст. Из Рангуна по Иравади поднялся до Мандалая. Во время путешествия по реке Чиндвин, познакомился с чинами, пересек Манипур, Ассам и достиг Бенгалии.

В феврале 1893 г. – он в Калькутте, путешествие по Индии длилось три месяца, затем через Кашмир и Гималаи он проник в Тибет, где "нашел население кроткое и гостеприимное". Он даже пытался сойтись с бонзами и, по его словам, ему удалось проникнуть в некоторые их тайны. В частности, он "подметил средства, употребляемые им, чтобы обходиться долгое время без пищи и питья" /3, с. 324/.

Таковы основные контуры его путешествия, во время которого он ообирал коллекцию из растений и животных, "между которыми были и совсем еще новые неизвестные экземпляры". К сожалению, на него напали разбойники, которые разграбили весь багаж. Именно поэтому князь Вяземский считал, что, несмотря на все желание извлечь из путешествия "возможную пользу для науки", это не удалось. Две недели он питался одною мукой, из которой делал лепешки на воде, пока одному из слуг не удалось спастись из плена и не пробраться в Кашгар, где он уведомил русского консула об отчаянном положении князя. Были посланы казаки, и Вяземский возвратился, закончив, по словам анонимного французского автора, "свое единственное в мире

по размерам путешествие" /3, с. 325/.

Князь мечтал совершить еще одно путешествие по Африке, отдохнув несколько месяцев после странствований по Юго-Восточной Азии. Но о дальнейшей его судьбе пока известно мало. В 1894 г. он приво-
дил свои записи в порядок и семь отрывков из его работы, названной им "Путешествие вокруг Азии верхом", увидели свет в журнале "Рус-
ское обозрение" в 1894-95 гг. - отрывки, посвященные началу путе-
шествия, Сибири, Китая. Дневники путешествия по Юго-Восточной Азии
остались ненапечатанными и хранятся в Отделе рукописей Государст-
венной библиотеки им. В.И. Ленина /5/. Там же хранится письмо Вязем-
ского к А.А. Александрову, издателю журнала "Русское обозрение",
которое весьма красноречиво свидетельствует о материальном положе-
нии князя: "Посылаю Вам продолжение моего путешествия, согласно
обещанию Вашему надеюсь Вы печатаете его каждый месяц, и потому
теперь взятые мною 200 рублей вперед зимой зачислены полагаю с из-
бытком...

Чтобы не платить почтовых расходов потрудитесь деньги (да по-
жалуй и книги) отправить в Афонскую часовню, что на Никольской ...,
адресуя так: в Турцию на святой Афон в Русский Пантелеймоновский
монастырь князю Вяземскому" /5/.

Умер путешественник через девять лет в 1904 г. и, к сожа-
лению, пока ничего неизвестно о его последних днях и работах.

Итак, он въехал в Тонкин 14 марта 1892 г. и заметил сразу же,
что французы имеют праздничный вид и чему-то все радуются. Мест-
ные жители "аннамиты" очень робки, точно чем-то напуганы или удив-
лены. Они боятся европейцев и со страхом проходят мимо их каменных
двухэтажных домов. Аннамитские домики скучены между собой и пред-
ставляют непроходимые лабиринты" /5, тетр. 20, л. 293/.

Он был принят правителем Аннама, который спросил путешествен-
ника о знатности рода русского царя. Вяземский сообщил и о себе,
что его прапрадедом был знаменитый полководец Александр Невский.
Как и позднее король Лаоса, правитель Аннама не имел о России
"никакого понятия" до приезда Вяземского. Таким образом, можно ут-
верждать, что подобные личные контакты имели немаловажное значе-
ние для пропаганды России. В Аннаме Вяземский был награжден высши-
ми орденами и зачислен в мандарины первого класса без должности.

Внимание Вяземского привлекли города, лежавшие на его пути
/6, с. 117-125/. Город Шолон ему не понравился прежде всего пото-
му, что его возмутило производство опиума - к этой проблеме в Юго-
Восточной Азии Вяземский обращался неоднократно. "Опиум варят, жа-
рят, месят, как тесто, обкуривают, затем складывают в коробки и

рассылают для отравления миллионов людей.

Когда смотришь на это дело, то удивляешься: как может просвещенная нация употреблять столько усилий и трудов затем, чтобы в результате губить своих сограждан! Всем известен вред, производимый этим гадким составом (а французам и англичанам это известно более чем кому-либо, ибо в метрополиях, своих европейских владениях, употребление этого зелия строго воспрещается); и вот так велика страсть к наживе, что вопреки здравому смыслу и всем человеческим чувствам само государство занимается распространением этого зловердного курева!" (5, тетр. 29, с. 587).

Рассуждая на тему вредности курения табака, употребления опиума или смысле жизни князь Вяземский неоднократно на страницах своих дневников (26 из которых посвящены странам Юго-Восточной Азии) обращается к авторитету Льва Толстого.

Наблюдательный человек, Вяземский заметил, что французы местных (камбоджийских) начальников "в грош не ставят" /5, тетр. 26, л. 521/.

О материальной и духовной культуре Сиам, как и других стран Юго-Восточной Азии, русский путешественник сообщил много интересного. Прибыв в Сиам, он был счастлив, ибо "попал в страну, о которой мечтал, узнал, что находится там, где белые пятна значутся на картах географических" /5, тетр. 30, л. 642/.

Описывая дом богатого человека, Вяземский фиксирует внимание читателя на европейской кровати, трюмо, японских пейзажах, коврах, китайской резной мебели. Интересно его примечание: "Восточные жители, не привыкшие спать на кроватях, обыкновенно ставят их в своих приемных в виде украшения. Это мне случалось видеть и у арабских пашей и у мавров" /5, тетр. 31, л. 644/. Важный чиновник продемонстрировал Вяземскому подарки короля - чайник, сахарницу, кольцо, коробку - все это из чистого золота, тонкой работы. В кольце был крупный бирманский рубин, корзинка - "очень изящно сплетена из золотой проволоки, а на блюдах выточены мелкие цветы" /5, тетр. 25, л. 489/. Оказалось, что король дарует своим сановникам подобные подарки пожизненно. После смерти номинального владельца вещи возвращаются ко двору и даются в пользование другому королевскому любимцу.

Путешественник подробно описал некоторые обычаи и обряды сиамцев. Так, рассказывая о погребении, он отметил, что "с бедными не церемонятся, и если у них не останется средств уплатить расходы сжигания, то их бросают на съедение хищным птицам". В то же время состоятельных людей бальзамируют и выдерживают в домах го-

дами и сжигают после определенных церемоний. Это наблюдение К.А. Вяземского нашло свое подтверждение при церемонии сожжения короля Чуладонгкорна. Он скончался 10(23) октября 1910 г., а сожжение состоялось, как явствует из переписки русских дипломатов Плансона-Росткова Г.А. и Сазонова С.Л., 16 марта 1911 г. /8, л. 32/. Описание погребального и других обрядов, занимающих значительное место в жизни сиамского общества, могло бы быть ценным вкладом в отечественную этнографию.

Вяземский особо подчеркнул роль религии, монашества в жизни сиамского общества 90-х гг. А его беседа с миссионером-христианином приоткрыла завесу над тайной обращения некоторых сиамцев в христианство. По его словам, рабами в Сиаме становятся пленники, представители многочисленных племен, захваченные во время военных схваток, а также воры, должники. Иногда рабами становятся на какой-то срок. Случается, что родители продают в рабство своих детей, всегда с правами выкупа /5, тетр. 25, л. 477/. Каждый, кто вносит определенную плату, по существующему закону вправе откупиться. Этим и пользуются миссионеры, которые путем выкупа неоплатных должников на условиях принятия христианства увеличивали число неофитов.

К.А.Вяземский подчеркивал, что в леса Лаоса "с их злокачественными лихорадками" еще не ступала нога европейца, и он первый, кому удалось это сделать в 1892 г. Объединяя лао Сиам и Лаоса, путешественник поясняет: "Лаосами называются жители северных земель Сиам; в старину они составляли сильное княжество, да и теперь у них есть независимые короли, однако платящие дань Сиаму" /5, тетр. 23, л. 422/. Путешественник показал прекрасное знакомство с результатами экспедиции француза Лэгрэ и отметил некоторые неточности в его карте. Восхищение Вяземского вызвал "широкий великолепный Меконг", который он назвал "царицей рек": "Вот эта красавица крайнего Востока! И действительно хороша и импозантна!... Среди реки видно много островов, также покрытых роскошной растительностью. Там кишат пеликаны, дикие гуси и крокодилы. По берегу скачет множество диких обезьян" /5, тетр. 25, л. 473/.

Город Паксе (Бассак), в котором, по словам Вяземского, находилась резиденция лаосского короля, - ботанический сад, множество растений которого стали бы украшением любой теплицы России. Среди густой зелени прячутся небольшие деревянные хижины. Единственное большое здание - дворец, где останавливается брат короля Сиам. Русский путешественник находился в Лаосе до заключения франко-сиамского договора 1893 г. и для того, чтобы встретиться

с ним, в Паксе прибыл сиамский комиссар калуонг (Вяземский называет его калун). Это свидетельство – еще одно доказательство исторического факта, что два таких комиссара были направлены в Луангпхабанг в 1885 г. по просьбе лаосского короля Ун Кхама и практически полностью контролировали управление страной.

Чрезвычайно интересно для этнографа описание лаосской деревни XIX в. Дома обычно строятся на высоких столбах, внутри – некоторое убранство: по углам – идолы, на стенах оружие, но огнестрельного почти нет, употребляется "нечто вроде лука и отравленных стрел" /5, тетр. 23, л. 422–423/. Путешественник сопоставляет лаосцев с соседними народами Юго-Восточной Азии. Так, говоря о воспитании детей, он соотносит сиамских и лаосских женщин, которые никогда не расстаются со своими детьми, берут их с собой повсюду – на работы, в поля, в молельни. Он полагает, что девочки в этих странах развиваются рано, так что "13-летние уже выходят замуж, зато в 22 года женщина уже почти старуха и слывет пожилой, такую уже никто замуж не возьмет" /5, тетр. 23, л. 433/.

Вяземский перечисляет различные народности и племена из групп низинных и вершинных лао. В одном из селений, где живут лао и пхутхайи, он становится свидетелем того, как жители ведут меновую торговлю с жителями гор, поставляя им соль, хлопок, разные материи собственного производства, получая взамен шкуры, слоновую кость, кардамон, корицу, "глиняную и металлическую посуду происхождения аннамитского" /5, тетр. 24, л. 455/.

В других местах Сиам и Лаоса он отмечал меновой характер торговли, но там употребляются серебряные и медные знаки. Наиболее типичны медные лодочки, узкие, "длинной в вершок, посредине выдолбленные, они очень напоминают формой наш челнок. Стоимость их невелика. Серебряная монета очень древняя имеет вид шарообразных калачиков, приплюснутых с боков, на задке видны узоры и очень мелкие надписи, размером они в те шарики, что употребляются при игре в солитер, стоит около рубля" /5, тетр. 25, л. 487/. Он упомянул и о недавно выпущенных плоских монетах с портретом короля. Золота на монеты не употребляют, но, по словам путешественника, его здесь добывается много, преимущественно в окрестностях города Атапы (сам он не бывал в этом городе). Таким образом, свидетельства очевидца помогают представить себе типичную форму монет в Лаосе, эволюцию, которую претерпело денежное обращение в Сиаме и Лаосе.

В конце 1892 г. князь Вяземский прибыл в Бирму, побывал в Моламьяйне, Рангуне, Мандалае, Аве, Амарапуре, небольших деревнях. Думается, стоит привести описания русского путешественника,

неизвестные нашему читателю: "Перенесите человека прямо из Европы разом сюда и он вообразит себя в каком-то волшебном царстве: не от мира сего, так все тут мило, красиво, поэтично устроено. Даже я, проехавший Китай, Аннам, Сиам и видевший там множество разнообразных храмов буддийской архитектуры, даже я был поражен. Архитектура бирманская совершенно своеобразная, несмотря на обилие позолоты, яркости цветов, причудливости убранства, нет никакой режущей глаз пестроты: вся эта масса кумирен, живописно расставленных на холмах, представляет какой-то игрушечный город, где во всю мочь проявляется богатая восточная фантазия. Описывать их в подробностях невозможно, это надобно смотреть самому, никакой самый тщательный и искусный пересказ не даст понятия об этих прелестях, это нужно высмотреть самому, и увидев хоть раз, на всю жизнь сохраняется неизгладимое впечатление" /5, тетр. 39, л. 843/.

Столь же красочны его описания Рангуна, Мандалая, который он назвал "прелестнейшим на всем крайнем востоке". Побывал он и в доме обычного бирманца и заметил, что в жизни сиамцев и бирманцев много общего: "... тот же бамбуковый пол, те же перегородки, то же отсутствие мебели... На стенах красуются местные рисунки, так как бирманцы большие художники" /5, тетр. 41, л. 901/.

Чрезвычайно интересно описание того, как бирманцы молотят с помощью слонов: "Слон запрягается к вращающемуся колесу и вертит молотилку, очень похожую на нашу, другой подбрасывает туда рисовые снопы, и третий откидывает солому и частью уносит. Людям почти нечего делать, и они остаются простыми зрителями, время от времени, понукая слонов" /5, тетр. 41, л. 904/.

Как и в Сиаме, Вяземский особое внимание обращал на национальные обряды. Он очень подробно описал обряд похорон настоятеля буддийского монастыря. Смерть духовного лица – событие радостное, потому что, по словам путешественника, это уже путь в нирвану. Церемония похорон продолжается несколько дней и состоит, кроме обряда сжигания, "из разнообразных публичных увеселений, напоминающих наши маслиничные балаганные ярмарки" /5, тетр. 40, л. 871/. Он отметил, что присутствие на церемонии сожжения иностранцев не было приятно бирманцам, но никто не выражал никакой враждебности.

К.А.Вяземский описывает также костюмы жителей стран Юго-Восточной Азии, пищу, спортивные игры, театральные увеселения и делал это с большим тактом и очень живо. Его литературный дар несомненен, о чем ярко свидетельствуют даже те отрывки, которые приведены в такой небольшой по объему статье.

Думается, упрек бирманистов И.Воеводова (И.В.Можейко) и

А.Никифорова (А.Н.Узянова), брошенный ими в адрес князя Вяземского, глубоко несправедлив. Они заметили: "Сейчас приходится лишь жалеть, что замечательный спортсмен и неутомимый кавалерист оказался плохим наблюдателем и слабым литератором" /9, с. 99/. Видимо, ученые не смотрели его дневников, о чем можно судить и по суровому отзыву, и потому, что их росписей нет в листах использования рукописей Вяземского.

Внимательное же знакомство позволяет сделать вывод, что специалисты – этнографы, историки, ботаники – могут найти в дневниках К.А.Вяземского множество полезных сведений, глубоких наблюдений, касающихся материальной и духовной культуры народов Юго-Восточной Азии. Можно только сожалеть, что эти материалы не были использованы советскими авторами, рассказывавшими о странах этого региона в 60–70-е годы XX в.

Уже отмечалось, что период с 1891–1917 гг. – самый краткий в хронологическом отношении отрезок времени – стал самым плодотворным в изучении стран Юго-Восточной Азии в России /6; 7/. И путешественник князь К.А.Вяземский внес свою особую лепту в исследование разных стран. Его неопубликованные дневники свидетельствуют о том, что нет почти ни одной стороны жизни сиамского, кхмерского, вьетнамского, бирманского обществ, которой бы он не коснулся. Анализ его работы имеет большую ценность для изучения этнографии и новой истории народов Юго-Восточной Азии. И этот вклад еще предстоит изучить.

-
1. А.В.Соколов. Дневники и письма путешественника К.А.Вяземского (1852–1902). – Материалы московского филиала ГО СССР. Вып. 3, М., 1969, с. 10–12.
  2. И.Н.Мороз. Исследования русских ученых и путешественников как историко-этнографический источник по народам стран Азии. – Автореф. дис. ... канд.ист.наук.М., 1974.
  3. К.Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом. – Русское обозрение. Т. 29. М., 1894.
  4. Институт русской литературы. Фонд 27.171.
  5. К.А.Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом (1891–1893). – Отдел рукописей Государственной библиотеки им.В.И.Ленина. Фонд 178, муз.собр. 8390.
  6. См.: Е.А.Западова. Об изучении Вьетнама в России. – ПИ и ПИГНВ, XXII, ч. I. М., 1989.
  7. См.: Е.А.Западова. Об изучении Кампучии в России. – ПИ и ПИГНВ, XXIII, ч. I. М., 1990.

8. Архив внешней политики России. Японский стол. Дело 1791, л.32.
9. И.Всеголовов, А.Никифоров. Настоящая радуга. М., 1973.

И.Л.Иноземцев

О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ХУШХАЛ-ХАНА ХАТТАКА И СПОСОБАХ ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ В "ДАСТАР-НАМА"

"Дастар-нама" – одно из первых дошедших до нас сочинений светского содержания на языке пашто. С одной стороны, определение содержания словом "светское" предполагает отсутствие религиозной специфики сочинения. Известные нам факты биографии автора также говорят о том, что он не был представителем какой-либо философской школы и не являл собой лицо духовное. Даже напротив, на лице его отражались радости жизни реальной, не лишенной княжеских утех, увеселений и пирушек,¹ хотя и омрачалось оно иногда суровостью походно-полевой жизни. Кроме того, в юности он получил хорошее образование и был человеком широких взглядов, обладал незаурядным поэтическим дарованием и оставил немалое рукописное наследие.

С другой стороны, в книге этико-дидактического содержания, каковой является "Дастар-нама", не могла не отразиться этика и философия ислама, определявшего весь жизненный уклад пуштунских племен середины XVII века. Элементы этой этики и философии и являются предметом данного сообщения; при этом они не представляют собой какой-либо определенной системы взглядов – в целом и оформленном виде мы не найдем их в рукописном наследии Хаттака. То, что он увлекался суфизмом, хотя суфием так и не стал, отразилось в основном в его поэтическом творчестве. Мы же ограничимся нравоучительной и жизненной философией Хушхала, его этикой, а точнее – фрагментами этой этики в виде отдельных мыслей, которыми насыщены главы "Книги о чалме". Рассуждения эти, разбросанные по всему тексту памятника, появляются в самых разнообразных местах, зачастую дополняя повествование или прерывая его совершенно неожиданными умозаключениями, а то и целыми экскурсами в отдаленные сферы человеческого познания, при этом логика мыслительных процессов автора не поддается никакому рациональному анализу. Тем более трудно это сделать с позиций европейской логики нашего века, не отягощенной космологическими ассоциациями и глобальными обобщениями, свойственными средневековью в описании простых понятий.

Поскольку исследований, посвященных разбору философских и

этических категорий в творчестве Хаттака я не обнаружил, но при этом почти все исследователи литературного наследия Хушхала называют его философом, я вынужден ограничиться только собственным анализом этико-философской стороны его творчества.

Если судить по названиям глав памятника, то четверть названий первой части, описывающей т.н. "хунары" (талант, искусство, мастерство, умение), и почти целиком вторая часть, посвященная т.н. "хаслатам" (человеческие качества и свойства), представляют собой последовательное перечисление, лишенное, к сожалению, какой-либо системы, пороков и добродетелей человеческих, "философски" разделенных Хаттаком на "хорошие" и "нехорошие". Иногда Хушхал проводит более тонкую классификацию в рамках какой-либо добродетели или порока (например, "гордость", "стыд", "глупость (или невежество)" делятся на степени и ранги), но при этом он не пытается самостоятельно провести градацию в соответствии с морально-правовой пятиступенной системой оценки поступков, принятой в исламе, хотя вспоминает о ней, если может применить ее положения с твердой уверенностью.²

Избранный Хаттаком жанр "зеркала" не очень подходит для глубоких философских размышлений (автор и не претендует на это), но весьма хорош для поучений и удобен для изложения этико-философских мыслей, а также собственных познаний Хушхала по любому вопросу. Каждую из своих мыслей он подкрепляет назидательными историями. Временами обязательная в обосновании важнейших этических постулатов ссылка на деяния исторического авторитета (Пророка Мухаммада, Платона, Хосрова Ануширвана) кажется ему недостаточно убедительной и тогда со свойственным ему размахом фантазии он приходит к глобальным обобщениям, из которых дедуцирует порой совершенно неожиданные выводы, например: "... чалма - это нечто такое, что олицетворяет собой величие Религии Мира (ислама - И.И.), и тот, кто ее носит, понимает ее истинное значение и знаком с правилами ношения чалмы. Тем самым он обретает достоинства и таланты. Если это не так, а чалма - уже на голове, да еще и сидит кокетливо, такую чалму и чалмой-то не назовешь³, просто белый турбан какой-то, круглый год с отпущенным шамла³ или "рассекающий ветер", - повязывающий такую чалму подобен женщине или недорослю. мужчиной его не назовешь".⁴

Большую часть философских рассуждений Хаттака можно было бы уложить в следующую схему:

1. Посылка (или тезис);
2. Разъяснение, плавно переходящее в вывод;

3. Соответствующий пример из исторической или (чаще) личной практики;
4. Окончательный вывод на более высоком уровне обобщения (которое зачастую теряет логическую связь с первоначальным тезисом).

Например, Хушхал рассматривает страх не как субъективное эмоциональное состояние, присущее человеку эпизодически или постоянно, а как некое объективное ощущение, внушаемое обстоятельствами или другим человеком. В тринадцатой главе второй части "Страх и надежда (на спасение)" постулатом Хаттака является утверждение, что правитель должен внушать страх. Развивая свое утверждение мыслью о том, что подданные должны бояться своего правителя постоянно, в качестве примера Хушхал приводит притчу об Ануширване, повар которого нечаянно пролил из миски еду на роскошные одежды царя, а потом, испугавшись наказания, пролил еду из миски второй раз, уже на царственную голову. Расчет его был верен: если за малый грех его бы казнили, то за большой он был прощен. Окончательный вывод Хаттака, несмотря на первоначальный постулат о необходимости внушать страх приближенным, сводится к высокой оценке моральных качеств Ануширвана Справедливого.

Кроме того, отдельные философские постулаты используются автором в процессе изложения априорного материала, начиная с первой главы "Познание самого себя". Здесь Хаттак извлекает из своего интеллектуального багажа архаичное утверждение, что "самопознание бывает 2-х видов: внутреннее и внешнее (батин ау захир). Эта мысль не нова в жанре "зеркала", ее можно обнаружить уже среди отеческих увещаний Кей Кавуса (XI век),⁵ но, в отличие от последнего, приступающего по окончании констатации сего факта к изложению практических рекомендаций по пользованию инструментом познания и органами чувств ("изучи речь хорошенько и поискуснее, имей привычку всегда быть красноречивым..." и т.д.), Хаттак философски развивает эту мысль: "... но все виды познания есть познание Бога, и далее подкрепляет эту мысль соответствующим байтом:

"Если познаешь себя, то познаешь и Бога,

Пока себя не познаешь, Бога тебе не познать".

Здесь логика философской мысли Хаттака, напоминающая о его прежнем увлечении суфизмом прерывается научно-популярным изложением материальных и духовных процессов, сопровождающих человеческую жизнь в этом мире (в своеобразном понимании Хушхала): "Во имя продолжения рода человеческого между мужчиной и женщиной существует любовь". Далее следует описание анатомического строения человека,

физиологии, механизма зачатия и пр.

Теория познания по-Хаттаку не слишком сложна. В соответствии с мусульманской традицией он разделяет все науки на тайные и явные, как об этом уже говорилось. Науки явные постигаются постепенно, "при помощи накопления изученного, увиденного или прочитанного. По завершении процесса познания явных наук совершается честный переход к новому этапу познания - началу изучения наук тайных, что и происходит при помощи "очищения, проповеди, внушения, наставления". Цель познания у Хушхала определяется категорией "счастье", главным исходным условием для овладения науками он называет наличие врожденных способностей: "Дерева и палок много, но хорошую стрелу можно сделать только из серебристого тополя".

Далее логика повествования, напоминающего урок природоведения, приводит автора к первому (в данной главе), и, видимо авторскому выводу об относительности всего сущего в бренном мире, а также о первичности бытия (в данном случае - здоровья): "Если у тебя в руках находится казна всего мира, и появляется некто, предлагающий тебе средство, которое может излечить твой больной глаз, и за лечение этого глаза тебе нужно отдать казну всего мира, - ты ее отдашь. Казна всего мира будет ценой твоего здорового глаза".⁶ На этом философия обрывается и описанием строения глаза возобновляется урок анатомии.

Приведенный выше пример показывает, что Хушхал не очень стремился к углубленным философским размышлениям, но иногда он обращался к мусульманским этико-философским положениям и системам. Подобного рода положения встречаются эпизодически во второй части "Дастар-нама", посвященной "хаслатам", например: "Созданий Истинно Всевышнего много, и о всех я расскажу. Несомненно, что среди таких творений Всевышнего, как небо, земля, море, ангелы и пр., Человек - самый благородный и самый великий... Все люди делятся на мужчин и женщин, и мужчины, несомненно, лучше... Брак является основой благоустроенного общества, поскольку мир зиждется на продолжении рода человеческого...".⁷ Утверждения эти не новы и типичны не только для "Дастар-нама", но и для любого памятника литературы, написанного в духе "домостроя".

Значительно больший интерес, на мой взгляд, представляют отдельные образцы теософской этики Хушхала, в которых соединились философия и этика ислама, традиции пуштунов и логика Хаттака. К подобным образцам можно отнести, например, понятие "шарм"⁸ - стыд или совестливость. В разумении Хаттака "шарм" - это весьма "ёмкое" понятие:

"Если нет совестливости в мире – то нет и веры. Совестьливость – это оболочка веры, если нет оболочки, то нет и того, что внутри. Щедность, благородство, великодушие, благочестие, вера – все это связано со стыдом, если стыда нет – то нет и всего этого. От стыда не убежать, можно только убить себя".⁹ Совестьливость, или стыд, согласно автору, "существуют в нескольких видах:

- совестливость перед Богом;
- совестливость перед ангелами;
- совестливость перед людьми".¹⁰

Совестьливость перед Богом, по Хаттаку, состоит в том, что все, что человек ни делает, он должен делать с оглядкой на Бога и постоянно бояться божественного наказания, а "Господь все видит и всякого видит: и в полной темноте, и что под землей творится – ничто и никто от Его ока не ускользнет".¹¹ "Совестьливость перед ангелами" состоит в том, что за всеми человеческими деяниями и поступками наблюдают ангелы, сидящие на плечах у человека, "чтобы Шайтан не заставил человека совершать поступки, противоречащие Шариату": например, "мужчины и женщины не должны обнажаться в присутствии друг друга, особенно во время авдаса".¹² В понятие совестливости перед людьми Хушхал включает соблюдение следующих правил: "человек должен быть проникательным, хорошо знать свое дело, быть предупредительным по отношению к другим, не быть мстительным, почитать предков и учителей, соблюдать адаб,¹³ быть послушным, не нарушать приказов и не быть бесчестным".¹⁴

Из приведенного текста видно, как некоторая сумбурность философской систематизации этических категорий сочетается у автора со своеобразной логикой понимания воспитательного процесса.

К подобным теоретическим разработкам можно также отнести понятие "гайрат" – гордость. Согласно Хаттаку, это замечательное качество существует в следующих проявлениях:

- гордость в вере (пә дйн пә мазхаб);
- гордость правителя в своей стране;
- гордость в своем доме.

Первую из вышеупомянутых категорий Хушхал составляет из уважительного отношения к исламу: "Даже если обнаружишь в религии какие-либо несоответствия, постарайся сделать вид, что не замечаешь этого".¹⁵

Вторая категория – "гордость в государстве", по Хаттаку, имеет два подвида – "от ума" и "от невежества". "Та, что от невежества, возрастает по мере увеличения количества пустых мыслей, клеветы и наветов, и получается не гордость, а глупость".¹⁶ Ту гордость,

которая "от ума", Хаттак не объясняет, очевидно, полагая, что это ясно само собой и в уточнениях не нуждается.

Последняя из трех упомянутых категорий регулирует меру чувства, возникающего по отношению к своей собственности – дому и семье.

Склонность автора к схематизму и упрощениям можно обнаружить везде, где Хаттак стремится передать свои многочисленные познания минимальным количеством назиданий, что он и делает, применяя простейшую классификацию и не считая нужным давать даже элементарных логических обоснований, например: "Необходимо быть одинаково осторожным по отношению и к врагам, и к друзьям". Избавив нас от пространных комментариев к данной сентенции, Хаттак, однако, считает нужным классифицировать врагов и друзей, разделив их на категории и виды.¹⁷

Пристрастия Хаттака в его систематизациях порой не поддаются объяснению. Например, разделив "недостойных чалмы" на глупцов в неведж, он не систематизирует дураков, но неведж и заблуждающихся смело группирует по трем категориям.¹⁸

Примеры, приведенные выше, показывают, что этико-философские положения, извлекаемые Хаттаком из древних трудов и традиций его времени и перерабатываемые им для упрощения их восприятия молодыми пуштунами, излагаются в виде тезисов, расположенных в порядке, свойственном логике Хушхала. (Например, "терпением и мягкостью исправляют скверные дела, а гневом – портят хорошие. Доброты никому не следует стесняться и в ней раскисаться").¹⁹

Разбор этико-философских сторон назидательной книги Хаттака показывает, что хотя большинство афганских исследователей его творчества считают Хаттака "философом и мыслителем", с определением его как философа согласиться довольно трудно по причине отсутствия у него собственных философских идей и принимая во внимание уровень его философских абстракций, но большинство излагаемых им этических и этико-философских положений вызывают несомненный интерес.

-
1. Моргенштерне сообщает по этому поводу: "Вино, которое он пил, было не только вином мистического экстаза, временами он не был чужд вина из Португалии и других крепких напитков". Моргенштерне М, Хушхал-хан – национальный поэт афганцев, [6/м], 1945, с.53.
  2. Здесь имеется ввиду морально-правовая система оценки поступков, принятая в исламе: ваджиб (или фарз) – обязательное; манзуб – рекомендуемое; мубах – дозволенное, но не вознаграждаемое Аллахом; макрух – нерекомендуемое, но и не запрещенное; махзур

- (или харам) – запрещенное. Хаттак первые 4 ступени называет так: фарз, ваджиб, суннат, мустахаб.
3. Шамла – свободно свисающий конец чалмы.
  4. Хушхал-хан Хаттак, "Дастар-нама", Кабул, 1345/1966, с. 3.
  5. В "Кабус-намэ" цитируется классическая для исламской науки градация органов восприятия мышления и речи: 1. Явные: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. 2. Скрытые: Речь, мышление, память, воображение и различение. "Кабус-намэ", 2-е изд., пер. и прим. Е.Э.Бертельса, М., 1958, с. 65.
  6. Дастар-нама, с. II.
  7. Там же, с. 54.
  8. "Шарм" сейчас стал у пуштунов понятием, применяющимся для обозначения действий или поступков, совершение которых влечет за собой различные степени общественного одобрения или порицания, а в отдельных случаях – и наказания.
  9. Дастар-нама, с. 96.
  10. Там же, с. 97.
  11. Там же, с. 97.
  12. Там же, с. 97; авдас – ритуальное омовение перед молитвой.
  13. Адаб – в данном контексте соответствует понятию "правила этикета", с акцентом на значениях "вежливость" или "хороший тон".
  14. Дастар-нама, с. 98.
  15. Там же, с. 123.
  16. Там же, с. 123.
  17. Там же, с. 125.
  18. Там же, с. 131.
  19. Там же, с. 122.

К.Б.Кёпинг

ПОПЫТКА ДЕШИФРОВКИ ТАНГУТСКИХ СТЕПЕНЕЙ ТРАУРА

Ввод в научный оборот любого нового тангутского текста – событие в тангутоведении: обогащаются и уточняются сведения по грамматике и лексике тангутского языка и исследователь в овладении этим мертвым языком поднимается на качественно новую ступень.

Предпринятая Е.И.Кычановым публикация кодекса (свода законов) тангутского государства (из запланированных четырех книг к июню 1989 г. опубликовано уже три)¹ – событие чрезвычайного значения, поскольку, помимо обычных сведений, извлекаемых из текстов, мы получаем оригинальный материал, касающийся всех сторон жизни тан-

гутского общества.

Здесь мы остановимся только на одной статье кодекса, а именно на статье № 41 - 序藏¹ нинь¹ цзы¹ "Степени родства".

Эта статья кодекса представляет собой совершенно уникальный для тангутоведения материал.

Прежде всего данные этой статьи кодекса позволят полностью реконструировать тангутскую систему родства, которая вплоть до последнего времени оставалась "белым пятном" в тангутоведении: все наши представления о тангутской системе родства основывались на весьма ненадежных данных тангутских словарей, а также на случайном употреблении того или иного термина в тексте.² Между тем статья "Степени родства" - это единственный текст, в котором тангутская терминология родства представлена в определенной системе.

Кроме того, статья "Степени родства" является ключевой в составе самого тангутского кодекса, без дешифровки которой затруднительны (в некоторых случаях даже невозможны) прочтение и интерпретация многих статей кодекса: мы имеем в виду, например, статью № 40 "Восемь суждений о лицах, имеющих право на смягчение наказания",³ где речь идет о градации родственников императора, а также многочисленные статьи, связанные с перечислением родственников в связи с каким-то преступлением (например, убийством определенного родственника).

Таким образом, для реконструкции социальной жизни тангутского государства - явления, практически неизвестного науке, совершенно очевидна необходимость ввода в научный оборот прежде всего именно этой статьи кодекса.

В данной статье мы попытаемся дать свою интерпретацию этой статьи кодекса, которая однако отнюдь не претендует на окончательное решение вопроса - это только вторая попытка прочтения очень сложного текста, представляющего собой набор загадок.

Статья "Степени родства" в тангутском кодексе, по всей вероятности, составлена по образцу китайских степеней траура (喪服). В статье "Степени родства" приводятся списки терминов родства, распределенных по пяти группам в зависимости от длительности ношения траура (три года, один год, девять месяцев, пять месяцев и три месяца). Срок траура определялся близостью родства, и, таким образом, степени траура представляли собой группировку родственников по близости родства.

Списки терминов родства предваряются состоящей из двух предложений преамбулой, разбору которой была посвящена наша статья в прошлом году.⁴ В преамбуле вводятся представления о двух терминах,

а именно 妹 мэ^2 и 母 ндзие^1 . По нашему мнению, эти термины по своему происхождению восходят к дуально-брачной организации тангутского общества, однако ко времени существования тангутского государства (т.е. к XI–XIII вв.) они обозначали уже соответственно "род отца" (妹 мэ^2) и "чужой род" (母 ндзие^1 – это род матери, род жены, род, куда вышла замуж сестра и т.п.).

После преамбулы идет перечисление терминов родства, разделенных на пять групп в зависимости от длительности ношения траура, причем в двух последних группах родственников (сроки ношения по этим родственникам пять месяцев и три месяца) термины делятся на две части в зависимости от принадлежности соответствующего родственника к 妹 мэ^2 или к 母 ндзие^1 .

При дешифровке терминов родства, входящих в статью "Степени родства" тангутского кодекса, мы исходили из определенного нами ранее принципа релевантности пола говорящего и альтера в поколении Эго (при первом прочтении статьи в публикации кодекса этот структурообразующий принцип тангутской системы родства еще не был известен исследователям).

Мы считаем, что каждый конкретный родственник может упоминаться в составе статьи "Степени родства" только один раз (исключение составляют те случаи, когда сама структура тангутской системы родства требовала указания какого-либо денотата дважды – мы имеем в виду "мужской" и "женский" ряды терминов в поколении Эго).

Термины родства в статье при перечислении отделяются друг от друга пробелами. Расстояние от пробела до пробела мы называем положением. Всего в составе статьи мы выделили 82 положения, которые для удобства ссылок пронумеровали. В составе положения указывается объект траура, т.е. термин (или термины), указывающий на родственника, по которому соблюдают траур, иногда указывается и субъект траура (термин, обозначающий родственника, который соблюдает траур). В тех случаях, когда указывались и субъект и объект траура, порядок их следования был таков: сначала приводился субъект траура, затем – объект траура, оформленный последогом 子 ин^1 (грамматическим показателем объекта).

Субъект и/или объект траура могут быть "прямыми" или "обусловленными". Обусловленным субъектом (объектом) траура мы называем такой, для которого специально оговариваются особые условия ношения траура (так, например, в положении № 47 обусловленными являются и субъект и объект траура – "вышедшие замуж дочери [должны соблюдать пятимесячный траур] по тем [своим] братьям и их сыновьям, которые ушли в другую [семью] в качестве приемных сыновей,

а также по женам этих братьев и женам этих сыновей").

Все субъекты и объекты траура, не являющиеся обусловленными, мы называем прямыми.

Естественно встает вопрос: каким образом из состава положений статьи "Степени родства" вычленили термины родства в такой ситуации, когда сами термины (их границы и значения) в большинстве случаев неизвестны.

Для начала ограничим задачу: в данной статье попытаемся выделить только прямые объекты траура, представляющие мужских кровных родственников, т.е. те случаи, когда объект траура – мужчина по линии 父 мэ^2 , причем субъект траура – тоже мужчина. Таких терминов оказалось 25.

Процедура вычленения этих 25 терминов была такова. Прежде всего исходный список из 82 положений мы сократили на 16 положений: поскольку нас интересуют только родственники по 父 мэ^2 , мы не учитывали положения, составляющие пятидесятилетний и трехмесячный сроки траура по родственникам по 母 ндэ^1 .

Из состава оставшихся 66 положений были отобраны те термины, денотаты которых нам были уже известны; таких терминов оказалось 11. Это – 父 виа^1 "отец" (положение 1), 父 мэ^1 о дэд (положение 7), 父 ли^2 тион^2 "братья" (положение 9), 父 виа^1 "брат отца" (положение 10), 父 жи^1 пхиу^2 "настоящий племянник" (положение 11), 父 жи^1 "сын" (положение 12), 父 лхи^1 "внук" (положение 25), 父 тиу^2 виа^1 "прадед" (положение 35), 父 лхон^2 "правнук" (положение 43), 父 пху^2 тиу^2 виа^1 "прапрадед" (положение 55), 父 лю^2 "праправнук" (положение 63).

Остальные 14 терминов родства были выделены нами по чисто формальным признакам – денотаты их ранее были нам неизвестны. Это оказались многосложные термины, в состав которых входит от 2 до 6 иероглифов. "Сигналом" для их выделения послужила правая крайняя граница термина, представляющая собой один из уже известных нам терминов; это могли быть следующие термины: 父 виа^1 "брат отца", 父 ли^2 "брат" (это мужчина), 父 пхиу^2 "племянник", 父 лхи^1 "внук", 父 лхон^2 "правнук". Эти слова мы называем "сигнальными". Если обозначить каждый из неизвестных нам иероглифов в составе термина за X, а "сигнальный" иероглиф – за S, то все положение может быть записано следующим образом – X...XSX. Выделяемый термин занимает всю начальную часть положения вплоть до "сигнального" иероглифа включительно, т.е. в тексте статьи все, что идет выше S до первого пробела, это и есть выделенный термин.

Этот способ оказывался эффективным во всех случаях, когда в

том порядке, в каком они идут в статье "Степени родства", однако их нумерация здесь не совпадает с нумерацией положений, откуда они извлечены):

- *1. 父子 виа^I "отец"
- *2. 父子 виа^{I,о} "дед"
- *3. 兄弟 лио² "братья"
- *4. 兄弟 вией^I "брат отца"
- *5. 兄弟 ? "племянник"
- *6. 父子 жи^I "сын"
- 7. 兄弟 兄弟 лэы^I цэы^I вией^I "брат отца I колена"
- 8. 兄弟 兄弟 вией^I жи^I лио² "брат виейжи"
- *9. 兄弟 лхы² "внук"
- *10. 兄弟 兄弟 тху² виа^I "прадед"
- 11. 兄弟 兄弟 ние^I цэы^I вией^I "брат отца 2 колена"
- 12. 兄弟 兄弟 виа^{I,о} 'иын^I лио² "брат деда"
- 13. 兄弟 兄弟 лио² 'иын^I лхы² "внук брата"
- 14. 兄弟 兄弟 вией^I жи^I? "племянник виейжи"
- 15. 兄弟 兄弟 ние^I цэы^I вией^I жи^I лио² "брат виейжи 2 колена"
- *16. 兄弟 лхон² "правнук"
- *17. 兄弟 兄弟 пху² тху² виа^I "прапрадед"
- 18. 兄弟 兄弟 со^I цэы^I вией^I "брат отца 3 колена"
- 19. 兄弟 兄弟 тху² 'иын^I лио² "брат прадеда"
- 20. 兄弟 兄弟 со^I цэы^I вией^I жи^I лио² "брат виейжи 3 колена"
- 21. 兄弟 兄弟 лио^I 'иын^I лхон² "правнук брата"
- 22. 兄弟 兄弟 виа^{I,о} 'иын^I вией^I жи^I лио² "брат виейжи деда"
- 23. 兄弟 兄弟 вией^I жи^I лио² 'иын^I лхы⁴ "внук брата виейжи"
- 24. 兄弟 兄弟 ние^I цэы^I вией^I жи^I? "племянник виейжи 2 колена"
- *25. 兄弟 лхе² "праправнук"

Ограниченный объем статьи не дает возможности подробно, шаг за шагом, проследить все этапы нашей дешифровки, поэтому мы вынуждены представить сразу результат нашей работы - таблицу степеней траура (цифра в скобках в таблице указывает на порядковый номер термина в нашем списке терминов на этой странице):

Таблица мужских родственников по 父系 мэ², по которым
соблюдает траур мужчина

IV бок. линия	III бок. линия	II бок. линия	I бок. линия	Прямая линия
				(17) +4
брат пра- деда (19)				(10) +3
брат вией- жи деда (22)	брат деда (12)			(2) +2
брат отца 3 колена (18)	брат отца 2 колена (11)	брат отца 1 колена (7)	брат отца (4)	(1) +1
брат вией- жи 3 коле- на (20)	брат вией- жи 2 коле- на (15)	брат вией- жи (8)	братья (3)	Эго
	племянник виейжи 2 колена (24)	племянник виейжи (14)	наст. племянник (5)	наст. племянник (5)
		внук бра- та виейжи (23)	внук бра- та (13)	внук бра- та (13)
			правнук брата (21)	правнук брата (21)
				(9) -2
				(16) -3
				(25) -4

(Из-за недостатка места в таблице не указаны термины прямой линии - приводятся только их порядковые номера из списка терминов).

Таким образом, по нашему мнению, тангутская система степеней траура охватывала четыре восходящих поколения, четыре нисходящих поколения и четыре коллатеральных линии, в каждой из которых было по четыре поколения. Однако тангуты, по-видимому, начинали отсчет коллатеральных линий только со второй линии - числительное 一 лэ "один" в первый раз употребляется только при термине 7 兄弟 兄弟 лэ¹ цэ¹ вией¹ "брат отца I колена". Поэтому мы и предполагаем, что нумерация боковых линий у тангутов не совпадала с их фактической нумерацией - она была на единицу меньше.

Что касается длительности ношения траура по тем или иным родственникам, то согласно кодексу каждая боковая линия, начиная с родственников по восходящим поколениям вплоть до поколения Эго включительно, объединяла родственников, относящихся к одной и той же степени траура. По мере продвижения вниз по нисходящим поколе-

Предлагаемая нами расшифровка тангутских степеней траура безусловно требует подробнейшего комментария. Мы здесь можем остановиться только на двух моментах.

2. Исходя из того, каким образом, распределяются термины родства в статье "Степени родства", мы предполагаем, что 1) у тангутов терминологически не различались братья (родные братья Эго) и сыновья братьев отца (двоюродные братья) - см. в таблице термин № 3 (следует отметить, что это обстоятельство находит и ряд косвенных подтверждений); 2) родные братья отца дифференцировались по признаку терминологического слияния/не слияния их потомков с потомками братьев Эго: потомки братьев отца (термин № 4) терминологически сливались с потомками братьев Эго, а потомки братьев отца I колена (термин № 7) терминологически не сливались с потомками братьев Эго. Поэтому братья отца (термин № 4) и их дети приравнивались по трауру к представителям прямой линии, тогда как братья отца I колена (термин № 7) и их дети воспринимались уже как боковая линия и траур по ним носился на одну степень меньше.

3-3 188

вовала их поколению, а для боковых родственников в расчет бралось поколение того лица, которое было ближайшим общим для данного родственника и Эго.⁶

Это положение справедливо и для тангутской системы траура, но только для тех родственников, по которым носили самый короткий срок траура (пять месяцев и три месяца) – это прапрадед и четвертая боковая линия (по тангутским представлениям третья боковая линия) и прадед и третья боковая линия (по тангутским представлениям вторая боковая линия).

Отец имел особый статус – по нему носился самый длительный срок траура (три года). Других мужских родственников, по которым носили бы такой длительный срок траура, не было.

Сложности возникают при исчислении траура для братьев отца (один год и девять месяцев) – одни из них воспринимались как представители прямой линии (траур сроком в один год), а другие – как представители боковой линии (траур сроком в девять месяцев).

Таким образом, тангутов нельзя упрекнуть в слепом копировании китайского образца – используя китайскую форму, они вложили в нее свою собственную систему родства со всеми ее особенностями и присущими только ей чертами.

-
1. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (II49–II69). Издание текста, перевод с тангутского, исследование и примечания Е.И.Кычанова. В 4-х книгах. М., Наука, Кн. 1: Исследование, 1988; кн. 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7), 1987; кн. 3: Факсимиле, перевод и примечания (главы 8–12), 1989.
  2. Мы имеем в виду словарь "Жемчужина в руке", где тангутские термины родства передаются через соответствующие китайские, что не позволяет выявить специфику тангутской терминологии родства. Подробнее об этом см.: К.Б.Кепинг. Тангутские термины родства. – В кн.: *Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nishida on the Occasion of his 60th Birthday.* Kyoto/Shokado, 1988, p. 137–164.
  3. Измененный и заново утвержденный кодекс..., кн. 2, с. 37–38.
  4. К.Б.Кепинг. Два термина из раздела "Степени родства" тангутского кодекса. – ПП и ПИЧНВ, XXIII, ч. II, М., 1989, с. 193–201.
  5. Измененный и заново утвержденный кодекс..., кн. 2, с. 39.
  6. М.В.Крюков. Система родства китайцев. М., 1972, с. 254–255.

И.В.БОТЬЯНОВ – ДИПЛОМАТ И ВОСТОКОВЕД

Имя И.В.Ботьянова – востоковеда по образованию, в совершенстве владевшего турецким, персидским и арабским языками, и дипломата по роду службы, в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. занимавшего пост переводчика и советника при главном командире Черноморского флота вице-адмирале А.С.Грейге – упоминается в ряде работ по истории востоковедения.¹ Однако данные о нем отличаются краткостью и разрозненностью: до сего времени нигде не приводилось его полных, а тем более подлинных имени и фамилии, дат его жизни, названий его работ, фактов его служебной и научной деятельности.

И.В.Ботьянов относится к той довольно обширной части отечественных востоковедов первой половины XIX века, которые, находясь на практической работе в государственном аппарате России, одновременно оставили след и в истории науки. Знакомство с жизнеописанием И.В.Ботьянова также дает представление о тех причинах, которые заставляли правительство постоянно заботиться о подготовке востоковедов, и о том, какое участие принимали последние в процессе внешней и внутренней политики страны.

В основу настоящего сообщения легли официальные документы по деятельности И.В.Ботьянова (указы, распоряжения, послужные списки, ходатайства, отзывы, донесения, докладные записки и др.), хранящиеся в Архиве внешней политики России (АВПР) и в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА). Особым предметом поиска были работы названного автора, некоторые из которых удалось найти в архивных фондах и на страницах периодических изданий и сборников прошлого века.

Иван (Янкул) Васильевич Ботьянов (Батьянов),² сын стольника Молдавского княжества Василия Ботянулы, родился в 1802 или в 1803 году.³ После смерти отца двое его сыновей Янкул и Николай были привезены в Россию. По прошению их дяди Сердария Вахдалаха Александр I 25 декабря 1809 г. распорядился принять их "на казенный счет" в губернскую гимназию в Петербурге.⁴

Высшее образование И.В.Ботьянов получил в Петербургском университете, откуда он был выпущен в статусе действительного студента в 1824 г.⁵ Не относясь официально к разряду восточной словесности, он именно в нем начал серьезно изучать восточные языки. В это время в Петербургском университете арабский язык преподава-

ли ординарный профессор Осип Иванович Сенковский (1800–1858 гг.) и младший преподаватель Михаил Григорьевич Волков (ок. 1800 г. – 1846 г.), персидский – адъюнкт-профессор Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869 гг.).

Следующей ступенью востоковедного образования И.В.Ботьянова была его двухгодичная учеба (с 24 марта 1824 г. по май 1826 г.) в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. С отличием окончив это Отделение, он именным указом от 17 мая 1826 г. был "пожалован в переводчики Государственной коллегии иностранных дел"⁶ и в этой должности прослужил почти год.

В конце апреля 1827 г. И.В.Ботьянов выехал из России по маршруту: Петербург – Яссы – "водою чрез Галацы в Константинополь", к месту новой службы в составе российской миссии.⁷ 26 мая 1827 г. он прибыл в Бухдур. Это был период войны России с Персией (1827–1828 гг.), однако и русско-турецкие отношения были напряженными. Это обусловило то, что его первостепенной обязанностью после приезда в миссию стали проверка и усовершенствование знания турецкого языка. Он поселился в Пере. Сверх жалования (500 рублей в год) ему была выделена специальная сумма на покупку учебных пособий. Практические занятия вел турецкий "ходжа" под руководством первого драгомана миссии Франкини.⁸

Еще в конце декабря 1827 г., предвидя возможность конфликта с Турцией, Морской штаб в Николаеве поставил перед Министерством иностранных дел вопрос о выделении хорошо подготовленного переводчика турецкого языка. Выбор пал на И.В.Ботьянова, который 11 февраля 1828 г. прибыл из Константинополя в Одессу, попутно доставив сюда восточные книги, принадлежавшие миссии.⁹

10 февраля 1828 г. Туркманчайским договором закончилась война с Персией, и почти сразу же начались военные действия против Турции на Черном море и на территории балканских стран. И.В.Ботьянов выехал в Николаев, где с 5 апреля 1828 г. занял должность переводчика турецкого языка при канцелярии Черноморского департамента – с окладом 2000 рублей в год и с обязательством переводить "на российский язык" не только турецкие, но и персидские, французские, греческие и латинские документы.¹⁰

Через три дня И.В.Ботьянов отправился в Севастополь в распоряжение главнокомандующего Черноморским флотом и портами (1816–1830 гг.) вице-адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775–1845 гг.)¹¹ Находясь при А.С.Грейге на флагманском корабле "Париж", он попал в самую гущу событий военно-морской кампании лета 1828 г. Он участвовал в осаде крепости Анапа: вел здесь "переговоры с тур-

ками" и "переписку с черкезами". В период блокады и штурма крепости Варна он принимал участие в военных действиях, был переводчиком в переговорах "капитан-паши" с Александром I. 2 сентября 1828 г. по "высочайшему повелению" он находился в передовых траншеях "для наблюдения за действиями турок". 3 сентября 1828 г. он сопровождал пленных, переводившихся с поля боя в крепость. 26 сентября 1828 г. ему была поручена важная миссия: доложить императору Александру I о сдаче в плен албанских войск в крепости Варна во главе с Юсуфом-пашой.

"По отбытии флота в Севастополь", с конца октября 1828 г., И.В.Ботьянов в течение четырех месяцев оставался в Варне в должности дипломатического чиновника: вел переговоры с турецкой стороной об урегулировании отношений между местными христианами и переселявшимися на родину турками, а также переписку по этим вопросам.¹²

7 февраля 1829 г. И.В.Ботьянов отплыл на корабле "Пимен" с эскадрой контр-адмирала Михаила Николаевича Кумани в Сизополь для опроса пленных. 19 апреля того же года он вернулся на флагманский корабль "Париж". Летом 1829 г. участвовал во взятии крепостей Месемврия, Ниада, Лидия, Агатополь и в патрулировании кораблей в Константинопольском проливе. В Месемврии он "благоразумным действием своим в переговорах с начальствующим сего крепостью много способствовал приобретению оной без кровопролития".¹³ В Агатополе содействовал "установлению в сих местах порядка и спокойствия между жителями".¹⁴ 9 ноября 1829 г. И.В.Ботьянов возвратился в Николаев.

После заключения с Турцией Адрианопольского мира (1829 г.) русские войска еще некоторое время оставались за границей. В 1830-1831 гг. И.В.Ботьянов в качестве "драгомана и производителя переписки с великим визирем" и другими официальными лицами находился вначале в Болгарии при генерале-адъютанте Крафовском, а затем при командующем сухопутными войсками генерале Роте.¹⁵ В 1832 г. (с 16 августа по 14 октября) И.В.Ботьянов был командирован в Севастополь для работы по переводу многочисленных бумаг так называемой "призовой" комиссии. В 1833 г. (с 20 апреля по 2 июля) он находился в распоряжении вице-адмирала Михаила Петровича Лазарева (1788-1851 гг.), возглавлявшего эскадру, которая совместно с сухопутной армией была послана российским правительством к Константинополю для устранения угрозы политическому положению Турции. Во время этого плаванья И.В.Ботьянов перевел значительное количество материалов на турецком, арабском, персидском языках.¹⁶

Эти несколько военных лет, насыщенных событиями и требовавших его постоянного участия в них в качестве переводчика и советника, сразу выдвинули И.В.Ботьянова в число лучших специалистов по Турции. Сохранился ряд донесений вице-адмиралов А.С.Грейга и М.П.Лазарева, в которых даны самые высокие оценки деловых качеств И.В.Ботьянова, и, в частности, отмечаются "отличное" знание им нескольких "азиатских" языков и его "особенное благоразумие" при ведении диалога с противником. "Совершенная признательность начальства" выразилась в том, что за участие в военной кампании 1828-1829 гг. И.В.Ботьянов получил памятную медаль на георгиевской ленте, повышение в чине и премию в сумме годового оклада.¹⁷

Во время войны и в послевоенный период решения так называемого "восточного вопроса", связанного с районом, где тесно переплетались интересы России, Турции, ряда балканских стран, деятельность такого специалиста, как И.В.Ботьянов, равно владевшего русским, греческим, молдавским, турецким, арабским, персидским языками, была ценным вкладом в российскую дипломатию.

В последующие десятилетия блестящая карьера И.В.Ботьянова сменилась полным его забвением со стороны высшего начальства Министерства иностранных дел. Прожив после войны с Турцией еще около 40 лет,¹⁸ он так и остался на должности переводчика при канцелярии главного начальника Черноморского флота и портов в Николаеве - должности, которая в мирное время была бесперспективной и не дававшей возможности продвижения по служебной лестнице. Более 10 лет (1832-1845 гг.) его непосредственным начальником был вице-адмирал М.П.Лазарев, направлявший бесконечные рапорты в Министерство иностранных дел и в другие инстанции с просьбой, учитывая заслуги И.В.Ботьянова, "поместить" его "на высшую драгоманскую вакансию, которая откроется при Азиатском департаменте", но неизменно получал формальные отказы.¹⁹

С самого начала своей деятельности оказавшись на практической работе, И.В.Ботьянов в течение всей жизни не порывал связи с просвещением и наукой и "посвящал досужие часы ученым занятиям".

4 апреля 1834 г. по предложению попечителя Одесского учебного округа его утвердили почетным смотрителем Николаевского уездного училища. В 1835 г. в послужном списке отмечены его "отличные успехи по училищу". Вероятно, он принимал участие в учебном процессе - если не в качестве преподавателя, то как составитель планов и программ.

Почти четверть века, до 1868 г., он состоял сотрудником-корреспондентом Одесского общества истории и древностей.

Находясь в командировках и выполняя конкретные задания, И.В. Ботьянов "сверх настоящей своей обязанности" стремился анализировать собранный материал и представлять его в виде сводного обзора сведений по определенному району. Например, во время пребывания в Болгарии он подготовил "Статистические замечания" по этой стране.²⁰ При посещении Молдавии в 1844 г. он представил "Статистическое описание" этой области.²¹ Такой же обзор он составил и по Валахии.²²

В 1838 г. попечитель Одесского учебного округа прислал в Министерство народного просвещения рукопись под следующим названием: "Chrestomatie Diplomatique redigée par Jean Battianof". Свою "Дипломатическую хрестоматию" И.В.Ботьянов предназначал в качестве учебного пособия для студентов, изучающих восточные языки, и просил денежной помощи для ее издания.

Хрестоматия заключала в себе 30 документов дипломатического характера "касательно многообразных предметов": ноты России Турции о юридических спорах, о мерах против чумы в Буюкдере, о выводе войск из Румелии, о похищении грузинского мальчика и др., а также ноты европейских государств, касающиеся их отношений с турецкой стороной. Все документы приводились на французском языке как языке дипломатов – с переводом на турецкий и с соответствующим комментарием. При переводе подчеркивались особенности турецкой фразеологии.

В Петербурге работа И.В.Ботьянова была направлена на отзыв в Имп.академию наук. Сохранилось официальное заключение по этому вопросу, составленное академиком Христианом Даниловичем Френом (1782–1851 гг.).²³ Столь авторитетный рецензент полностью одобрял авторский замысел, позволяющий будущим специалистам освоиться со стилем переводов деловых бумаг (по словам Х.Д.Френа, такую же мысль высказывал известный французский востоковед Сильвестр де Саси), и вместе с тем предлагал сделать ряд изменений: систематизировать документы по тематическому принципу, расширить пояснения, связанные со спецификой дипломатического слога и т.д. "Дипломатическая хрестоматия" И.В.Ботьянова не была опубликована – вероятно, из-за противодействия Министерства иностранных дел.²⁴

Из изданных работ И.В.Ботьянова удалось отыскать четыре статьи периода его студенчества в журнале "Азиатский вестник", два небольших сборника его переводов и две статьи последних лет жизни в "Морском сборнике":

1. Науфель. Отрывок из персидской поэмы: Меджнун и Лейла. Соч. Джами. – Азиатский вестник. Т. I (I-УП). СПб., 1825, с.134–

140. Перевод с персидского языка.

2. Мевлана Джами, поет персидский. Первая встреча Меджнуна с Лейлоу. - Азиатский вестник. Т. I (I-УП). СПб., 1825, с. 349-354. Приведены биографические данные об авторе и отрывок из поэмы в переводе с персидского языка.

3. Краткой обзор Персидской поэмы Юсуф и Зулейка - Азиатский вестник. Т. I (I-УП). СПб., 1826, с. 260-266. Приведен краткий анализ художественных особенностей поэмы в сравнении с другими сходными сюжетами.

4. Взгляд на древнее и нынешнее состояние словесности и искусств в Персии - Азиатский вестник. Т. I (I-УП). СПб., 1826, с. 41-50, III-III, 332-338; Т. 2 (УП-УП). СПб., 1827, с. 49-53, I23-I29. Автором дан обзор характерных черт языка, поэзии, живописи Персии в разные исторические периоды. В примечании редакции отмечено, что "отъезд при миссии помешал Ботьянову, молодому усердному ориенталисту, продолжить сию статью, как и другие начатые здесь труды по восточной словесности".

5. Моаллака Лебида и Темимьянка Абулолы. Поэмы. СПб., 1827. В сборнике - текст двух поэм, переведенных автором с арабского языка, а также "предисловие" переводчика, содержащее краткую характеристику этих произведений. По словам известного арабиста И.Ю.Крачковского, в названных переводах "чувствуется несомненное воздействие литературных вкусов того времени" (См. И.Ю.Крачковский. Уж. соч., с. III). Рецензию на указанную работу И.В.Ботьянова - см. Московский телеграф. Ч. I9, февраль, № 3. 1828, с. 419-422 и Северная пчела. № I6. 1827, с. I-3. Сравни: Азиатский вестник. Т. I. (I-УП). СПб., 1827, с. 32-46.

6. Несколько стихотворений из Гафиза, Саади и других. Одесса, 1866. Эти переводы с персидского языка были выполнены автором в студенческие годы и 40 лет хранились среди его рукописей. Издание было рассчитано на широкий круг читателей и сопровождалось сведениями о персидских поэтах и их произведениях. Сборник посвящался памяти сына - Льва Ивановича Ботьянова, погибшего во время осады Севастополя.

7. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте, в 1828 году - Морской сборник. Т. I03, № 8. СПб., 1869, с. I-32. Статья содержит "извлечения из журнала", который И.В. Ботьянов вел в период войны с Турцией в качестве чиновника Министерства иностранных дел при вице-адмирале А.С.Грейге.

8. Вести из Николаева. Речь, произнесенная камер-юнкером с.с. Ботьяновым, во время обеда, данного черноморцами, по случаю

пожалования им георгиевских знаменных флагов. СПб., 1897. Перепечатано из Морского сборника (т. 29, № 5, с. 154-157). В речи упоминается о службе И.В.Ботьянова под начальством вице-адмиралов А.С.Грейга и М.П.Лазарева.

Поиск материалов о И.В.Ботьянове должен быть продолжен, но и приведенные данные позволяют утверждать, что он был прекрасно подготовленным востоковедом, активно владевшим основными языками Ближнего Востока, переводчиком самого высокого уровня, специалистом широкого научного интереса. Не его вина, что дипломатическая деятельность оторвала его от востоковедных центров и не позволила серьезно заняться наукой. То немногое, что он сделал в этой области, является определенным вкладом в историю востоковедения в России.

-----

1. См. П.С.Савельев. О жизни и трудах О.И.Сенковского. - Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. I. СПб., 1858, с. 44; он же. Восточные литературы и русские ориенталисты. - Русский вестник. Т. 2, кн. 2. СПб., 1856, с. 124; В.Эберман. Арабы и персы в русской поэзии. - Восток. Кн. 3. М., 1923, с. III; И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950, с. III; Б.М.Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973, с. 164.
2. Вариант фамилии - Ботвянов, приведенный Б.М.Данцигом (см. ук. соч., с. 164), в документах не встречается.
3. В послужном списке сказано, что в 1839 г. ему было 36 лет. См. также свидетельство "дивана княжества Молдавского" - ЦГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 78, л. 3-4.
4. ЦГИА, ф. 733, оп. 20, ед.хр. 78, л. 1-2, прошение С.Валдалаха от 14 сентября 1809 г.; АВПР, ф. 6 (Учебное отделение восточных языков), ед.хр. II0, л. 78-80, отношение директора гимназии № 992, от 26 августа 1833 г.
5. АВПР, ф. 6, ед.хр. II0, л. 78-79; В.В.Григорьев. Импер.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 68.
6. АВПР, ф. 6, ед.хр. 313, л. 1-2, указ приведен в отношении № 413 за подписью министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде (1780-1862 гг.).
7. "Высочайшее" разрешение по этому вопросу последовало еще 21 января 1827 г., но несколько месяцев длилось оформление документов. - АВПР. ед.хр. II0, л. 1, 1 об., 3-5, 7; Там же. ф. 159, оп. 464, ед.хр. 240, л. 2.

8. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 8-8 об., донесение /Грибоедова/ от 10 июня 1827 г. на имя К.В.Нессельроде.
9. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 10-12.
10. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 17-17 об.
11. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 16.
12. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 57, свидетельство начальника крепости Варна генерала-адъютанта Головина; там же, л. 31-31 об., донесение А.С.Грейга от 27 июля 1829 г.
13. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 31 об., отношение А.С.Грейга № 3582 от 27 июля 1829 г.
14. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 31 об.
15. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 42-43, 46-46 об., 48, 53.
16. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 74, донесение А.С.Грейга № 709 от 21 апреля 1833 г.
17. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 19-21 об., л. 53-53 об., донесение Рота № 740 9 марта 1831 г. на имя К.В.Нессельроде.
18. Умер И.В.Ботьянов около 1868 г., поскольку в этот год он впервые не упомянут в списке сотрудников Новороссийского календаря.
19. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 139, 140, 145-146, 149-150, 167-180 и др.
20. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 67-67 об., 184, 186.
21. Рукопись этой работы - см. Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (АЛОИИ), ф. 36, оп. I, ед.хр. 509.
22. Рукопись работы - см. АЛОИИ, ф. 36, оп. I, ед.хр. 498.
23. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 88-90.
24. Рукопись работы - см. АВПР, ф. 6, ед.хр. IIО, л. 91-123.

А.К.Муминов

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ "КАТА'ИБ А'ЛАМ АЛ-АХИАР"
АЛ-КАФАНИ (ум. 990/1582 г.) ПО ИСТОРИИ ИСЛАМА В МАВЕРАННАХРЕ
(САМАНИДСКИЙ ПЕРИОД)**

В период правления династии Саманидов в Мавераннахре (819-1005 гг.) в общественно-политической жизни этого региона произошли значительные изменения. Здесь все более укрепляла свое положение религиозно-правовая школа (мазхаб) ханафитов. Именно в этот период возникла и начала набирать силу местная школа фикха, которая впоследствии внесла существенный вклад в разработку положений ханафитского мазхаба. Значительный материал для освещения истории этой школы в Саманидский период содержится в работе ал-Кафани,¹

написанной в жанре "табакат". Особое внимание заслуживают источники, которыми пользовался автор при написании своей работы.

Автор сочинения – Махмуд б. Сулайман ал-Кафави, уроженец г. Кафы (современная Феодосия), получил образование в Стамбуле. Его учителями были Мухаммад б. 'Абд ал-Кадир, Мухаммад б. 'Абд ал-Ваххаб и 'Абд ар-Рахман б. 'Али. Цепь учителей (иснад) этих ученых от второго до четырнадцатого поколения состояла из бухарских авторитетных факихов (законоведов).² Ал-Кафави суфизм изучал под руководством Мухаммада б. Йусуфа ас-Самарканди.³ Получив назначение кади г. Кафы, ал-Кафави несколько лет проработал в своем родном городе на этой высокой должности. Но в 1571 г. он был отозван в Стамбул, где он и создал свой знаменитый труд.

Ал-Кафави использовал в сочинении большое количество работ разного жанра – тафсиры, сборники хадисов и фетв, исторические хроники, биографии, труды по богословию.

В разделах, содержащих сведения по Мавераннахру при Саманидах, автор цитирует около 40 сочинений. Они представлены сочинениями историко-биографической, богословской литературы и сборниками фетв.

При изложении большинства биографий факихов ал-Кафави в основном использует работу 'Абд ал-Кадира б. Аби-л-Вафа' ал-Кураши (ум. 775/1373 г.) "ал-Джавахир ал-муди'а фи табакат ал-ханафийа". При сличении текста "Ката'иб" с "ал-Джавахир ал-муди'а" нами было установлено, что ал-Кафави извлекал из нее преимущественно сведения биографического характера путем буквального цитирования или короткого пересказа. В большинстве случаев он не делает ссылок на ал-Кураши.

Ал-Кафави классифицирует факихов по значимости, опираясь на оригинальную работу Ахмада б. Сулаймана б. Камал-паша (ум. 940/1533 г.) "Рисала фи табакат ал-муджтахидин".

В отличие от многих авторов "Табакат ал-ханафийа", ал-Кафави в конце каждой главы (катиба) дает биографии умеренных суфиев-ханафитов. Жизнь ранних факихов-аскетов (захид) из Мавераннахра освещается по материалам, извлеченным из "Нафахат ал-унс мин хадрат ал-кудс" 'Абд ар-Рахмана ал-Джами (1414-1492 гг.). Два других сочинения – "Манакиб ва муснад Аби Ханифа" ас-Саймари (ум. 436/1045 г.) и "Табакат ал-ханафийа ва аш-шафи'ийа" Мухаммада б. 'Абд ал-Малика ал-Хамадани (XI в.) содержат биографии факихов-выходцев из Мавераннахра, переехавших жить в центральные районы Халифата.

Последнее сочинение упоминается только у Хаджи Халифа⁴ и является единственным опытом сведения в одном сборнике биографий

двух соперничающих мазхабов — ханафитов и шафиитов.

Вторая группа источников — сборники фетв — представлена в значительном количестве (23). Из них большая часть (их 18) — произведения факихов из Мавераннахра, относящихся к XII—XIII вв. — эпохе расцвета мавераннахрской школы ханафитов. Из этих источников ал-Кафави извлекает фетвы, вынесенные мавераннахрскими факихами по существенным вопросам мусульманского законоведения. По мере углубленного изучения сочинения ал-Кафави создается впечатление, что он ставил перед собой цель осветить историю и конкретные обстоятельства принятия важных положений ханафитского мазхаба. Среди этой группы источников ал-Кафави выделяется "Раудат ал-'улама ва нузхат ал-фукаха," Ахмада б. Йахйа аз-Зандависти (ум. 382/952 г.), относящаяся к более раннему периоду ислама в Мавераннахре. По частоте цитирования автором на первом месте стоит труд Фахр ад-дина Кадихана (ум. 592/1196 г.) "Фатава Кадихан" (цитируется 32 раза), затем идут: "ал-Фатава аз-захирийа" (25 раз) Захир ад-дина Мухаммада б. Ахмада ал-Бухари (ум. 619/1222 г.), "Хуласат ал-фатава" (23 раза) Тахира б. Ахмада ал-Бухари (ум. 542/1147 г.), "ал-Фусул ал-ушрушанийа" (21 раз) Мухаммада б. Махмуда ал-Ушрушани (ум. 632/1234 г.) и другие. Следует заметить, что цитаты, приводимые из сборников фетв, занимают две трети объема каждой биографии. В отличие от биографической части ал-Кафави в этих случаях точно и скрупулезно называет цитируемый источник, указывает его части, разделы и т.д.

При изложении основ мусульманской догматики и теоретического законоведения ал-Кафави использует известные работы богословов из Мавераннахра. Это — "ат-Тайсир фи-т-тафсир" Абу Хафса ан-Насафи (1068—1142 гг.), "ал-Кашшаф" аз-Замахшари (1075—1144 гг.), "Канз ал-вусул ила ма'рифат ал-усул" Фахр ал-ислама ал-Паздави (1009—1089 гг.), "Шарх ал-'ака'ид ан-насафийа" Са'д ад-дина ат-Тафтазани (1322—1389 гг.) и др. Количество источников этого жанра свыше двадцати. Среди остальных источников особняком стоят сочинения 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза ал-Бухари, известного как ас-Садр аш-Шахид (1090—1141 гг.) "Шарх адаб ал-када," и Бурхан ал-ислама аз-Зарнуджи (ум. 600/1203 г.) "Та'лим ал-мута'аллим ли-та'длум тарик ал-'илим". Ал-Кафави из этих трудов мавераннахрских авторов извлекает материалы о правилах поведения судей и системе обучения религиозным наукам.

Отношение ал-Кафави к своим источникам очень осторожное. В большинстве случаев он отмечает начало и конец цитируемого сообщения. Автор "Ката'иб" редко комментирует тексты, разве что в случаях явных ошибок. Ал-Кафави очевидно владел тремя языками. Хотя произведение составлено на арабском языке, приводятся на языке оригина-

нала цитаты из источников на персидском (цитируется 26 раз) и турецком (4 раза) языках.

Махмуд б. Сулайман ал-Кафави при написании своего произведения привлек большое количество источников разных жанров, освещающих самые разнообразные стороны общественной жизни Мавераннахра при Саманидах. Богатый материал, содержащийся в "Ката'иб а'лам ал-ахйар", позволяет раскрыть различные аспекты истории ханафитского мазхаба и ислама в целом в Мавераннахре.

Благодаря специфическим особенностям жанра "табакат", в котором создан рассматриваемый труд, можно проследить процесс влияния соседних регионов на формирование и развитие мавераннахрской школы фикха. В IX-X вв. Мавераннахр имел тесные духовные связи с Хорасаном. Хорасанская школа фикха, особенно балхская, оказала на раннем этапе развития мавераннахрской школы сильное и благотворное влияние.

Осваивая общеханафитские традиции, со временем местная школа фикха в Мавераннахре стала проявлять стремление к самостоятельности. Знаменитые представители этой школы стали издавать фетвы, отражавшие особенности общественной жизни в Мавераннахре. Во всей совокупности этих решений отражена своеобразная форма бытования ислама в Мавераннахре, которая представляет огромный интерес в плане познания механизма функционирования ислама как идеологической системы, в частности, соотношения ислама единого и ислама регионального.

-
1. Махмуд б. Сулайман ал-Кафави. Ката'иб а'лам ал-ахйар мин фукаха' мазхаб ан-Ну'ман ал-мухтар. Рукопись ИВ АН Узбекской ССР, №2929.
  2. Там же, л. 65а.
  3. Там же, л. 81а.
  4. Хаджжи Халифа. Кашф аз-зунун ... Т. IV. Лондон, 1845, с. 149.

Е.В.Нестерова

НОВОЕ О КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКИХ РИСУНКОВ З.Ф.ЛЕОНТЬЕВСКОГО. ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ.

Захар Федорович Леонтьевский (1799-1874) пользуется заслуженной известностью среди востоковедов. Находясь в Китае в составе X миссии (с 1820 по 1831 г.), он изучил китайский и маньчжурский языки, работал над составлением словарей, которыми пользовались многие поколения востоковедов, перевел на китайский язык три тома "Истории государства российского" Н.Карамзина, за что получил звание "го ши" (государственный историограф). Он также занимался переводами китайской художественной литературы на русский язык. И в Китае, и в России, помимо чисто научных, Леонтьевский ставил

перед собой культуртрегерские задачи.

Вернувшись из Китая в Петербург, в начале 1830-х годов он открыл первый в России частный музей китайской культуры и быта. В коллекции было более полутора ста экспонатов, об этом писал в своей статье корреспондент газеты "Северная пчела", отмечая, что "никогда еще не видел и не рассматривал ничего столь приятного, полезного и поучительного".¹

Коллекция, как сообщает автор "Северной пчелы", состояла из портретов царствующей фамилии и особ, приближенных ко двору, картин с изображением видов, обыкновений, положений частной жизни, произведений природы и прочего; нескольких интересных чертежей, планов и географических карт, значительного количества разных манускриптов и печатных в Китае книг, разного рода вещей, принадлежащих к столу, кабинету, туалету, препровождению времени порядочного человека в китайском вкусе, платья, головных уборов, обуви, украшений китайцев.

В 1866 году часть коллекции, включавшая материалы изобразительного характера, поступила в Публичную библиотеку. Ее продал туда сам Леонтьевский, видимо в связи с тем, что, выйдя на пенсию, он собрался покинуть Петербург и уехать на свою родину в Ярославль. Семьдесят листов акварелей из этой коллекции и ее опись, сделанную Леонтьевским, обнаружила сотрудница отдела рукописей Публичной библиотеки О.В.Васильева, она и познакомила с ними автора настоящей статьи. О.В.Васильева опубликовала материал под названием "Собрание китайских рисунков З.Ф.Леонтьевского. Вопросы атрибуции",² высказав предположение, что автором акварелей мог быть живописец А.М.Легашов (1798-1865), приехавший в Пекин в составе XI миссии и несколько месяцев проживший на одном подворье с Леонтьевским. Правда, О.В.Васильева замечает, что вопрос об авторстве нельзя считать окончательным, так как в оставленной Леонтьевским описи имя автора нигде не упоминается, при точном указании того, что изображено. В составе коллекции девятнадцать листов с изображением птиц, четырнадцать с надгробными памятниками, восемь с обрядами и церемониями, несколько портретов и большая часть - виды Китая и жанровые сценки, изображающие занятия китайцев.

При знакомстве с этой коллекцией у нас сразу возникли сомнения в авторстве Легашова по отношению к большинству листов. В первую очередь это касалось портрета китайской императрицы, жены императора Дао Гуанг (правил с 1821 по 1850 год), и изображения птиц, выполненных в традиционной китайской манере.

Что касается акварелей с пейзажными и архитектурными видами,

а также жанровыми сценками, то они выполнены отнюдь не в традиционном китайском вкусе. Сотрудники государственной Публичной библиотеки установили, что большая часть этих акварелей была срисована с английского издания книги "Путешествие лорда Маккартнея", опубликованной в Лондоне в 1797 году.³ Ее экземпляр имелся в библиотеке Пекинской духовной миссии. Эти акварели имеют перспективное построение, падающие тени, что несвойственно китайской живописной традиции, а заимствовано с английских гравюр, служивших для акварелей образцом. Помимо этого, колорит, который не мог быть подсказан черно-белыми гравюрами, также нетипичен для китайских художников. В отличие от ярких, локальных, пронзительных цветов которыми они, как правило, пользуются, здесь мягкая пастельная гамма, далекая от той, которую мы видим в китайских акварелях.

Мог ли их автором быть А.М.Легашов? Когда живописец отправлялся в Китай, президент Академии художеств А.Н.Оленин дал ему инструкцию в которой говорилось о необходимости рисования с натуры "всякого рода необыкновенного одеяния или костюмов, домашнего скарба, орудий, употребляемых в разных ремеслах, музыкальных инструментов, ... строений разного рода, домашних или диких животных... , дерев, цветов, плодов и проч. и проч."⁴ Не решил ли Легашов облегчить себе задачу, воспользовавшись готовым материалом представленным в книге, и работая не только на натуре, но и в библиотеке? Смущал лишь слабый рисунок фигур, в котором совершенно не чувствовалось знаний анатомии. Легашов был все-таки профессионал. Он окончил портретный класс Академии художеств под руководством профессора А.Г.Варнека, имел несколько серебряных медалей за рисунок.

Все сомнения помогла развеять обнаруженная нами статья в "Северной пчеле". Ее корреспондент пишет со слов самого Леонтьевского о портретах царствующих китайских особ, представленных в коллекции. В настоящее время в Публичной библиотеке имеется лишь один, уже упомянутый портрет вдовствующей императрицы: "Портреты сии тем в особенности примечательны, что доселе в Европе их еще не бывало, и, конечно, еслиб г-н Леонтьевский был менее патриот, и не хотел посвятить России плоды своих трудов ... то какой-нибудь английский лорд с удовольствием бы приобрел за значительную сумму сию редкость, и говоря редкость, я вовсе не ошибаюсь, ибо в Китае законами гражданскими и духовными запрещено частным людям иметь у себя портреты как самого Владыки небесного царства, так и дома его ... Г-н Леонтьевский в течении лет пяти добивался до то-

го чтобы в тайне добыть лишь одни очерки сих пяти портретов (1 - ныне царствующего императора, 2 - ныне царствующей императрицы, 3 - вдовствующей императрицы, 4 - ее покойного сына, 5 - первой объявленной любимицы императора) за что множество передарил драгоценных европейских безделушек, достав сии очерки, он немедленно, и все под сению самой величайшей тайны, поручил одному живописцу полу-китайцу, полу-европейцу заняться рисовкою всех пяти портретов на бумаге и во весь рост. Портреты сии истинно примечательны по тщательно отчетливой своей отделке и по поразительному сходству...".⁵

О жанровых и этнографических сценах, представленных в коллекции, в газете написано следующее: "Галерея разных картин состоит большею частью из таких, кои писаны кистью единственного во всем Китае живописца, соединяющего правила и вкус туземный с правилами и вкусом европейским, почему картины его работы носят какой-то новый и вместе странный отпечаток, достойный внимания наших господ художников, как вещь действительно редкая. Живописец сей обучался у папских веропроповедников, т.е. у отцов иезуитов".⁶

Таким образом все несообразности, которые отличают акварели из собрания З.Ф.Леонтьевского, объясняются тем, что в них соединились китайская и европейская традиция, так как их автором был китайский художник, учившийся у европейцев.

Но в коллекции, переданной в Публичную библиотеку, оставались еще два портрета, без всякого сомнения принадлежащих руке европейца. Это портрет самого Леонтьевского в китайском костюме и портрет второстепенного живого бога Ламайского или кутухты по имени Миньчжу, как написано на их обороте. То что Легашов приехал в Пекин в ноябре 1830 года, а Леонтьевский выехал из Пекина в июле 1831 говорит в пользу того, что именно он мог исполнить эти портреты и подарить Леонтьевскому до его отъезда.

Доподлинно известно, что Легашов писал акварельный портрет Миньчжура. О нем идет речь в дневнике М.В.Ладженского, пристава, сопровождавшего в Китай XI миссию. Автор записок вместе с Легашовым ездил в капище Хуан-сы, где жил кутухта, чтобы договориться о снятии портрета. "Портрет положили писать масляными красками, но по рассуждению А.М. [А.М.Легашов - Е.Н.] признал лучшим нарисовать в миниатюре соковыми и после уже увеличить и написать масляными"⁷ - сообщает Ладженский.

Кутухта был другом миссионеров, с ним дружил и Леонтьевский. Он часто навещал Миньчжура и даже обучал его географии. М.В.Ладженский отмечает в своем дневнике, что "кутухта замучил своих лам, заставляя их ежедневно по несколько часов сряду читать"

перед ним христианские книги, Евангелие и другие, переведенные христианами миссионерами на китайский язык. ... Геген весьма хвалит наше учение и сожалеет, что у них не было такого добродетельного человека, каков был Иисус Христос".⁸ В докладной записке иркутскому гражданскому губернатору Ладыженский пишет о том, что кутухта "всегда восхищался, когда ему рассказывали о споконных наших экипажах и быстрой езде. ... Не благоугодно ли будет для поддержания связи и знакомства полезного для нашей миссии с кутухтой, приказать изготовить к весне будущего года в иркутском ремесленном доме легкую с откидным верхом и покрасивее отделкою внутри и снаружи бричку".⁹ К сожалению просьба не была исполнена вовремя. В 1839 году "Миньчжур - кутухта желтого монастыря после жестокой сорокодневной болезни ... скончался, не имея удовольствия поехать на обещанной ему китайской коляске с рессорами. Миссионеры не могли не жалеть о потере в нем самого лучшего друга".¹⁰ - с большим сожалением пишет один из них. Естественно что личность кутухты Миньчжура, человека незаурядного, была привлекательна для художника. И все же безоговорочно признать автором этих работ А.М.Легашова нельзя. Если сравнить эти акварели с другими, принадлежащими руке Легашова, видно, что его манера работать более отточена, завершена и, главное, более профессиональна. В портрете Леонтьевского, например, смущает непропорционально большая кисть руки. Настораживает и скованная поза, и фиксированный взгляд модели, какой бывает когда человек рисует глядя на себя в зеркало. Мы знаем о работе Н.Я.Бичурина, предшественника З.Ф.Леонтьевского, над автопортретом. По аналогии возникла мысль, не мог ли Леонтьевский быть автором собственного портрета? Это предположение не столь уж невероятно. В начале XIX века занятия живописью были необходимой составной частью общего образования культурного человека. Акварелирование в гостиной, альбомное рисование были чрезвычайно широко распространены в обществе. З.Ф.Леонтьевский умел и любил рисовать. Это подтверждает и найденный архивный документ, в котором перечислены обязанности членов десятой миссии. На долю Леонтьевского выпало заниматься историей, географией и статистикой Китая, а также было сказано, что он "...по особенной при том склонности своей не упустит вникнуть в искусства рисования и живописи".¹¹ Совершенно естественно желание запечатлеть себя в столь экзотическом виде, оставить память о своем пребывании в Китае, заменив отсутствующую в те времена фотографию. Характерно, что Леонтьевский повторил опыт Бичурина, сделавшего то же десятилетием раньше.

Это объясняет почему Леонтьевский нигде в описи не указал автора акварелей. Если бы это был Легашов, выпускник Академии художеств, профессионал, он бы не приминул на это сослаться при продаже.

Косвенным доказательством того, что работа принадлежала самому Леонтьевскому служит и водяной знак на ватмане, который включает дату "1817", то есть бумага, на которой написан портрет, была куплена, по всей видимости, самим Леонтьевским до отъезда в Пекин. Легашов перед поездкой в Китай также закупил большое количество бумаги, но ее производство должно бы было относиться к более позднему времени.

Что касается портрета кутухты Миньчжура, то вопрос с его атрибуцией более сложный. На наш взгляд Леонтьевский мог сделать копию с акварельного портрета Легашова о котором упоминал Ладженский в своем дневнике и эта копия хранилась в его коллекции, а оригинал, в числе еще некоторых портретов: царгучея Цин-Лоо, епископа Пирета и других, был отдан М.В.Ладженскому. Настоящее его местонахождение неизвестно.

Таким образом авторство двух акварельных портретов: З.Ф.Леонтьевского и кутухты Миньчжура мы склонны приписать самому Леонтьевскому.

Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского представляет значительный интерес как для специалистов востоковедов, так и для историков искусства.

-
1. Вл-рь Б-цевъ. Кабинет китайских редкостей, принадлежащих З.Ф. Леонтьевскому. - "Северная пчела", 1832, № 191.
  2. См. сб.: Исследования памятников письменности и культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1988.
  3. An authentic account of the Embassy of the Emperor of China, undertaken by order of the king of Great Britain ... Compl. by Sir Georg Staunton. London, 1797.
  4. ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. I, ед.хр. 1042, л. 16 об.
  5. Вл-рь Б-цевъ. Указ. соч.
  6. Там же.
  7. "Китайский благовестник", 1907, вып. 3-4, с. 22.
  8. "Китайский благовестник", 1908, № 20, с. 10.
  9. АВПР, СПб, гл. архив I-5, 1823 г., оп. 4, д. I, папка 7, л. II0.
  10. Из письма А.Честного А.Н.Евсееву. АВПР, СПб, гл. архив I-5, 1823, д. I, папка 12, л. 526.
  11. ЦГИА, ф. 789, оп. 2, ед.хр. 6353, л. 123 об.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ВИШНУ-ПУРАНЫ В КОНТЕКСТЕ ДАТИРОВКИ СВОДА ПУРАНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ)

Вишну-пурана (=ВП), как одна из наиболее древних и авторитетных пуран, входит в обширную группу памятников, относимых к пуранической литературе. В понятие пураническая литература включаются в первую очередь группа из восемнадцати основных ("великих") пуран и несколько десятков памятников, близких к ним по тематике и методу изложения материала, — так называемых упануран. В более широком смысле пураной в индийской традиции может быть названо любое сочинение на тему традиционной истории, мифологии, религии, а также отдельно взятая легенда или миф.

Вопрос о датировке ВП целесообразно рассматривать в контексте проблем датировки основного свода из восемнадцати пуран (число восемнадцать является условным, присущим индуистской традиции — восемнадцать книг в Махабхарате, восемнадцать глав в Бхагавад-гите и др.). Согласно ВП в этот свод входят: Брахма-пурана, Падма-пурана, Вишну-пурана, Шива-пурана, Бхагавата-пурана, Нарада-пурана, Маркандея-пурана, Агни-пурана, Бхавишья-пурана, Брахмавайварта-пурана, Линга-пурана, Вараха-пурана, Сканд-пурана, Вамана-пурана, Курма-пурана, Матсья-пурана, Гаруда-пурана, Брахманда-пурана.¹ О восемнадцати пуранах, помимо ВП, упоминается во всех прочих пуранах, в эпосе, Харивамше. Однако конкретные названия пуран и их реальное число могут варьироваться. Так, Ваю-пурана говорит о восемнадцати пуранах, но перечисляет только шестнадцать, причем в их число входит Ади-пурана, но опускаются Линга-пурана, Вишну-пурана и Агни-пурана.² Исследователь Е.Захау приводит список, в котором, помимо ряда основных пуран, фигурируют многие памятники, обычно относимые к числу упануран: Ади-пурана, Матсья-пурана, Курма-пурана, Вараха-пурана, Нарасимха-пурана, Вамана-пурана, Ваю-пурана, Нанда-пурана, Сканд-пурана, Адитья-пурана, Сома-пурана, Шамбха-пурана, Брахманда-пурана, Маркандея-пурана, Таркшья-пурана, Вишну-пурана, Брахма-пурана, Бхавишья-пурана.³

Вопрос о датировке всего основного свода пуран, в равной мере как и вопрос о датировке каждой отдельной пураны, остается дискуссионным в индологической литературе. Относительная датировка пуран, даже по сравнению с другими памятниками древнеиндийской литературы, представляет существенные трудности. Во-первых, тексты пуран не были четко фиксированы, "канонизированы", как, например,

тексты Вед или Бхагавадгиты. Свободная нарративная форма повествования в пуранах способствовала достаточно вольному обращению с текстом памятника, а в ряде случаев вела к проникновению слов комментатора непосредственно в текст пураны. Во-вторых, пураны, будучи литературным жанром, который допустимо определить как краткую энциклопедию древнеиндийского знания, по своему характеру не только допускали, но и предполагали многочисленные инкорпорации. Пураны содержали пять обязательных разделов, или тем (пять лакшан): 1) сарга – раздел о творении мира, 2) пратисарга – раздел о продолжающемся творении мира, 3) вамша – генеалогия богов и великих мудрецов-риши, 4) манвантарани – периоды правления великих патриархов-ману, 5) вамшанутраха – традиционная история правителей солнечной и лунной династий. Все эти темы излагались в свете религиозного учения, прокламируемого данной пураной. Они могли занимать разный объем, так, например, сарга могла занимать и несколько глав и несколько стихов.⁴ Помимо пяти обязательных разделов пураны вобрали в себя (каждая в своем роде) популярные сведения из других отраслей древнеиндийского знания – минералогии, медицины, астрономии и др. В-третьих, пураны, если рассматривать их как комплексное изложение мировоззрения индуизма (конкретные особенности мировоззрения отдельных школ и течений получили отражение в конкретных пуранах) непрерывно подвергались трансформации, по мере того, как в ходе исторического процесса изменялись и модифицировались воззрения этих школ и течений.

Спектр мнений по поводу датировки пуран, представленный в индологической литературе, достаточно широк. Вопрос состоит в том, какой именно угол зрения на пураны (традиционно-исторический, доктринальный и пр.) исследователь выделяет как главный и в соответствии с этим говорит об относительной датировке пуран.

Традиция, приписывая авторство пуран легендарному мудрецу Вьясе (он же считается автором Вед и эпоса (Махабхараты), относит пураны к древнейшим ведийским временам. Согласно Бхагавата-пуране, пураны называют пятой Ведой, которая появилась одновременно из всех четырех ртов Брахмы.⁵ По традиционным представлениям в пуранах популярно излагаются основы индуизма в облегченной переработке, предназначенной для обучения женщин и шудр.

Взглядов, близких к традиционным, или так называемой "мифической" датировки памятников придерживается определенная группа индологов, относящих пураны к доисторическому периоду, считающих пураны приложением к Ведам или специальной пуранаведой.⁶ В сущности все эти исследователи преследуют одну цель – как можно ярче

подчеркнуть древность индийской традиции.

Основная же группа индологов основывает датировку пуран на текстуальном изучении памятников, использует научные методы исследования, в частности такие, как компаративный анализ пуранических памятников, или конкретно-исторический, "привязывая" датировку пуран к упоминаниям в текстах конкретных исторических событий, имен исторических деятелей и пр. Среди данной группы исследователей выделяются три основных направления.

1. Пураны датируются первыми веками до н.э. Такие видные исследователи пуранической литературы как М.Винтерниц, Р.Ч.Хазра, М.А.Мехендале, учитывая в первую очередь наиболее ранние пласты пуранических памятников, считали, что пураны были сложены в первые века до н.э.⁷ К этому выводу они пришли, сопоставляя аналогичные места из пуран и эпоса (Махабхарата, Рамаяна), а также из Харивамши.

Вопрос о возможности реконструкции текста прапураны правомерен и имеет немалый научный интерес. Вместе с тем подобная реконструкция будет, по всей вероятности, представлять собой такую же научную абстракцию как реконструкция индоевропейского праязыка. Пураны, объединяющиеся между собой по ряду сходных признаков, в то же время не составляют замкнутого комплекса текстов, связанных лишь между собой. Пураны могут быть поняты только в контексте всей индуистской традиции, во всей полноте и разноплановости их многосторонних связей как между собой, так и с различными упанишадами, даршанами, отдельными течениями внутри ортодоксальной и неортодоксальной традиции.

2. Пураны датируются первыми веками н.э. Это мнение разделяют многие индологи. Так, автор обзорного труда по индуизму Р.Дж. Бхандаркар⁸ считает, что пураны оформились к 250 г. н.э. и с тех пор продолжают непрерывно трансформироваться. Индолог Ч.Элиот полагает, что пураны обрели оформление как своеобразные учебники традиционного индуизма во времена правления династии Гуптов (IV-V вв. н.э.).⁹ Советский индолог Г.М.Бонгард-Левин, автор обширных трудов по истории, идеологии и культуре древней Индии, придерживается той точки зрения, что большинство дошедших до нас пуран датируются IV-VI вв. н.э.¹⁰ Сравнительно поздняя датировка пуран - конец V в. принадлежит ученому Дж.Бентлей, который пишет, что многие из пуран были сложены позднее Варахахиры VI в. н.э., и что, в частности, Вишну-дхармоттара-пурана была заимствована у Брахмагупты (VI в. н.э.).¹¹

3. Пураны датируются концом первого - серединой второго ты-

сячеления н.э. Эта точка зрения, пользующаяся большим авторитетом в индологии, принадлежит Г.Г.Вильсону. Он рассматривал пураны в общем потоке развития индуизма как религиозно-идеологической системы, считая, что каждая из них представляет воззрения определенного течения в индуизме. И, таким образом, как полагает Г.Г.Вильсон, шиваитские пураны не могли быть окончательно оформлены позднее Шанкары (IX в. н.э.), великого реформатора шиваитского толка, а вишнуитские – не позднее таких известных реформаторов вишнуизма как Рамануджа (XI–XII вв. н.э.), Мадхава (XIII в. н.э.), Валлабха (XV–XVI вв. н.э.).¹² Это мнение разделяли такие известные индологи как Бюрнуф, Х.Лассен, А.А.Макдонелл.¹³

Сравнительный анализ текстов различных пуран, многие из которых не только варьируют сходные темы и сюжеты, но и содержат текстуально совпадающие места, поставил перед индологами вопрос, восходят ли пураны к единому источнику, некоей прапуране? Первые подобная мысль о возможности существования такой прапураны была высказана автором многочисленных трудов по индологии Г.Г.Вильсоном.¹⁴ Впоследствии эта точка зрения была поддержана такими известными учеными как Х.Лассен и А.А.Макдонелл.¹⁵

Отдельного упоминания заслуживает мнение ученых, учитывающих сложную структуру пуран, а именно то, что наряду с очень древними вкраплениями они содержат и поздние инновации. Крайнюю позицию в этом отношении занимает С.Дж.Кантвала, считающий, что необходима отдельная датировка для каждой книги, каждой главы и даже для каждого стиха пураны.¹⁶

Таким образом в научной литературе мнения по поводу датировки пуран имеют широкий диапазон – от предисторического периода до середины второго тысячелетия н.э. Однако большинство исследователей склоняются к тому, что наиболее ранние пураны – Падма-пурана, Вишну-пурана, Вая-пурана, Маркандея-пурана, Матсья-пурана сложились в первые века нашей эры.

Точки зрения широко варьируются не только в отношении датировки всего свода пуранических памятников, но и в отношении датировки каждой из пуран в отдельности, в частности, Вишну-пураны.

Наиболее ранняя датировка ВП принадлежит Рамачандру Дикшитару, который в своей статье "Эпоха Вишну-пураны" высказывает мнение, что ВП была создана в 700–500 гг. до н.э., т.е. почти одновременно с Атхарваведой или немногим позднее ее.¹⁷ Он же в своей несколько более поздней работе "Указатель к пуранам" выдвигает еще одну, несколько менее широкую датировку – 700–300 гг. до н.э.¹⁸ С этой точкой зрения смыкаются взгляды историка древней Ин-

дии В.А.Смита, который в своей книге "Ранняя история Индии" относит ВП к 400-300 гг. до н.э.¹⁹

Сравнительно более поздней и более сжатой является датировка Р.Ч.Хазры. Ему принадлежат две точки зрения. Одну из них он высказывает в статье "Датировка Вишну-пураны", относя ВП к 100-350 гг. н.э.²⁰ Другая его точка зрения, высказанная им позднее в работе "Сведения из пуран об индуистских обрядах и обычаях", сужает датировку ВП до 275-325 гг. н.э.²¹ К этой датировке близка датировка П.В.Кане, - в своем обширном труде "История Дхармашастры", в разделе "Краткие заметки об отдельных пуранах и упануранах", он пишет, что ВП следует датировать 300-350 гг. н.э.²² Сходного, но более конкретного мнения придерживается и историк древнеиндийской литературы Дж.Н.Фаркухар. В своей книге "Очерк религиозной литературы Индии" он указывает, что ВП была создана до 400 г. н.э.²³ Ф.Е.Паргитер в книге "Древнеиндийская историческая традиция" предполагает, что ВП была окончательно оформлена не ранее 500 г. н.э., исходя из того, что контекст ВП позволяет говорить о новом возрождении брахманизма, последовавшем после кульминационных периодов расцвета джайнизма и буддизма в Индии.²⁴ Видный историк древнеиндийской литературы М.Винтерниц считает, что ВП сложилась не ранее V в. н.э.²⁵ А.Дж.Гаил в работе "Бхакти в Бхагавата-пуране" относит ВП к 550 г. н.э.²⁶

Точка зрения советского ученого Г.М.Бонгард-Левина в известном смысле обобщает многие из приведенных выше мнений. Он считает, что "основное ядро памятника оформилось, повидимому, в I-II вв., однако отдельные отрывки, связанные с политической историей, содержат намеки на образование державы Гуптов и, значит, должны были возникнуть не ранее IV-V вв."²⁷

Ряд ученых предлагает более позднюю датировку ВП. Индолог С.В.Вайдья в своей работе "История средневековой Индии" относит ВП к 800-900 гг. н.э.²⁸ Еще более позднюю датировку ВП дает С.Н.Рой в своей статье "О сравнительной хронологии Вишну-пураны и Бхагавата-пураны", считая, что ВП следует датировать позднее 800-900 гг. н.э.²⁹ Наконец, самая поздняя датировка нашего памятника принадлежит перу Г.Г.Вильсона. В предисловии к своему английскому переводу ВП, он относит ВП к 1045 г. н.э., основываясь на упоминании в ряде мест памятника о вторжениях мусульманских завоевателей и о последних правителях династии Андхра.³⁰

Таким образом, как явствует из вышеизложенного, датировка ВП в научной литературе колеблется в пределах немногим менее двух тысячелетий - от VII в. до н.э. до XI в. н.э.³¹ Однако, нельзя не

признать, что с нашей точки зрения следует отдать приоритет двум мнениям – мнению автора классических трудов по индуизму Г.Г.Вильсона и мнению советского историка древней Индии Г.М.Бонгард-Левина.

-----

1. *Viṣṇu purāṇa*. Bombay, 1927, Y.21:15-18.
2. *Vāyu purāṇa*, ed. by R.Mitra, BI, Bombay, 1895, 2.42:3-10.
3. E.Sachau. Alberuni's India. Truebner's Oriental Series 2. London.Edinburg, 1888, I.I31.
4. См., например, *Viṣṇu purāṇa...*, I. 2-4; *The Liṅga purāṇa*, ed. by J.L.Shastrī "ANTM", Dehli, 1973, vol. 6, I.3-5.
5. *Le Bhāgavata Purāṇa ou Histoire poétique de Kṛishna*, tr. et publié par Eugène Burnouf. Paris, 1840-1898, I.4:19-22.
6. C.N.Roy. Hindu Purāṇas, their Age and Value. New Indian Antiquary. N 2, 1939-40, p. 103; K.F.Geldner, R.Pischel. Vedische Studien. Stuttgart, 1889, Bd. I, s. 259.
7. R.Ch.Hazra. The Upapurāṇas. The Cultural Heritage of India, vol. 2, Calcutta, 1962, p. 240; M.A.Mehendale. The Purāṇas: the History and Culture of the Indian People, vol. 3, the Classical Age. Bombay, 1970, p. 297; M.Winternitz. Geschichte der indischen Literatur. Leipzig, 1908, p. 54.
8. R.G.Bhandarkar. A Peep into the Early History of India from the Foundation of the Maurya Dynasty to the Fall of the Imperial Gupta Dynasty. JBBRAS N 20, 1900, p. 404.
9. Ch.Eliot. Hinduism and Buddhism. An Historical Sketch. London, 1921, p. 38.
10. Г.М.Бонгард-Левин, Г.Ф.Ильин. Древняя Индия. М., 1969, с. 51.
11. John Bentley. On the Antiquity of the Surya Siddhanta and the Formation of the Astronomical Cycles therein Contained. As. Res., N 7. 1899, p. 574.
12. H.H.Wilson. The Vishṇu Purāṇa..., Intr. p. IX-X.
13. *Le Bhāgavata Purāṇa...*, vol. I, p. CI; Christian Lassen. Indische Alterthumskunde. Leipzig-London, 1861, vol. 4, p. 599; A.A.Macdonell. India's Past. London, 1927, p. 90.
14. H.H.Wilson. The Vishṇu Purāṇa, a System of Hindu Mythology and Tradition. London, 1840, vol. I, Intr., p. IV.
15. Christian Lassen. Indische Alterthumskunde. Bonn-London, 1847, vol. I, p. 480; A.A.Macdonell. A History of Sanskrit Literature. The Purāṇas. London, 1900, p. 299.
16. S.G.Kantwala. The Purāṇas and Epics as Sources of Religious,

- Social and Cultural History of India. Journal of the Univ. of Baroda, N 19, 1970, p. 50.
17. V.R.Ramachandra Dikshitar. The Age of Viṣṇu Purāṇa. IZC, N 13, 1950, p. 49-50.
  18. V.R.Ramachandra Dikshitar. The Purāṇa Index. Madras Univ., 1951-55, vol. I, p. XXVII.
  19. V.A.Smith. Early History of India. Oxford UP, 1924, p. 22-23.
  20. R.Ch.Hazra. The Date of the Viṣṇu Purāṇa. ABORI, N 18, 1936-37, p. 265-275.
  21. R.Ch.Hazra. Studies in the Purāṇic Records on Hindu Rites and Customs. Dacca Univ., 1940, p. 24.
  22. P.V.Kane. History of Dharmaśāstra. Poona, 1930-1950, vol. 5.2, p. 909.
  23. J.N.Farquhar. An Outline of the Religious Literature of India. Oxford UP, 1920, p. 143.
  24. F.E.Pargiter. Ancient Indian Historical Tradition. Oxford UP, 1922, p. 80.
  25. M.Winternitz. A History of Indian Literature. Univ. of Calcutta, 1963, vol. I, part 2, p. 478.
  26. A.J.Gail. Bhakti in Bhāgavatapurāṇa. Religionsgeschichtliche Studie zur Idee der Gottesliebe in Kult und Mystic der Viṣṇuismus. Wiesbaden, 1969, s. 16.
  27. Г.М.Бонгард-Левин. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980, с. 311.
  28. C.V.Vaidya. History of Mediaeval India, Delhi, 1930, p. 352.
  29. S.N.Roy. On Comparative Chronology of the Viṣṇu and Bhāgavata Purāṇas. Purāṇa. N 10, 1968, p. 65.
  30. H.H.Wilson. The Viṣṇu Purāṇa..., Intr., p. CXI-CXII.
  31. L.Rocher. The Purāṇas. Wiesbaden, 1986, p. 249.

Т.А.Постредова

ОБЗОР ОСНОВНЫХ СОВЕТСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА КИТАЯ XIX-XX вв.

В деле научного изучения вопросов, связанных с историей искусства Китая, в частности, с живописью, искусствоведческая наука опирается на два вида источников, являющихся предметом исследования. К первому виду относятся художественные произведения, ко

второму – имеющиеся письменные материалы по интересующему вопросу.

К первой категории источников, дающих возможность проникнуть в тайны мировоззренческих концепций художников (творческого мастерства), относятся завершенные живописные и графические работы различных жанров, а также этюды, зарисовки, наброски и эскизы маслом. Они дают нам возможность познакомиться с лабораторией художников и, что особенно важно, с цельностью их характеров, стремлением постичь не только законы формообразования, но и внутреннюю значительность окружающей действительности, на что тратят они часы, месяцы, годы. Эти источники – свидетельство и подтверждение их эстетических взглядов, их трудоспособности, их виртуозного мастерства.

Изучение живописного и графического наследия китайских художников доступно нам благодаря наличию произведений в музеях Советского Союза. Фонды трех крупнейших музейных хранилищ СССР – Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока и Государственного музея западного и восточного искусства в Киеве – знакомят с изобразительным искусством XIX и XX вв. В них представлены работы многих художников.

Изучение культурного наследия китайского народа, в частности, интересующей нас живописи XIX – п.п. XX в., возможно и благодаря немногочисленным, но ценным фондам Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого АН СССР. Коллекцию живописи МАЭ можно, исходя из тематического принципа, разделить на несколько групп. Это – живопись жанра "цветы и птицы", живопись бытового жанра, пейзаж. Все эти жанровые группы живописной коллекции можно отнести, исходя из направленности выражения, к одной из трех функций живописи, с точки зрения китайских теоретиков изобразительного искусства (иллюстративной, магической, моральной), – к моральной.

В основу моральной живописи были положены следующие принципы: видеть хорошее – значит служить тому, чтобы предупредить дурное; зрелище дурного приводит к тому, что заставляет людей стремиться к мудрости. Чжан Жаньюань (теоретик периода Тан) в "Записках о знаменитых художниках последующих друг за другом династий" писал: "Из этого мы можем сделать вывод, что картины являются средством, благодаря которому события сохраняются в том состоянии, в котором они служат образцами (для добродетельных) и предупреждением (для дурных)".

Проповедник теории конфуцианства Чжоу Дуньи (XI в.), изла-

гая свои взгляды, писал, что "... мораль и добродетель - это вопросы подлинной сущности. Если вы искренни в этих существенных вопросах и используете искусство, тогда красота письма всем приятна, а если (ее) полюбят - она будет передаваться".

Созданные в конце XIX - начале XX в., альбомные листы и живописные свитки могут служить ценным источником при рассмотрении нескольких проблем, связанных с живописной практикой. Во-первых, эта небольшая коллекция - живой свидетель того, что к началу XX в. в жанре "цветов и птиц" господствовало декоративное начало, красивость, виртуозное владение канонизированными стилистическими приемами без стремления к максимальному приближению к живой природе. Это - произведения, для которых характерно не перенесение виденного мира на шелк или бумагу, а воссоздание условным языком явления и вещи путем высокого художественного мастерства, базировавшегося на неукоснительном следовании традициям.

Коллекция МАЭ в своей живописной части - доказательство жизнненности традиционного использования символики: иносказания, подтекста, второго смысла картины, эстетического осмысления и поэтического воспроизведения природы, традиционного почитания философских канонов.

Произведения, с которыми мы можем познакомиться, посвящены изображению отдельных цветов, вьющихся лоз, птиц, канонизированных сцен на фоне пейзажа, в окружении благоухающих растений и т.п. Это: "Ласточки и цветущий лотос", "Птица и цветы", "Птица и цветущее дерево", "Ласточка на ветке цветущей сливы", "Птицы на дереве", "Птица у хризантемы", "Травы", "Кусты и ветви деревьев".

Гораздо больше живописных произведений, выполненных на альбомных листах, либо на горизонтальных и вертикальных свитках, посвящено мужскому и женскому портрету, бытовым сценкам, сценкам охоты, изображению театральных действий, изображению различных божеств: это - статичные групповые семейные портреты, группы мудрецов, стоящих у подножия горы под деревом, одинокий отшельник в лесу, Шао-син, Конфуций, Лао-цзы, близнецы Хэ-хэ, герои буддийского пантеона.

В альбоме и свитках представлен пейзаж. Произведения созданы в различных живописных техниках: тушь, водяные краски, акварель. Мы можем познакомиться с классическим "сине-зеленым" стилем, когда пейзаж, в основном архитектурный, создается по жесткой канонизированной схеме, ровными линиями, с господством в колорите синего и зеленого цвета.

Многие произведения данной коллекции позволяют увидеть взаи-

мопроникновение элементов одного жанра в другой, - перетекание одного жанра в другой, слияние жанров, подчас изменение традиционных смыслов символики.

В Секторе восточных рукописей и документов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранятся альбомы, эстампажи и образцы каллиграфии, которые позволяют познакомиться с изобразительным искусством Китая. Бумага, тонкий спил древесины, тушь, акварель, золото, гуашь, эмаль - вот далеко не полный перечень представленной в альбомах технологии живописи.

Интересны два альбома с изображением китайских мужских и женских костюмов, в которых запечатлены ценные традиции декоративного искусства.

Имеются альбомы, которые наполнены изобразительными листами, посвященными жанровой тематике (например, 297 рисунков - в одном альбоме, 60 рисунков - в другом, 2 рисунка с изображением подвоя русской духовной миссии в Пекине - вне альбомов).

Три альбома посвящены изображению джонок, лодок и более крупных судов. Китайскими художниками созданы альбомы с изображением рыб, насекомых, пресмыкающихся, млекопитающих и других животных, цветов, трав, плодов, орехов и др., которые для нас интересны с точки зрения знакомства с живописной техникой. Большой исторической и эстетической ценности альбом иллюстраций к китайским романам "Троецарствие" и "Сон в красном тереме", который уникален по живописному решению, а по композиционному и графическому - во многом оспаривается с ксилографическими иллюстрированными изданиями этих романов. Они не только помогают нам изучить костюм, но и покоряют колоритом, пластичностью и музыкальностью обобщенных, почти скульптурных форм, строгой рассчитанностью и эффективностью изображенного. Они - подспорье для познания и понимания китайской жанровой живописи, портрета, в первую очередь парадного, репрезентативного, цветовых соотношений, наложения мазков, пластической моделировки посредством то ли светотеневой лепки, то ли благодаря графическому силуэту и линии, отделяющей одну деталь костюма от другой.

Изображения костюмов созданы живописными средствами на материале, который характерен только лишь для Китая, - тонкие срезы дерева, напоминающие современные белые тонкие листы пералона. О нем можно прочесть в книге П.Я.Пясецкого: "Китайцы... рисуют минеральными красками на фарфоре или стекле, или акварелью и тушью на бумаге, шелковых тканях и особого рода веществе, без всякого основания называемого рисовой бумагой. Это клетчатка одного дерева, с замечательным искусством нарезанная тончайшими пластин-

ками, спрессованная и просушенная. Краски на ней сохраняют необыкновенную яркость и имеют бархатистый вид". Этот материал художниками грунтуется, и на такой своеобразный левкас наносится необходимая краска, которая легко ложится на основу. Если нет грунта, краска накладывается прямо на растительные пластины, легко впитывается, создавая ощущение бархата. Художники работали, как миниатюристы, тщательно, тонко и скрупулезно пользуясь техникой миниатюрной живописи.

Одним из интересных источников, дающих возможность понять технику китайской живописи, является обширная коллекция живописных листов в фонде Эмилия Васильевича Бретшнейдера (1833-1901), хранящаяся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Рисунки созданы китайскими художниками по заказу Э.В.Бретшнейдера - синолога, доктора медицины, который в конце XIX в. продолжительное время жил и работал в Пекине, являясь врачом Русской православной миссии.

Рисунки выполнены на рисовой бумаге, кистью, основной абрис, силуэт и штрихи выполнены черной тушью, в остальном, т.е. при раскрашивании, китайцы использовали цветную тушь, гуашь и золотую краску.

Тема, которой посвящены все рисунки, переплетенные в альбомы (13 штук), - китайские костюмы конца XIX в., сцены трудовой деятельности и другие стороны жизни, цветы, плоды, насекомые. О содержании альбомов, где нарисованы цветы, плоды, насекомые, имеет исследование А.П.Терентьева-Катанского.

Таким образом, изучение архива Э.В.Бретшнейдера в той его части, которая содержит живописные и графические альбомы, позволяет сделать вывод, что архив - прекрасное подспорье для искусствоведов, занимающихся изучением истории и техники китайской живописи и графики, а также для этнографов, изучающих народ, и для искусствоведов-прикладников. При определенных ограниченных возможностях (ибо советские музеи имеют сравнительно небольшое число китайских свитков, которые позволяют составить неполное представление об истории китайской живописи) мы можем окунуться в мир китайского искусства, непосредственно соприкоснувшись с техникой водяных красок, туши, движения кисти, наложения мазка.

Выставки китайского искусства, которые проходили в нашей стране, тоже следует отнести, хотя и к мимолетному, но источнику наших знаний.

Выставки комплектовались в Китае, а посему обильный творческий материал - ценнейший источник для эстетического наслаждения

и научного познания. КATALOGи и фотографии в какой-то степени возмещают забываемое, помогают восстановить представление об экспонировавшейся живописи.

Выставок китайской живописи в Советском Союзе было не так уж и много. Первая прошла с большим успехом в Москве и Ленинграде в 1934 г., впервые познакомив советских зрителей со многими именами (78 художников) и различными направлениями. В выставках 1940 г., 1950 г. (17 художников), 1954 г. (26 живописцев), 1957 г. (90 художников), 1965 г. (38 художников), 1984 г. (74 живописца), 1986 г., 1987 г. (60 художников), 1989 г. (78 художников) экспонировалась живопись тушью, маслом и лаком.

В 1934 г. выставка, посвященная китайской живописи, в Москве разместилась в Историческом музее в четырех залах. В экспозиции было представлено 330 произведений. Наиболее интересные образцы китайской старинной и современной живописи были представлены искусством художников УП-XX вв. Для многих советских зрителей выставка впервые открывала своеобразную прелесть китайской живописи, особенности сложного XX в.

Живопись, представленная на художественной выставке в 1950 г. была богата разнообразными жанрами. Можно было увидеть много исторических полотен Ли Цаунцзиня, Фын Фаши, Янь Ханя и др., жанр портрета (в различных техниках), бытовой жанр Дун Сивэня, Сюй Бэйхуна, Цзян Чжаохэ, живопись цветов и птиц Ци Байши.

Летом 1957 г. в Эрмитаже была открыта выставка современной китайской живописи, которая включала 114 произведений, выполненных художниками разных городов и провинций Китая, большей частью в 1950-е гг. Можно было составить представление о последних достижениях китайских художников. Центральное место в экспозиции принадлежало свитку Цзян Чжаохэ "Беженцы".

Представительная выставка изобразительного искусства социалистических стран, проходившая в Москве в 1954 году, имела раздел китайского изобразительного искусства. Произведения китайских живописцев, выполненные маслом, акварелью, водяными красками, тушью, были представлены широким диапазоном жанров и достойной плеядой мастеров. Интересно и то, что работы художников могли познакомить нас с творчеством этих мастеров за несколько десятилетий и свидетельствовать, что живописцы продолжают и развивают лучшие традиции китайского искусства, отражают жизнь народа.

В 1965 г. в Москве, в соответствии с планом культурного сотрудничества между КНР и СССР проходила Выставка китайского изобразительного искусства. Для нас интересна та часть экспозиции,

которая рассказывала о достижениях живописцев в области национальной живописи в 1960-е гг. (1961-1965). Свитки, посвященные индустриальному пейзажу, городскому пейзажу, природе, принадлежали кисти У Цзожэня, Чжан Жэньчжи, Ли Ху, Фу Баоши, Гу Ань, Шань Юэ и др. Портрет, бытовой жанр, отличающиеся разнообразными формами, воспевали героизм людей, описывали перемены, которые происходили в стране, усердный труд народа.

Традиционная китайская живопись экспонировалась в 1984 г. в Музее искусства народов Востока в Москве. Она позволила нам представить состояние китайской живописи на современном этапе, увидеть последние достижения китайских художников. Подъем национальной живописи чувствуется в этих произведениях, а также стремление к реалистическому отображению действительности. Опираясь на древние традиции, совершенствуя новые живописные приемы, современные мастера работают над развитием многих жанров. Современное состояние китайской живописи говорит о различных художественных направлениях.

Осенью 1987 г. в Государственном музее искусства народов Востока проходила выставка современной китайской живописи. Прославленные художники, работавшие маслом, такие как У Цзожэнь, Линь Фэнмянь, Дун Сивэнь, Хоу Иминь, Цзинь Шаньти и др. были представлены своими работами. Выставка позволила увидеть в развитии живопись маслом в Китае, новые работы художников разных поколений, роль советской живописи в истории формирования китайской масляной живописи.

Довольно обширный материал о китайских художниках, осваивавших масло в станковой картине, посвятивших себя сценографии и т.п. и сейчас, в настоящее время, обучающихся в разных институтах Советского Союза, имеется в отечественных архивах.

В Архиве Академии художеств СССР можно ознакомиться с материалами, посвященными творческой деятельности таких китайских будущих живописцев, как Ван Баокан, Ван Кэцин, Дэн Шу, Ли Баоян, Ли Тяньсян, Ли Цзинь, Линь Ган, Ма Юньхун, Сяо Фэн, Фэн Чжэнь, Цзи Сяоцзю, Цюань Шаньши, Чжан Хуацинь, Чжоу Чжэн, Ци Мудун.

Немаловажным звеном в системе источников, дающих возможность составить представление о живописи Китая, являются альбомы с репродукциями художественных произведений китайских мастеров, которые хранятся в музеях Китая. Собрание альбомов в библиотеках нашей страны довольно обширно.

Изучению живописи Китая, ее особенностей, характерных для каждой эпохи, помогают произведения европейских художников, соз-

данные на китайской земле, под влиянием китайского живописного искусства.

В Секторе восточных рукописей и документов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР имеются несколько альбомов и отдельно хранящихся листов, на которых выполнены миниатюры из китайской жизни русскими и западноевропейскими художниками.

Необходимо отметить работы русских художников середины XIX в. — Л. Григорьева, А. Легашова, К. Корсалина, И. Чмутова, которые, будучи прикомандированными к Пекинской духовной миссии, по собственному желанию жили в Китае по несколько лет, изучали памятники культуры Китая, предметы быта, религии, делали зарисовки, проныкали в тайны технологии китайской живописи, а также творчество таких деятелей русской культуры второй половины XIX в., как И. Александров, Т. Васильев, В. Вережагин, Дэ-мин, Н. Любимов, С. Черепанов, П. Пясецкий.

XX в., особенно начиная с 1940-х гг., богат советскими живописными произведениями, графическими листами и целыми сериями, которые знакомят нас с природой, архитектурой, жизнью, бытом, искусством Китая. Контакты художников СССР, сравнительно небольшие до 1949 г., несказанно увеличились после победы китайской революции и создания Китайской Народной Республики. Десятки советских профессиональных художников, народных умельцев, художников-преподавателей, студентов — будущих художников, в разное время, посещая страну и путешествуя по ней, создавали произведения о Китае. Среди них — живописцы, графики и скульпторы из различных республик и городов Советского Союза: В. Абакумов, З. Азгур, М. Асламазян, Е. Ащепков, В. Богаткин, И. Богдеско, О. Верейский, В. Гальдикас, А. Герасимов, Б. Ефимов, Н. Жуков, В. Забашта, Э. Калныньш, Л. Кассис, Л. Кербель, В. Климашин, Н. Клиндухов, И. Клычев, А. Котухина, А. Константиновский, К. Максимов, М. Манизер, В. Михалев, Л. Муравин, А. Мыльников, Д. Налбандян, А. Ромодановская, С. Селиханов, И. Севастьянов, А. Таран, А. Усубалиев, К. Финогенов, С. Чураков, М. Шанин, Д. Шмаринов и другие.

Таким образом, располагая произведениями вышеуказанных мастеров, отечественное синологическое искусствоведение с большим вниманием может, сопоставляя, по достоинству оценивать каждый, имеющийся в наших государственных фондах русский изобразительный материал, созданный в XVIII—XIX вв.

Следующая группа источников включает письменные материалы различных жанров, составляющие источниковедческую основу научного исследования.

Наличие большого количества и разнообразия письменных источников, являясь одним из наглядных свидетельств роли и места живописи в жизни китайского общества, определяет необходимость научной классификации имеющихся письменных материалов, т.е. характеристики их состава, происхождения, содержания, степени достоверности, взаимосвязи.

Совершенно очевидно, что пытаться охватить в обзоре все без исключения материалы, находящиеся в сравнительно обширном источниковедческом арсенале, значит взять на себя задачу непосильную. Принимая во внимание наличие внутри массива выявленных источников определенных групп однотипных сочинений, целесообразно, разделив источники по жанрам, дать характеристику и оценку каждой группы в целом.

Исключительно ценные по фактографической и эстетической стоимости содержания сведения, которые следует выделить в отдельный жанр источников, имеются в повествовательных текстах, носящих характер комментариев, колофонов, дополнений к изображенному, а также в каллиграфических стихотворных надписях на живописном поле.

Это и принадлежащие художникам статьи, заметки, лекции, письма, предисловия к альбомным изданиям, которые проливают свет на их эстетические взгляды. К сожалению, таких первоисточников – читаемые единицы. Интересны работы художников Пань Тяньшоу, Сюй Эйхуна по истории китайской живописи, о художниках-соратниках, современном искусстве Китая – живописном и графическом, о советском искусстве.

Разнообразные каталоги (к персональным выставкам китайских художников, к выставкам китайской живописи) относятся к тому жанру источников, который может служить фактографическим материалом, а отнюдь не оценочным.

Ценные источники – архивные материалы – нарративные и образительные, дающие возможность исследовать художественную и общественную деятельность китайских, русских и советских художников.

Источниками являются также воспоминания соратников, друзей и родственников художников. Это – сочинения и устные рассказы повествовательного характера, посвященные конкретным живописцам.

Но здесь интересно остановиться на одном далеко немаловажном обстоятельстве, связанном со спецификой такого рода работ. Строго говоря, такие сочинения следует характеризовать не только под углом зрения их сугубо источниковедческой значимости. Ведь фактически они являлись первыми специальными историческими трудами,

своего рода первыми монографиями о художественной жизни в стране, представляли собой начальный этап в накоплении и развитии исторических знаний о ней, и, следовательно, от таких работ ведет свое начало уже собственно историография этого вопроса. В них концепции авторов, их идеологические позиции как приверженцев той или иной живописной школы выражены в подборе фактов, терминологии, оценках. Иными словами, такие работы находятся как бы на стыке источниковедения и историографии, и к ним надо подходить в равной мере с точки зрения историографической характеристики.

И.Р.Тантлевский

"ИЗБРАННИК" БОГА И "ИЗБРАННИКИ БОГА" В ТЕКСТАХ СВИТКОВ МЕРТВОГО МОРЯ

Центральное место в системе идеологических воззрений членов кумранской общины занимают их мессианско-эсхатологические представления. Для адекватного понимания соответствующих взглядов кумранитов большое значение имеет разрешение проблемы правильного прочтения обозначения $\text{b\text{h}w\text{r}w}$, встречающегося в текстах 4Q^aPs 37 I:14(?); 2:5; 3:5; 4:12; IQ^aNa^b 5:4; 9:12; 4Q^aIs D I,3; IQ^aMi,fr. 8-10, 5 (?). Большинство исследователей интерпретируют данное слово как орфографический вариант формы мн.ч. - $\text{b\text{h}w\text{r}(r)w}$ ($\text{b\text{h}i-g\text{a}w}$; "Его избранники") и полагают, что в указанных текстах под этим обозначением подразумеваются члены кумранской общины¹ (ср. IQ^aNa^b 10:13; 4Q^aPs 37 4:14 (?) и IQS 8:6; 9:14; II:16; IQM 12:1,5; IQN 2:13; 14:15; 4QFlor 1:19; CD 4:3; ср. также: Енох II, 62:8 и др.; Мф 24:31; Мк 13:27; Лк 18:7). В то же время, ряд исследователей видят в слове $\text{b\text{h}w\text{r}w}$ местоименный суффикс 3 л. ед.ч. ($\text{b\text{h}i\text{r}\text{b}$; "Его Избранник") и отождествляют "Избранника" Бога кумранских текстов с харизматическим лидером общины - Учителем праведности.² Присущее текстам свитков Мертвого моря *scriptio plena*, а также то обстоятельство, что в Библии фраза "Его избранники" во всех случаях передается как $\text{b\text{h}w\text{r}w}$ (Пс.105: 6, 43; IXp. 16:13; ср. Пс. 106:5; см. также: Бен Сира: 46:1) дают возможность *a priori* предпочесть чтение $\text{b\text{h}i\text{r}\text{b}}$. Кроме того, автор этих строк полагает, что обосновать такую грамматическую интерпретацию кумранского $\text{b\text{h}w\text{r}w}$ можно попытаться на основании текстов Комментариев на Псалом 37(4Q^aPs) 4:10-12 и книгу пророка Аввакума (IQ^aNa^b) 4:16-5:6. Этому, в основном, и будет посвящена настоящая работа.

Прежде чем привести и прокомментировать указанные кумранские тексты, отметим, что в Пс. 106:23 обозначение "избранник" Бога употребляется по отношению к Моисею, а в 2Сам. 21:6 и Пс. 89:4 – по отношению к израильским царям Саулу и Давиду. В тексте Ис.42:1 (начало одной из т.н. "Песен Раба") так назван "Раб" Яхве – Мессия (ср. Ис. 61:1; IQMelch 2:18; Targ.Jonath. ad Is.53).³ Согласно Мф 12:17–21, содержание стихов Ис. 42:1–4 экстраполировалось на Иисуса Галилеянина. "Избранник" Бога неоднократно упоминается в эфиопской версии книги Еноха, II (т.н. "Образы" (IEnoch 37–71); см. 40:5, 45:3–4, 49:2–4 и др.), арамейский или еврейский оригинал которой, по мнению большинства исследователей, был создан в есеейской среде,⁴ скорее всего, в первой трети I в. до н.э. (ср. 38:5). Это обозначение является здесь синонимом "Сына Человеческого" (42:6 и др.; ср. Дан. 7:13–14), "Праведника" (38:2, 53:6), "Мессии" (48:10, 52:4).⁵ По-видимому, образ "Избранника" Бога возник в книге Еноха, II под влиянием Ис. 42:1⁶ (ср. 45:3–4, 48:9, 55:4, 69:27). Выражение "Избранник Бога" (ἐκλεκτός θεοῦ) встречается также в Заветании Вениамина II:4. А в текстах Лк 9:35 и 23:35–36 "Избранником" (ὁ ἐκλεκτός, ὁ ἐκλεκτός) Бога назван Иисус из Назарета. При этом в Лк 23:35–36 наименования ὁ ἐκλεκτός и ὁ Χριστός τοῦ θεοῦ ("Помазанник (Мессия) Бога") употребляются как синонимы. В некоторых новозаветных рукописях (Sinaiticus (prima manus), p⁵(?), Vetus Latina (e, ff²), Синаяская сирийская версия и сирийская версия, представленная в издании У.Кьюртон⁷) Иисус обозначается как "Избранник Бога" (ὁ ἐκλεκτός τοῦ θεοῦ) и в Ин 1:34 (ср. Ис. 42:1 и Мф 3:17, Мк 1:11, Лк 9:35⁸).⁹ Наконец, в кумранском арамейском тексте 4Q Mess ar 1:10 "Избранником Бога" (bḥrṭ ʾlhʾ) назван Мессия.

С учетом сказанного, обратимся к рассмотрению двух упомянутых выше кумранских текстов. В 4QPr37 4:10–12 мы читаем: "[У]повай на Яхве и блюди Его путь, и Он возвысит [т] тебя, дабы овладеть (II) землей; на истребление нечестивых ты будешь смотреть" (Пс. 37:34). Истолкование этого относится к общине бедных,⁷ которые будут лицезреть (yrʾw) Суд над нечестием и вместе с Его Избранником они (I – И.Т.) возрадуются в наследии Истины (wəʿim bēhīrō ʾuḥwʾ bnhlt ʾmt¹⁰). Приведенное восстановление части текста строки II-той впервые было предложено Г.Штегеманном¹¹ и основывается на текстах 4QPr37 2:8–10 и 3:9–13. В первом отрывке говорится: "А кроткие унаследуют землю и наслаждаются обилием мира" (Пс. 37:11). Истолкование этого относится к общине бедных (ʿdt hʾbywnuḥ; одно из наиболее распространенных са-

моназваний кумранской общины; см. IQpHab 12:3, 6, 10; IQM II:9, 13; 13:14; IQN 2:32; 5:18-22 и др.), которые перенесут время бедствия¹² и спасутся от всех западной Ведиала, и затем насла-
дятся все унас/ле/довавшие¹³ землю ...". Во втором тексте мы чи-
таем: "...Благословенн/не <Богом> унас/ледуют землю, а проклят/-
не <Им> будут унич/тожены" (Пс. 37:22). Истолкование этого отно-
сится к общине бедных, для которых предназначено наследие всего
мира (ʾlʾr lʾh/ʾm¹⁴ nʾlt kwl t/b/1¹⁵)... Они унаследуют высокую
гору Изра/илеву и вместе с/Его Святым (с. Учитель праведности
(?); ср. Дан. 9:24; Мк 1:24; 6:20; Лк 4:34; Деян. 3:14; 4:27,30;
Пин 2:20; Откр. 3:7; 6:10. - И.Т.) они будут наслаждаться(wʿim
(ср. 4QpFr37 4:II-12. - И.Т.) qḏāḏḏ yṯ=ngw¹⁶; ср. 4QpFr37 2:
10. - И.Т.). "А проклятые Им будут уничтожены" - это (жесткие)
притеснители... [и не] честивцы из Израиля, которые будут уничто-
жены и истреблен[ы] навеки". Отметим также, что возможны и иные
восстановления текста II-ой строки второй колонки Комментария на
Псалом 37.¹⁷ Однако, содержание Комментария, а также данные дру-
гих рукописей Мертвого моря не оставляют никаких сомнений в том,
что субъектом действий в рассматриваемом тексте 4QpFr37 4:10-12
являются члены кумранской общины (ср., например: 4QpFr37 2:1-5,
9-II, 13-16, 22-23; 2:26-3:6; 3:8-II; 4:19-21; IQpHab 5:3-6; 7:
15-8:3; 10:3-II:2; 12:12-13:4; CD 1:7-8; 2:11-12; 3:18-4:4; 20:
11-15, 19-20, 27-34). Следовательно, при интерпретации слова
bʾrwt (4:12) как "Его избранные" получается тавтология, лишаю-
щая текст смысла. С другой стороны, трудно предположить существо-
вание некоего движения, отличного от кумранско-ессейского, участ-
ники которого, по представлениям кумранитов, должны были "возра-
доваться" "в наследии Истины" "вместе с" ними.

В связи с приведенной трактовкой текста 4QpFr37 4:10-12 об-
ращает на себя внимание отрывок из Дамасского документа (CD; дан-
ное произведение создано по смерти Учителя праведности (см. 19:
35-20:1; 20:13-14)) 20:27-34, согласно которому правоверные кум-
раниты "услышат" и "будут внимать голосу Учителя праведности"
(ср. CD 3:18-4:4; IQN 4:24-25(!); Ин 5:24-29(!)), "Единственного"
(который, судя по CD 6:8-II, "появится (вновь; букв. "встанет",
i.e. "воскреснет").* - И.Т.) ... в конце дней" (ср. Ен., II,48:
4-10, 62:7-8(!)); отметим, что семантика обозначения hʾwʾd
("Единственный"; CD 20:1, 14, 32) не позволяет трак-
товать текст CD 6:8-II в том смысле, что кумраниты ожидали при-

* Ср. 4Q 385, fr., 2,8, где глагол *md употреблен в бесспорном
значении "воскресать из мертвых"; ср. также CD 4:3-4(!), Дан. 12-13.

шествия "в конце дней" д р у г о г о ("в т о р о г о") Учителя праведности; ср. также CD 6:II и 20:I, I4(!)); и тогда общинники "возликут и возрадуются (uḇuḇw wuḥṣḥw),... и превозмогут всех сынов мира,... и узрят Его спасение ..." (ср. CD I4:I8-I9; 8:I-3 и I9:I0-I5(!); 20:I9-20; 4Q^a141; 11QMelch, pass.). Параллели к 4QРв37 4:I0-I2 мы находим и в ряде пассажей из книги Еноха, II, например, в тексте 45:4-5: "В тот день (ср. эсхатон. - И.Т.) Я повелю Моему Избраннику жить среди ... моих избранников... И Я преобразу землю и сделаю ее благословением ... А грешников ... Я истреблю с лица земли"; а также в отрывках 5I:2-5 и 62:I3-I4, где говорится, что в конце дней "праведники и избранники" будут "радоваться" и "наслаждаться", "есть и ложиться, и вставать во веки веков вместе с" "Избранником" Бога.

В Комментарии на Псалом 37 кумранская община дважды обозначается как *ḥdt bḥrw* (2:5, 3:5; так же в 4QРв I,3). Поскольку Учитель праведности (фигурирующий в 4QРв37 также под обозначениями "Передающий знание" (I:I9), "Священник" (3:I5), "Праведник" (?) (4:8, ср. Ис. 53:II и Деян. 3:I4, 7:52; I Ин 2:I; I Петр 3:I8), "Святой" (?) (3:II)) несколько раз упоминается в данном произведении в качестве лидера организации, мы имеем достаточное основание для перевода упомянутого наименования как "община Его Избранника" (ср. Ен., II, 53:6: "...Праведник и Избранник повелит появится дому своей общины"; "община"(!) "Праведника" - "Избранника" Бога упоминается также в Ен. 38:I-2 и 62:8). Показателен в этом отношении текст 4QРв37 3:I5-I6, где говорится о "Священнике, Учителе праведности, которого избрал (! - И.Т.) Бог (*ḥbḥrw* I⁸; ср. Пс. 78:70; 89:20-2I; I05:26; Ис. 42:I, 43:I0 ("Вы (ср. евреи. - И.Т.) - Мои свидетели, - речение Яхве, - а также Раб Мой (ср. Мессия. - И.Т.), которого Я избрал (*bḥrtu*; ср. Мф I2:I8. - И.Т.)..."); 49:7; Аггей 2:23; Ен., II, 46:3 ("Это Сын Человеческий (= "Избранник" Бога. - И.Т.), который обладает праведностью... Господь Духов избрал его..."); 48:6. - И.Т.), чтобы он появился (ср. Ен., II, 48:6-7; 62:7-8(!). - И.Т.) ... И Он утвердил его, чтобы построить ему общину...".

В пользу чтения *bḥrw* свидетельствует, на наш взгляд, и текст Комментария на книгу Аввакума 4:I6-5:6: "... /Яхве/, для суда Ты поставил е г о (*ḥwtw*; разрядка моя. - И.Т.); Твердыня, для наказания Ты предназначил е г о (*uḥdtw*; разрядка моя. - И.Т.) ..." (Авв. I:I2). Истолкование этого слова:... (стк. 4) в руку С в о е г о И з б р а н н и к а (*bḥrw*; разрядка моя. - И.Т.) Бог отдаст Суд над всеми чужеземными народами; а когда они

подвергнутся наказанию, будут <также> обвинены все нечестивцы Его народа (вс. иудей. – И.Т.), которые соблюдали Его заповеди <только> в бедственное для них время". В полустишии из Авв. I:12, служащем в приведенном отрывке в качестве своеобразной "леммы", объектом действия является "народ" "халдеев" – вавилонян, опустошительное нашествие которых на грешную Иудею предсказывает пророк в последней четверти III века до н.э. Однако, в своем "истолковании" данного отрывка из сочинения Аввакума автор Комментария абстрагируется от реального содержания текста пророка, а также отходит и от последовательно осуществляемой им в своем произведении установки "истолковывать" стихи пророка, в которых говорится об агрессии вавилонян, как "относящиеся" ("на самом деле") к нашествию на страну полчищ современных ему "киттиев" (под которыми в IQpNab подразумеваются, по мнению большинства исследователей, римляне). Для нашего Комментатора в вышеприведенном втором полустишии из Авв. I:12 "говорится" вовсе не о внешних врагах иудеев, а об эсхатологическом Судии. Местоименные суффиксы 3-го л. ед.ч. м.р. в словах *amtw* ("Ты поставил его") и *uadtw* ("Ты предназначил его") из комментируемой "леммы" дают основание интерпретировать слово *bḥuṭw* в IQpNab 5:4 как "Его избранник".

Образ "Избранника" Бога – Судии, с которым мы встречаемся в IQpNab 5:4–6, возник, по-видимому, под влиянием текста Ис. 42:I: "Вот Раб Мой, которого Я поддерживаю, Избранник Мой (*bḥuṭu*), к которому благоволит Моя Душа; возложу Дух Мой на него и он произведет над народами Суд (в IQIs A: "свой Суд". – И.Т.)" (ср. Мф 12:18–21, где пассаж Ис. 42:I–4 рассматривается как относящийся к Иисусу; ср. также Ис. 11:4; Мф 16:27; 25:31–46; Ин 5:22–24, 27, 30 и Ен., II, 69:27(!)). Отметим также, что "Избранник" Бога выступает в качестве эсхатологического "Судии" людей всех эпох и народов в книге Еноха, II (46:4–8; 61:8–9; 62:I–2; 63:I–12; 69:27; ср. 41:9; 49:4; 55:4; ср. также Заветания Левия 18:2 и Иуды II:I–5, 24:4–5; Ин 5:22–30(!)).

Обозначение *bḥuṭw* встречается в Комментарий на книгу Аввакума еще один раз – в IQpNab 9:9–12, где говорится о "Не/че/стивом священнике, которого за вину <перед> Учителем праведности... Бог предал в руки врагов его, дабы поразить его ударом, для уничтожения в горестях души за то, что учинил нечестие над Его Избранником (*bḥuṭw*)". Даже некоторые из тех исследователей, кто в других случаях переводят *bḥuṭw* как "Его избранники", полагают, что в данном тексте это обозначение следует рассматривать как синоним Учителя праведности и переводить – "Его избранник".¹⁹ В

пользу такого понимания приведенного отрывка свидетельствуют, как кажется, тексты IQpHab II:4-6, где сообщается о том, что "Нечестивый священник преследовал Учителя праведности, чтобы поглотить его в пылу гнева своего, в доме его изгнания..." (ср. IQpHab 5: 9-10), и 4QpPs37 4:8, где говорится, что "Нечестивый [свя]щенник ... сле[ди]л за Правед[ником] (или: "[Учител]ем правед[ности]) и искал[7], чтобы убить его..."

Проблема отождествления "Избранника" Бога кумранских текстов с Учителем праведности является предметом отдельного, обстоятельного исследования. В заключение же данной работы позволим себе в тезисной форме высказать лишь некоторые дополнительные соображения по этому вопросу. В тексте Дамасского документа 2:II-13 и с т о р и ч е с к и й лидер общины "призываемых по имени" (или: "взывающих к Имени" (qrṭy'w (h)šm; ср. Ен., II, 45:3); одно из самоназваний кумранитов; см. CD 4:4, IQSa 2:2, II, 13), эпоним движения, очевидно тождественный с Учителем праведности, назван "Истиной" (ср. Ин I4:6(!); Иер. IO:IO) и "Мессией" Бога (mšyḥw; букв. "Его Помазанник"; ср. Ен., II, 48:IO, 52:4), "через" которого "Он дал познать" общинникам "Свой Святой Дух"²⁰ (ср. Ен., II, 49:3(!); Мк I:8, IO-II; Мф 3:II, I6-I7; Лк 3:16, 22; Ин I:32-33, 7:39(!); Деян. 2:33(!), I9:2-4; ср. также 4QMeša ar, IO, где "Избранник Бога" назван "Духом Его Дыхания"). В связи с отождествлением и с т о р и ч е с к о г о Учителя с Мессией обращает на себя внимание следующее замечание Исидора Севильского (ок. 570-636 гг. н.э.), зафиксированное в его труде "Этимологии", УШ,5,5: "Ессеи говорят, что сам Христос (зд.: "Мессия", "Помазанник". - И.Т.) был тем, кто н а у ч и л их (ipsius esse Christum qui d o c u i t illos; разрядка моя. - И.Т.) всяческому воздержанию"²¹ (аналогичная фраза, относящаяся к "иудейским еретикам"-ессеям, встречается также в сочинениях: Ps.-Hieronymus, Indiculus de haeresibus I, Corp. Haeres. I, ed. Fr.Oehler, 1856, с.283 и Honorius Augustodunensis, De haeresibus libellus III, ibidem, с. 325).

Исходя из текста CD 20:13-17, можно заключить, что на определенном историческом этапе Учитель праведности стал рассматриваться общинниками в качестве истинного "Царя" Израиля (ср. Мф 25:34, 40; 27:37 etc.), "Князя" общины (ср. CD 7:18-21 и 4QTest, 9-13), "Судии" (šwrt' (!)) и "Облицающего праведностью" (ср. Мф 25:31-46(!)). Сказанное, а также факт эксплицитно выраженной в CD 6:10-II, 20:27-34 и 4QFlor I:11-13 (ср. CD 6:7,9; 7:18-19; 4QPB I:5) веры кумранитов во второе пришествие Учителя праведности "в конце дней" и то обстоятельство, что он являлся

священником (4QpP³⁷ 3:15; ср. 4QFlor I:11-13, 4QTest, 14-20, 4QT⁷³, fr. I, 3-5) служат, на наш взгляд, достаточным основанием для отождествления харизматического лидера общинников - "Единственного" Учителя *redivivus* с четырежды упоминаемым в CD (см. 12:23-13:1, 14:18-19, 19:10-11, 20:1; ср. 7:18-21) эсхатологическим "Помазанником (от) Аарона и (от) Израиля", т.е. жреческим и светским Мессией.²²

В связи с вышеизложенным, обращает на себя внимание тот факт, что автор Благодарственных Гимнов (IQH), - по мнению почти всех исследователей, Учитель праведности,²³ - неоднократно называет себя "Рабом", на которого Бог "возложил Свой Святой Дух" (см., например: IQH 7:6-7, 13:18-19, 14:25, 17:26), что, по-видимому, является аллюзией на "Песни Раба Яхве" из книги пророка Исаии.²⁴ В тексте IQH 18:14 автор данного Гимна, - "Раб" Яхве (см. 18:6, 10), - возвещает, что он является "благовестником [../] Добра" (*mb'gr [../] twb*), которого "Пома/зал" Бог "истиной" Своей (или: "в соответствии с истиной" Своей (?)), "чтобы <он> благовествовал кротким (*lb'gr 'nwum*) в соответствии с многомилосердием" Господа. (Авторство данного Гимна не вызывает сомнений, ибо его создатель называет себя в IQH 18:11 "Передачиком" ("Посредником"; *mlu*) вс. Божественного "знания", "истины", т.е. посредником между Богом и людьми (ср. IQH 6:12-13). Судя же по 4QpP³⁷ 1:19, обозначение "Передающий знание" (*mlu d't*) являлось синонимом Учителя праведности (ср. 4QpP³⁷ 1:18-2:1 и IQpHab 2:1-4, 5:9-12, 10:9-12; CD 20:11-15; 4QpP³⁷ 4:13-19). Ср. IQH 2:13, где поэт говорит, что Бог "поставил" его общинникам в качестве "Передающего знание"²⁵). В приведенном пассаже IQH 18:14 содержится явная аллюзия на текст Ис. 61:1 и, вероятно, реминисценция Ис. 52:7. Так, в Ис. 61:1 Помазанник Яхве восклицает: "Дух Господа моего, Яхве, на мне, ибо по м а з а л (разрядка моя. - И.Т.; *mh*) меня Яхве благовествовать кротким (*lb'gr 'nwum*),... провозглашать пленным свободу и (LXX:) слепым прозрение" (ср. Лк 4:18; ср. также Ис. 42: 6-7; 49:6 и CD 1:9-11(1); IQH 4:27(1); 7:24; IQsb 4:27); в тексте Ис. 52:7 о "Рабе" Яхве говорится: "Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего доброе (*mb'gr twb*), возвещающего спасение..." (ср. IQH 18:11). Судя по IQMelch 2:4, 6, 9-19, 24-25, оба приведенных текста из книги Исаии истолковывались в Кумране как относящиеся к "Мессии" - Спасителю праведных и эсхатологическому Судии, который "отмстит" нечестивцам всех "народов" "Судом Бога". Согласно Лк 4:17-21, Иисус Валилеянин экстраполировал содержание стихов Ис. 61:1-2 на себя.

Отметим также, что "благовестник" из Ис. 52:7 отождествлялся с Мессией-Царем в раввинистической литературе.²⁶

Нам представляется, что все сказанное выше является достаточно точным основанием для отождествления "Избранника" Бога кумранских текстов с Учителем праведности, некогда возглавлявшим общину, одним из самообозначений членов которой было - "избранники Бога" (bḥurū ʿl; IQrNab 10:13; 4QpPs37 4:14(?)). Параллели этому мы находим в книге Еноха, II, где "Избранник" Бога - Мессия предстает в качестве главы "праведных и святых" "избранников" Бога, а также в новозаветной литературе, где адепты Иисуса - "Избранника" Бога несколько раз названы "избранниками Бога" (ἐκλεκτοὶ θεοῦ; Римл. 8:33; Колосс. 3:12; Тит 1:1; см. также Мф 24:31; Мк 13:27; Лк 18:7).

-
- I. См., например: A. van der Woude. *Die Messianischen Vorstellungen der Gemeinde von Qumrān*. Groningen, 1957, с. 156-158; A. M. Habermann. *Megilloth Midbar Yehudah*. Tel-Aviv, 1959, с. 45, 154-155; ср. с. 47 (иврит); H. Stegemann. *Der Psēher Psalm 37 aus Höhle 4 von Qumran*. - RQ 14, 1963, с. 156; 157, прим. 124; 268; 269, прим. 196; G. Jeremias. *Der Lehrer der Gerechtigkeit*. Göttingen, 1963, с. 46; A. Dupont-Sommer. *Les écrits esséniens découverts près de la Mer Morte*. Ed. 2, Paris, 1960, с. 273, 277, 283-284; J. Strugnell. *Notes en marge du volume V des "Discoveries in the Judaean Desert of Jordan"*. - RQ 26, 1970, с. 217-218; G. Vermes. *The Dead Sea Scrolls in English*. Harmondsworth, 1984, с. 238, 240, 243, 229.
2. См., например: H. Bardtke. *Die Handschriftenfunde am Toten Meer*. Berlin, 1953, с. 127, 129 и др.; G. Widengren. *King and Covenant*. - JSS II, 1957, N I, с. 28; R. Mayer, J. Reuss. *Die Qumranfunde und die Bibel*. Regensburg, 1959, с. 144; G. Driver. *The Judaean Scrolls*. Oxford, 1965, с. 159 и др.; Д. И. Амусин. "Избранник бога" в кумранских текстах. - ВДИ, 1966, № I, с. 73-79; idem. *Тексты Кумрана*. Вып. I, М., 1971, с. 152, 156, 174, прим. 76; 258, 260-262; J. Starcky. *Les quatre étapes du messianisme à Qumrān*. - RB 70, 1963, с. 501. Ср.: S. Segert. *Zur Habakuk-Rolle aus dem Funde vom Toten Meer*. - AO VI, 1955, с. 576; O. Betz. *Donnersöhne, Menschenfischer und der Davidische Messias*. - RQ 9, 1961, с. 54; J. Carmignac. *Les Textes de Qumran*. Paris, 1963, II, с. 100-101, прим. 3; 120, прим. 4; A. Jaubert. *La notion d'Alliance dans le judaïsme aux abords de l'ère chrétienne*. Paris, 1963, с. 142; 163, прим. 173; 247; J. A. Fitzmyer. *The Aramaic "Elect of God"*

Text from Qumran Cave IV. - CBQ 27, 1965, с. 366, прим. 21.

По мнению Ж.Карминьяка (*ibidem*, с. 100-101, прим. 3) и О.Бетца (*ibidem*), под обозначением "Его избранный" в IQpHab 9:12 подразумевается весь иудейский народ. А.Жобер полагает, что слово *bē'irō* служит здесь в качестве самообозначения кумранской общины (*ibidem*). Ср.: Ис. 43:2; 45:4.

3. См. также: S.Zeitlin. *The Rise and Fall of the Judaean State*. Philadelphia, 1978, III, с. 328-329; И.Ш.Шифман. *Ветхий Завет и его мир*. М., 1987, с. 60-62.

4. См.: Starcky, *Les quatre étapes...*, с. 501-502; Амусин, *Тексты Кумрана*, с. 296. В Кумране были обнаружены многочисленные фрагменты кн. Еноха (за исключением Ен., II) на еврейском (IQ19 и IQ19 bis) и арамейском языках. См.: *The Books of Enoch. Aramaic Fragments of Qumrān Cave 4*. Ed. by J.T.Milik. Oxford, 1976.

5. См.: *The Book of Enoch*. Ed. by R.H.Charles. Oxford, 1893, с. II2.

6. Ср.: Fitzmyer, *The Aramaic "Elect of God" Text...*, с. 366.

7. W.Cureton. *Fragmenta Evangelica, quae ex antiqua recensione versionis syriacae Novi Testamenti*. Cantabrigiae, 1870-1871.

8. Ср. также: Epiphanius, *Haeres.*, 30,3; Hieronymus, *Com. in Is.* II:2; Eusebius, *Hist. Eccl.*, 3, 27.

9. Это чтение подтверждается и Амвросием Медиоланским (ок. 339-397 гг. н.э.). См. также: Fitzmyer, *The Aramaic "Elect of God" Text ...*, с. 349.

10. Данный отрывок приводится по изданию: *Qumrān Cave 4.I (4Q 158-4Q 186)*. By J.M.Allegro. Oxford, 1968, с. 45. См. также: Strugnell, *Notes en marge du volume V ...*, с. 216; Stegemann, *Der Peßer Psalm 37 ...*, с. 254. Вслед за Дж.Аллегро (*ibidem*, с. 47) и И.Д.Амусиным (*Тексты Кумрана*, с. 261; 269, прим.58) мы понимаем *ʿm* (стк. II) как предлог "с". Г.Штегеманн и Е.Дозе переводят *wʿm bḥurw* как "народ Его избранных" (ср.: Carmignac, *Les Textes...*, с. 124-125 и прим. 8). Однако, при таком прочтении данной фразы текст лишается удовлетворительного смысла. В частности, исходя из предположения названных исследователей, следует заключить, что "избранныками" Бога являются не только кумраниты (ср. 4QpPs37 2:5; 3:5; 4QpIs D I, 3), но и в е с ь иудейский народ, что противоречит самой сути в с е х кумранских текстов. Далее, подучается, что у общинников не оказывается никаких преимуществ перед остальными иудеями ни на эсхатологическом Суде, ни в Царстве Божьем, что также вступает в явное противоречие как с содержанием 4QpPs37, так и с данными других рукописей Мертвого моря. Наконец, судя по CD 1:7-8, 12-13; 2:5-12; 3:18-4:5; 19:33-20:34; 4QpPs37 1:18-2:9; 2:20; 3:3-4, 7-8, 11-13; 4:9-10, 13-19; IQpHab

2:5-10; 5:5-6; 6:10-12; 7:1-2, 15-16; 9:16-10:14 и ряду других текстов, спасутся далеко не все иудеи (если вообще спасение мыслилось общинниками возможным вне рамок кумранского-есейского движения и "веры в Учителя праведности"; ср. 1QpHab 8:1-3; 4QpNah 3:3-8; 4QpPs37 2:2-19, 2:27-3:6, 3:7-13, 4:10-12, 19-21; 4QFlor 1:19; 11QMelch 2:15-25; CD 3:18-4:5, 19:33-20:34).

Ср. 4Q385, fr. 2, 8.

- II. Ibidem, с. 254; 268-269, и прим. 194. Так же восстанавливает И.Д.Амусин (Тексты Кумрана, с. 261). Ср. восстановление А. ван дер Вуде: "... Истолкование этого относится к избранныкам Бога⁷...".
12. Так же понимает данную фразу И.Д.Амусин (Тексты Кумрана, с. 258; 262, прим. 12; ср. с. 265-266, прим. 34. Ср.: Stegemann, Der Pešer Psalm 37 ..., с. 248, 258-259; Strugnell, Notes en marge du volume V..., с. 212-213).
13. Чтение Дж.Страгнелла (ibidem, с. 212).
14. Восстановление Дж.Страгнелла (ibidem, с. 214); ср. 4QpPs37 3:1. А. ван дер Вуде и А.Хаберманн восстанавливают: h/уwгsу/m (зд.: "которые унаследуют").
15. Восстановление Г.Штегеманна (Der Pešer Psalm 37..., с. 252; 253, прим. 87).
16. Ср. восстановление Дж.Страгнелла (Notes en marge du volume V..., с. 214).
17. Например, вместо выражения "община бедных" могло быть написано любое другое из самообозначений кумранитов, встречающихся в 4QpPs37, именно: "община Его Избранника" (об этом самообозначении кумранской общины см. ниже), "раскаявшиеся в пустыне" или "исполняющие Учение" (4QpPs37 2:15,23). Ср. 4QpPs37 2:4-5: "А уповающие на Яхве, они унаследуют землю (Пс. 37:9). Истолкование этого: "они" - это община Его Избранника, исполняющие Его Волю" (см. также 2:5-9); 4QpPs37 2:26-3:2: "Знает Яхве дни непорочных и наследие их пребудет вовеки ... (Пс. 37:18)...Истолкование этого относится к⁷ раскаявшимся в пустыне, которые проживут в течении тысячи поколений во спасе⁷ни/и (byšw/*/h; конъектура Дж.Страгнелла (ibidem). - И.Т.) и им предназначено все наследие человеческое (wlhm kwl nhlt ʔdm) и потомкам их навеки".
18. Конъектура М.П.У.Скехани и Дж.Страгнелла (см.: Notes en marge

du volume V..., с. 215). См. также: W.H.Brownlee. The Midrash Peshier of Habakkuk. Missoula, 1979, с. 157; B.Z.Wacholder. The Dawn of Qumran. Cincinnati, 1983, с. 137. Ср. IQH 16:13.

Дж.Аллегро читает не /b/ḥr, а /q/ḥr (зд.: "повелел"; см.: Qumran Cave 4, с. 44).

19. См., например: Segert, Zur Habakkuk - Rolle..., с. 576; Fitzmyer, The Aramaic "Elect of God" Text..., с.366, прим. 21; Carmignac, Les Textes..., с. 120, прим. 4; К.Б.Старкова. Литературные памятники кумранской общины. - ПС 24(87), 1973, с. 45; 68, пр. 36.
20. Текст приводится по изданию: Habermann, Megilloth..., с. 78; ср. с. 190. Разбор отрывка CD 2:11-13 см. в моей статье "Учитель праведности и Нечестивые священники в кумранских Комментариях", прим. 42. - Мерз 6 (в печати). См. также: В.Б.Thiering. Redating the Teacher of Righteousness, Sydney, 1979, с. 79-80.
21. Цит. по: Antike Berichte über die Essener. Ausgewählt von A.Adam. Berlin, 1961, с. 59.
22. Ср. IQH 4:8, 23(1). Мессиянско-эсхатологические представления кумранитов с течением времени претерпевали изменения. По нашему мнению, в текстах CD, 4QaHa, 4QpPs37, IQpHab и 4QMess ar представлены соответствующие воззрения общинников одной фазы развития. В своем окончательном виде кумранская мессиянская концепция нашла, на наш взгляд, отражение в IIQMelch.
23. Библиографию вопроса см. в работах: Jeremias, Der Lehrer..., с. 168-169, прим. 5 и 6; И.Р.Тантлевский. Являлся ли Учитель праведности основателем кумранской общины? - Мерз 5, прим. 9 и 10 (в печати). См. также: Thiering, Redating..., passim.
24. Подробно об этом см. в книге Dupont-Sommer, Les écrits essentiels..., с. 371-379.
25. Подробно о данном обозначении Учителя и авторстве Гимна № 2 см. в моей статье "Являлся ли Учитель праведности основателем кумранской общины?".
- Отметим, что "Избранник" Бога в книге Еноха, II и исторический Иисус в гностических учениях и манихействе также рассматриваются в качестве передатчиков Божественного "знания".
26. См.: J.A.Fitzmyer. Further Light on Melchizedek from Qumran Cave II. - JBL 86, 1967, с. 30.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ В ЛИТОГРАФСКОЙ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ КНИЖНОЙ ПРОДУКЦИИ ИНДИИ XIX в. – ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

При первом обращении к репертуару персидских книг, выпущенных в основных книгоиздательских центрах Индии, создается впечатление, что по количеству изданий преобладали сочинения теологической тематики, на втором месте по объему находились произведения художественной литературы и затем все остальные. Именно такое мнение зафиксировано в Имперском Газеттире Индии 1901–1909 гг.¹

Но после того как автором этих строк были подготовлены тематические картотеки на основе доступных каталогов (английских собраний, иранской трехтомной библиографии и ленинградских хранилищ)², выявилась несколько иная картина, а именно, что в ряде центров – Лахоре, Дели, Лакхнау, Канпуре – почти половину сохранившейся и зафиксированной в каталогах персоязычной продукции составили книги учебного назначения.

Причина этого явления лежит на поверхности. Персидский язык не был языком живого общения, с падением Могольской династии он лишился статуса государственного языка, но по-прежнему для индийской мусульманской общины оставался языком письменной культуры, показателем образованности, а потому требовал изучения, начиная со школьной скамьи.

Следует пояснить, что понимается под изданиями учебного назначения. Прежде всего, собственно учебники: по грамматике персидского и арабского языка, персидской стилистике, риторике и просодии, руководства по составлению писем и официальных бумаг; словари: персидско-урду, персидско-пенджабские, персидские толковые и др.

В большом количестве и разнообразии представлены хрестоматии, содержавшие отрывки из оригинальных персидских произведений, художественных и исторических, разной степени сложности, переводные рассказы с европейских языков. В число учебных изданий сами индийские литографы включали перепечатки произведений персидских классиков, в этот же разряд они вносили дидактические произведения.

При сопоставлении перечней книг, литографированных в разных издательских центрах, обнаруживается целый пласт произведений, которые печатались повсеместно. В значительной части это были сочинения средневековых авторов, как правило, стихотворные.

Арабская грамматика изучалась по средневековым арабским трактатам.

татам с персидскими к ним комментариями, как, например, таким хорошо известным трудам, как "Кафийе" Ибн ал-Хаджиба (ум. 646/1248-49) и комментарий к нему "Шарх-и Кафийе" Саййид Шарифа Джурджани (ум. 816/1413-14), "Ми'ат ал-'амил" 'Абд ал-Кахира Джурджани (ум. 471/1078), с персидскими комментариями. В Индии особой популярностью пользовался комментарий Илахи Бахша к "Ми'ат ал-'амил", он наиболее часто издавался в разных городах. В Дели и Лахоре в этих целях использовался персидский компендиум по арабской грамматике, называвшийся издателями по имени автора - "Зарради".

Персидскому языку учили по букварю "Алифба-йи фарси", традиционным сборникам парадигм глаголов, как "Сафват ал-масадир" Мустафа-хана, "Джами' ал-масадир" Имам ад-Дина. В разных издательских центрах печатались учебники по персидской грамматике и синтаксису "Кава'ид-и фарси" Раушана 'Али и "Тахкик ал-каванин" Хайрана, регулярно выходили парадигмы персидских глаголов с их эквивалентами на урду "Амадан-наме".

Широко использовались для обучения языкам, а потому очень часто переиздавались, рифмованные дву- и трехязычные словари. К их числу относились очень популярные "Лутат-и Са'ид" Мухаммад-Са'ида, арабско-персидско-урду словарь, и приписываемый Амир Хусрау Дихлави "Халик бари", персидско-арабско-урду словарь. Знаменитый "Нисаб ас-сиб'ан" Фарахи (XIII в.), неотъемлемый атрибут иранской школы в XIX в., в Индии печатался сравнительно реже.

Известно, какое значение в системе традиционного мусульманского образования придавалось умению хорошо писать, изящно изложить просьбу, обращение к другому лицу. Так что жанр эпистолярной литературы - инша - изучался весьма тщательно, а сочинения этого рода печатались в большом изобилии. Известно не менее двух десятков названий сборников подобного рода. Чаще других печатались письмовники, составленные Наунидхи Раем "Дастур ас-сиб'ан" и "Дастур ал-мактубат", формуляры простейших писем и обращений, и сходное по типу руководство "Дастур ал-инша" Мухаммад-Фа'ика. Но наряду с ними многократно издавались собрания оригинальных писем и документов XVI-XVIII вв., таких, как "Инша-йи Хари-карана", письма Абу-л-Фазла 'Алхами (выходили под разными названиями), Мухаммад-Тахир Вахида. Пожалуй, наиболее часто литографировалась "Инша-йи Халифе", коллекция писем Халифе Шах Мухаммада, объединенная им в сборник в 1085/1674-75 г.: сохранились экземпляры, выпущенные в Лахоре, Канпуре, Лакхнау, Бомбее, Мирзাপуре.

Неотъемлемой частью набора школьных пособий являлись средневековые персидские поэтические трактаты, в которых доступно

излагались основные положения ислама. Привлечение этих произведений преследовало двоякую цель: руководство в вере и обучение персидскому языку. Поэма "Тухфат ан-насихин" Йусуфа Гада, написанная им для своего сына в 1351 г., в которой изложены основы фикха, "Нам-и хакк" Шараф ад-Дина Бухари, ханифитский трактат по ритуалу, "Рисале-йи Кази Кутб" Кутб ад-Дина, суннитский катехизис XIII в., "Итикад-наме" Джамии (ум. 1492), стихотворное изложение основных догматов веры – все эти произведения многократно печатались отдельными книжками в разных городах Индии.

К этому роду произведений примыкали дидактические сочинения, также входившие в курс обучения: "Панд-наме" Са'ди (в Индии оно литографировалось под названием "Карима"), "Панд-наме" 'Аттара, "Сад панд-и хазрат Лукман".

Названные сочинения составляли популярную хрестоматию, часто печатавшуюся в разных городах Индии, правда, под разными названиями. В Бомбее это была книга с названием "Пандж китаб" либо "Маджму'а-йи пандж китаб", где в следующем порядке располагались: "Карима", "Нам-и хакк", "Махмуд-наме", "Рисале-йи Кази Кутб", "Панд-наме" 'Аттара и "Сад панд-и хазрат Лукман". В Дели, Лахоре, Канпуре этот же набор произведений издавался под титулом "Пандж гандж". В обоих случаях включены не пять, а шесть произведений. Расширенным вариантом хрестоматии известных средневековых трудов было "Маджму'а-йи фарси", куда включались десять сочинений, а именно: "Амадан-наме", "Лугат-и Са'ид", "Карима", "Ма мукиман", "Махмуд-наме", "Халик бари", "Дастур ас-сибьян", "Итикад-наме", "Нам-и хакк" и "Нисаб ас-сибьян".

В большом количестве литографировались произведения персидских классиков, привлекавшиеся для изучения в школе главным образом для совершенствования в языке, поскольку число сочинений было крайне ограничено. Языковая ситуация в Индии побуждала издателей печатать эти произведения с заметками на полях и подстрочными переводами на урду либо другие языки (в Лахоре на пенджабский).

Первое место принадлежало сочинениям Са'ди. "Гулистан", "Бустан", "Карима", выборки из "Куллият" – все эти книги постоянно переиздаются литографами во всех издательских центрах. Некоторое отличие можно проследить лишь в форме издания. Так, в Бомбее "Гулистан" и "Бустан" часто выходили без комментария либо с персидским комментарием и глоссарием: бомбейская литографская продукция в значительной части шла на иранский и среднеазиатский рынок. В Лахнау и Канпуре эти произведения издавались кроме того с комментарием на урду. В Лахоре они выпускались в полном объеме и

извлечениях с подстрочными переводами и заметками на урду. "Карима" печатали со стихотворным переводом на урду, с переводом на пенджабский, зафиксировано также стихотворное переложение на синхи. Также в Лахоре опубликованы несколько обстоятельных комментариев к этим сочинениям. В их числе: две работы Мухаммад-Акрама Мутани "Шарх-и Гулистан" и "Шарх-и Карима"; "Шарх-и Бустан" Мухаммада Гулхави; грамматический анализ "Бустана" - "Халл-и таркиб-и Бустан" Али Ахмада Шамчурасави и подобный анализ "Карима" - "Халл-и таркиб-и Карима", составленный Шейхом Ахмадом б. Шамс ад-Дином.

В Дели названные сочинения Са'ди печатаются с комментариями и переводами на урду и хинди. Грамматический анализ "Панд-наме" на урду Амба Прасада носил название "Халл-и таркиб-и Карима". Персидский комментарий к "Бустану" Текчанда Бахара публиковался в Дели и Лакхнау под названием "Бахар-и Бустан". Подобных изданий было много.

В числе обязательных для изучения поэтических произведений значились также "Сикандар-наме" Низами (печаталось во всех центрах с обилием глоссов на полях и между строк), "Йусуф ва Зулайха" Джамии.

В программу обучения входили и прозаические классические произведения, авторские и анонимные: "Анвар-и Сухайли" Ваиза Кашифи, "Бахар-и даниш" Канбу и сокращения этих басен, "Чахар дарвиш-и фарси", в варианте, приписываемом Амир-и Хусрау, "Тути-наме" и др.

Каталоги сохранили большое число переизданий сочинений, о которых мы говорили. Для иллюстрации сказанного приведем некоторые цифры. Арберри зафиксировал 48 изданий "Гулистана", выпущенных в Индии с 1869 по 1906 г., это - наиболее часто переиздававшаяся книга. На втором месте - "Бустан", 42 издания. "Йусуф ва Зулайха" Джамии по каталогу Эдвардса с 1829 по 1909 г. печаталась 20 раз (в каталоге 4 бомбейских издания, 8 лакнауских, 6 канпурских и 2 лахорских). В каталоге Арберри значится 11 изданий "Анвар-и Сухайли" за годы 1870-1910; там же 12 перепечаток "Бахар-и даниш" за годы 1855-1889. В каталоге Эдвардса отмечено 15 изданий трактата по арабской грамматике "Ми'ат ал-'амил" за годы 1843-1906 (Лакхнау, Канпур, Дели, Лахор и др.).

Рекордно часто литографировались письмовники. Арберри отметил 37 перепечаток "Дастур ас-сиб'ан" Наунидхи Рая, в некоторые годы книга выпускалась по несколько раз: в 1874 г. - 7; в 1975 - 6 раз. "Инша-йи дилкуша" Нисара 'Али в каталоге Арберри повторяется 24 раза, в 1869 г. имело место 4 издания, в 1875 - 5 изданий (годы 1848-1875). Также в каталоге Арберри отмечено 17 переизда-

ний поэмы "Тухфат ан-насихин" Йусуфа Гада. Примеры могут быть увеличены. Но нужно иметь ввиду, что эти сведения не полны, они даны лишь по двум собраниям, да и сохранилось немного: как известно, учебники принадлежат к тому виду книг, которые быстрее всего гибнут по причине утилитарного их предназначения.

Вместе с тем, внимательное изучение состава учебных пособий, публиковавшихся в разных издательских центрах, обнаруживает, что совпадение их репертуара лишь частичное. В каждом культурном центре существовал свой набор школьных пособий. Известны лишь бомбейские издания таких пособий, как "Ашраф ал-каванин-и фарси" Абу-л-Фаттах, "Фава'ид-и 'Азизийе", "Ашраф ал-Шинша" и некоторых других. Ряд учебников издавался только в Дели, только в Мадрасе, только в Калькутте. Но наиболее характерно это положение для Лахора. Лахорскому издательскому центру была свойственна локальность, замкнутость. Лахорские литографские издания лишь в начале XX в. стали попадать на среднеазиатский рынок, тогда как, например, бомбейские литографы уже в начале 40-х годов XIX в. ориентировались на читателя в Иране и Средней Азии.

Остановимся несколько подробнее на учебных пособиях, по которым в пенджабских школах, Лахорском колледже и частью университете проводилось обучение персидскому языку.

В 60-е гг. неоднократно печаталась начальная грамматика персидского языка в стихах Шивы Рамы Джаухара "Джавахир ат-таркиб". К числу самых популярных и чаще всего издававшихся пособий по персидскому языку относилась серия книг с общим названием "Фарси", которую составил преподаватель Лахорского колледжа Мухаммад Хусайн, 4-я книга из этой серии в 1877 г. выдержала 28-е издание.

Эдвардс отмечает учебник с названием "Фарси-амуз", автором которого был Сохан Лал Раи, и букварь чисто персидского языка "Парси-наме" Карта Рамы.

Как можно было заметить, названные учебники подготовили индийцы, по-видимому, мусульмане, хотя некоторые авторы носят чисто индийские имена. В каталоге Арберри зафиксировано также издание начального учебника по персидскому языку "Кайде-йи фарси", автором которого был Альбер Газзет, явно европеец.

В каталогах Эдвардса и Арберри представлено большое количество школьных хрестоматий, напечатанных в лахорских литографиях и предназначенных для чтения в средней и высшей пенджабской школе. Упомянутые авторы учебников персидского языка Карта Рама, Сохан Лал Раи, Мухаммад-Хусайн были авторами также и хрестоматий: "Парси-наме", "Интихаб-и фарси-йи назм", "Фарси ки пахли Китаб".

Кроме авторских работ, в пенджабской школе использовались хрестоматии, составители которых остались неизвестными. Так, в издательстве "Викторийа пресс" в 70-е годы неоднократно выходила начальная хрестоматия "Муфид ал-мубтади", Арберри отмечает шесть изданий в годы 1872-1878. В литографии "Саркари" в 70-е годы по указанию майора Холройда печаталась хрестоматия со словарем для 7 и 8 классов пенджабской школы "Фарси забан ка насаб". В 80-х годах XIX в. и 90-х гг. выпускаются хрестоматии с типовыми названиями: "Ганджине-йи хирад", "Сармайе-йи хирад", "Пирайе-йи хирад" и др.

"Ганджине-йи хирад", составленная по указанию упомянутого Холройда (теперь лейтенант-колонеля) для 3-го класса пенджабской средней школы, содержала отрывки из исторических сочинений ("Тарих-и Фириште", "Насих ат-таварих"), классических поэтических произведений ("Шах-наме", "Сикандар-наме", "Диван" Са'ди), художественной и эпистолярной прозы ("Анвар-и Сухайли" и переписки Абу-л-Фазла). Эдвардс отмечает издание хрестоматии с этим названием, но предназначенное для высшей школы.

"Сармайе-йи хирад" также издавалось в разных вариантах: наиболее полный в 324 с. включал в себя отрывки из истории Малкольма, "Ахлак-и джалали", "Бахар-и 'аджам", из эпистолярных сборников Мирзы Галиба, Катиля; "Сикандар-наме" Низами и "Шах-наме" Фирдауси.

В 90-е годы для I-го класса средней пенджабской школы используется пособие с названием "Гулдасте-йи даниш", для 2-го класса - "Пирайе-йи хирад". Первое включало отрывки из "Гулистана" и "Бустана", второе - более сложные тексты из "Шах-наме", "Бустана" и прозаические: из исторических работ "Нигар-и даниш" и "Тузук-и Джахангири".

В каталоге Эдвардса зафиксирован ряд пособий, предназначенных для пенджабского университета.

Любопытно отметить, что для сдачи экзамена на должность мунши предназначалась выборка из сочинения Мухаммад-Таки Сипихра - "Интихаб-и Насих ат-таварих".

Заключая сказанное, отметим, что репертуар книг учебного назначения свидетельствует о его целевой предназначенности обучить персидскому языку, научить писать по-персидски, составлять деловые и частные бумаги. Учебных пособий по естественным и точным наукам каталоги не сохранили. По-прежнему сохраняются традиционные методы обучения, в основе которых лежал принцип заучивания наизусть определенного набора средневековых трудов. Вместе с тем

обзор лахорских изданий показывает, что в пенджабских школах в преподавании персидского языка используются европейские методы обучения: изучение грамматики языка, совершенствование в понимании текста с помощью хрестоматий разной сложности материала от простого к трудному, грамматический и аналитический разбор произведений классической литературы. Для быстреего усвоения текста снабжались переводами и заметками на родном языке.

-----

1. The Imperial Gazetteer of India, New Edition, Oxford, 1907, vol. IV, p. 454.
2. E. Edwards. A Catalogue of the Persian printed Books in the British Museum, L., 1922; A. J. Arberry. Catalogue of the Library of the India Office, vol. II, part VI, L., 1937; A Bibliography of Persian Printed Books (1808-1967). In three volumes, Tehran, 1973. О. П. Щеглова. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР, М., 1975. Точные ссылки на каждое издание не даны для краткости изложения; настоящий обзор основан почти полностью на каталогах английских собраний.

ХОСРОВ-МИРЗА НА КАВКАЗЕ

Данное сообщение является следующим в серии заметок о путешествии так называемого искупительного посольства Хосров-Мирзы, посланного правительством Ирана в 1829 г. с целью разрешить конфликтную ситуацию, возникшую после разгрома в конце января 1829 г. в Тегеране русской миссии и убийства полномочного министра Российской Империи Александра Сергеевича Грибоедова.

Основными источниками для сообщения послужили: дневник персидской миссии "Рузнаме-йе Сафар-е Петербург", написанный Мирзой Афшаром и изданный в Иране; статья А.П.Берже - "Персидский принц Хосров-Мирза"; седьмой том Актов Кавказской Археографической Комиссии и работа М.А.Полиевктова - "Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг.".

Персидское посольство, возглавляемое сыном наследника персидского престола Аббас-Мирзы, принцем Хосров-Мирзой, покинуло в конце апреля 1829 г. резиденцию Аббас-Мирзы город Тебриз, направляясь в столицу Российской империи с искупительной миссией. Как указывает А.П.Берже, Хосров-Мирза пересек 2-го мая (здесь и далее все даты даны по старому стилю) русско-иранскую границу, вступив на территорию Карабага, "сопровождаемый ген.майором князем Абхазовым, тогдашним начальником мусульманских провинций".¹ И.Н.Абхазов управлял Карабагской, Ширванской и Нухинской провинциями с апреля 1827 г. В то же время автор дневника путешествия посольства по России Мирза Афшар не упоминает в своем труде князя И.Н.Абхазова, а пишет, что "полковник Ренненкампф (в тексте - РАЙТКАМПФ), назначенный Паскевичем для почетного сопровождения, встретил [принца] в окрестностях Гянджи".²

Посольство, проехав через Нахичевань и Ереван, прибыло в Тифлис, как отмечено в дневнике миссии, в четверг 15 зулькада, т.е. 6-го мая 1829 г.³ А.П.Берже указывает, что "около Красного моста принц пересел в высланный навстречу экипаж, и, подъезжая к грузинской столице, был прежде других приветствован полковником Верзилиным, затем полицмейстером и, наконец, генералом Остен-Сакеном".⁴ Описывая эпизод встречи посольства русскими официальными лицами перед въездом в Тифлис, Мирза Афшар уточняет, что первыми Хосров-

Мирзу встретили на расстоянии одного фарсаха от города казаки под командованием полковника Верзилина, которого он называет Дерзилиным, а потом уже появился полицмейстер в чине майора, генерал Остен-Сакен, причем он называет его Саксом, замечая при этом, что "в армейских делах он был заместителем Паскевича", и все остальные встречающие.⁵ Барон Д.Е.Остен-Сакен с 1828 г. был исполняющий делами начальника штаба Отдельного Кавказского Корпуса, а в июле 1829 г. был назначен начальником Ахалцихского пашалыка.

В целом, прибытие иранцев в Российские пределы в дневнике Мирзы Афшара описано гораздо подробнее, чем у А.П.Берке. К моменту выезда посольства из Ирана в Тифлисе уже находились два статс-секретаря Аббас-Мирзы, подготовившие почву для дипломатической миссии Хосров-Мирзы. Первый из них - Мирза Мухаммад Салих Ширази, прибыв в Тифлис в начале февраля 1829 г., вручил 7-го февраля наместнику Кавказа графу И.Ф.Паскевичу высший орден Ирана - орден Льва и Солнца I-ой степени.⁶ Второй же - Мирза Мас'уд Ансари Гармруди главный переводчик Аббас-Мирзы и патрон автора дневника Мирзы Афшара появился в столице Грузии, как сообщает в дипломатической переписке И.Ф.Паскевич, 6-го марта с "объяснениями насчет убийства полномочного нашего министра в Тегеране".⁷

По дороге в Тифлис Мирза Мас'уд остановился в карантине около Еревана. Остановка там была вызвана свирепствовавшей в городе чумой. Здания противочумных карантин были построены русским правительством на территории Кавказа с целью предупреждения распространения болезни, чего в условиях военного времени особенно приходилось опасаться. По сообщению М.А.Полиевктова, подробное описание противочумных карантин на Кавказе оставил медик Стегеман, инспектировавший их в 1809 г.⁸ В карантине Мирзу Мас'уда посетил отец жены А.С.Грибоедова губернатор Еревана князь А.Г.Чавчавадзе, с которым, по словам автора дневника, Мирза Мас'уд имел продолжительную беседу об обстоятельствах гибели русского посла.⁹

Оба статс-секретаря Персидского двора были ловкими и опытными дипломатами и много сделали для успешного мирного разрешения конфликта между Ираном и Россией.¹⁰

По словам автора дневника, Мирза Мас'уд, не получая в течении продолжительного времени достоверных известий об отъезде посольства из Ирана, решил отправить Мирзу Афшара гонцом в Тебриз.

В то же время необходимо отметить, что пока персы прикидывали, кого послать в Петербург с искупительной миссией и стоит ли вообще это делать, русское правительство, как явствует из дипломатической переписки, было готово принять посольство еще за месяц до

описываемых событий. Так, вице-канцлер России граф К.В.Нессельроде в своих указаниях от 16 марта, направленных графу И.Ф.Паскевичу, писал: "Коль скоро кто-либо из сих особ прибудет к нам, ... то вы пришлите сюда расторопнейшего курьера ... и с ним же известите губернаторов по всему тракту о приготовлении нужного числа лошадей для посольства".¹¹

Достаточная поспешность и уступчивость, с которой Россия стремилась урегулировать мирным путем конфликт с Ираном, была вызвана не желанием воевать с Каджарами, не завершив войну с Турцией.

Итак, Мирза Афшар, повинуясь приказу патрона, выехал из Тифлиса в четверг 1-го зулькада /23 апреля, но уже на следующий день недалеко от Гянджи он встретил одного из приближенных Мирзы Салиха, который сообщил, что посольство, возглавляемое Хосров-Мирзой, пересекло русскую границу. Еще через несколько дней, т.е. в понедельник 5-го зулькада/ 27 апреля Мирза Афшар был представлен принцу Хосров-Мирзе.

Подробно доложив главе иранской миссии и амир-незаму, т.е. командующему регулярной армией Аббас-Мирзы, Мирзе Мухаммад-хану Зангане о положении дел в России, Мирза Афшар отправился обратно в Тифлис, "чтобы, - как он пишет, - Мирза Мас'уд или Мирза Салих вышли навстречу принцу для приветствия и оказания почестей".¹²

Описывая разные события по пути в Тифлис, автор дневника упоминает, что за день до их прибытия в грузинскую столицу "пришло радостное известие, что полковник Ранненкампф произведен в генералы", причем принц, поздравляя новоявленного генерала, "изволил одарить его одним из своих лучших скакунов".¹³

Говоря о самой дороге, Мирза Афшар пишет, что на переходах между Ереваном и Тифлисом казаки держали сменных лошадей, которых они сдавали в наем путникам из Ирана и России, имевшим подорожную.¹⁴

Сразу же по прибытии в Тифлис Хосров-Мирза, как пишет Мирза Афшар, отправился представиться наместнику Кавказа графу И.Ф.Паскевичу. После взаимных приветствий и чаепития "принц и граф Паскевич, сев в экипаж, отправились в резиденцию принца".¹⁵ В качестве резиденции Хосров-Мирзе были предоставлены апартаменты в доме тифлисского военного губернатора. Ни Мирза Афшар, ни другие источники, использованные для данного сообщения, не называют имени хозяина дома, но, вероятнее всего, особняк, где разместился Хосров-Мирза, принадлежал герою войны 1812 г. генерал-лейтенанту С.С.Стрекалову, занимавшему пост тифлисского военного губернатора с 1828 г. Мирза Афшар подробно описывает обстановку покоев принца, отмечая

при этом, что две комнаты и терраса дома, отделанные специально для принца, "были устланы коврами на иранский манер", в то время как в других комнатах ковров не было.¹⁶

Во время первой беседы И.Ф.Паскевич сообщил Хосров-Мирзе о победе русских войск под командованием князя В.О.Бebutова над турками под Ахалцихом, сказав при этом, как пишет Мирза Афшар, - "я очень рад тому, что это известие пришло в день вашего прибытия". На что принц ответил: - "Уповаю на милость Божию, [полагая], что этой радостной вести, полученной в день моего приезда, в Тебризе будут также рады - даже во сто крат больше".¹⁷ После этой беседы наиболее высокопоставленным спутникам Хосров-Мирзы - церемонеймейстеру Персидского двора Мухаммеду Хусейн-хану и Амир-незаму были также оказаны подобающие почести.¹⁸

На следующий день в среду 16-го зулькада/ 8 мая, как указывает автор дневника, в Тифлисе в честь победы русского оружия был произведен салют в IOI залп и до самого вечера звонили в колокола. В тот же день принцу представились высшие военные и гражданские чины города, каждому из которых Хосров-Мирза "изволил оказать подобающие почести, которые обстоятельно описаны в пятой главе".¹⁹ К сожалению, пятая глава, как в иранском издании текста, так и в списке, находящемся в Ленинграде, отсутствует.

Почти сразу после прибытия персидского посольства в Тифлис граф И.Ф.Паскевич в связи с обстановкой на русско-турецком фронте был вынужден покинуть свою резиденцию, поэтому он принял меры для скорейшей отправки персов в Петербург и, возложив на генерала С.С. Стрекалова "обязанности по оказанию гостеприимства", в четверг 24 зулькада/16 мая попрощавшись с Хосров-Мирзой, отбыл в поход.²⁰

До своего отъезда граф неоднократно встречался с принцем, приглашая его на балы, званые обеды и просто прогулки, кроме того он, как указывается в дневнике, "каждые несколько дней посылал своего сына к принцу для услуг". Хосров-Мирза, отвечая на это внимание, "послал графу в подарок коня, его сыну книгу, а графине резайинскую шаль".²¹ В то же время, описание подношений принца у А.П.Берже несколько отличается от Мирзы Афшара, так он пишет, что "перед отъездом Хосров-Мирза сделал прощальный визит графине Паскевич, причем поднес ей две прекрасные шали, а сыну ее полное собрание сочинений персидского поэта Саади".²² Кроме графа и его семьи принц также одарил конями генералов С.С.Стрекалова и Н.Н. Раевского.

Из развлечений, оставивших наибольшее впечатление у персов, нашедших подробное описание в дневнике миссии, явился бал, дан-

ный С.С.Стрекаловым в честь Хосров-Мирзы,²³ причем А.П.Берже уточняет, что бал состоялся 19 мая.²⁴ Во время бала был устроен великолепный фейерверк, особенно поразивший персов. В дневнике Мирзы Афшара написано, что "в разноцветном пламени горящей серы появлялись контуры зданий и минаретов, а в самом центре - герб России - двуглавый орел". Остальные части фейерверка не произвели такого же впечатления, так как были подобны устраиваемым в Иране.²⁵

Пребывание свое в Тифлисе персы также использовали для осмотра достопримечательностей грузинской столицы. Они посетили шелкомотальную мануфактуру, построенную, по словам Мирзы Афшара, одним французом, причем автор дневника дает достаточно подробное описание мануфактуры и процесса производства шелковой нити.²⁶ Из других источников известно, что мануфактура принадлежала иностранцам Кастелла и Дидло, она упомянута немецким натуралистом Иегером, путешествовавшим по Кавказу в 1825 г.²⁷

Из других мест, которые посетили Хосров-Мирза и его свита в Тифлисе, следует назвать осмотр арсенала, о котором Мирза Афшар сообщает, что там находятся старые и новые ружья, сабли и пистолеты, пушечные ядра, пушки и другая военная амуниция, причем названо количество ружей: новых - 12 тысяч, старых - 30 тысяч. Персы осмотрели гражданскую и военную канцелярии Кавказа и ознакомились с работой писарей и картографов. Побывали они и в городской гимназии, где, как сообщает Мирза Афшар, как мусульманские, так и грузинские дети изучают иностранные языки, рисование и другие науки, "они делятся на четыре группы в зависимости от дарований". Принца приветствовали лучшие ученики на персидском и турецком языках, выразив благодарность за посещение.²⁸ Описанная Мирзой Афшаром гимназия, вероятно, та, о которой в предисловии к 7-му тому Актом Кавказской Археографической Комиссии сказано: - "...тифлисское благородное училище преобразовано в гимназию, сделавшуюся рассадником будущих полезных деятелей на поприще государственного служения...".²⁹ Кроме того А.П.Берже упоминает, что принц "21-го числа с особенным удовольствием присутствовал на разводе наличных в городе войск".³⁰

Персидское посольство покинуло Тифлис в четверг 2-го зуль-хиджа/ 23 мая, направляясь во Владикавказ по Военно-грузинской дороге.

Описание Тифлиса и пребывания там посольства Хосров-Мирзы занимает в дневнике Мирзы Афшара значительное место, большее внимание уделено только описаниям Москвы и Петербурга. Грузинская столица описана так подробно, вероятно, потому что это был первый

крупный центр Российской империи, лежавший на пути следования посольства. Кроме того город являлся резиденцией наместника Кавказа и к тому времени, по мнению автора дневника, был уже достаточно европеизирован, отличаясь тем самым от привычных персам городов Востока. В то же время, с точки зрения русского, прибывшего на Кавказ из центральной России, Тифлис представлялся типичным восточным городом. Так, начавший службу на Кавказе в 1829 г. русский офицер В.А.Дзюбенко оставил в своих воспоминаниях следующее описание Тифлиса: "Неприветлив и неотраден показался нам Тифлис как по своей азиатской физиономии, так и по внутреннему его расположению. Здесь было все: и ловкие мошенники, и дерзкие вору, и отчаянные головорезы, и несметное количество духанов, или, вернее сказать, всяких непозволительных притонов, недоставало только самого главного, именно - чистого воздуха, необходимой опрятности; никаких гигиенических условий для того, чтобы пользоваться самыми главными удобствами жизни".³¹ Интересно также и описание города оставленное А.С.Пушкиным в его "Путешествии в Арзрум", приехавшим в Тифлис буквально через несколько дней после отъезда оттуда персов и встретившим их по дороге у подножья Казбека, и даже имевшим непродолжительную беседу с придворным поэтом Фазиль-ханом, сопровождавшим Хосров-Мирзу. Русский поэт писал: "Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образовываться правильные площади".³²

Путешествие Хосров-Мирзы и его свиты от Тифлиса до Владикавказа продолжалось шесть дней и не обошлось без приключений, о которых будет сказано ниже. От Тифлиса их сопровождал, как пишет М.Г. Розанов, П.Я.Ренненкампф "с тремя переводчиками, несколькими фельдъегерями и прислугой".³³ А.П.Берже, уточняя эти сведения, пишет, что "кроме генерал-майора барона Ренненкампфа, со стороны нашего правительства при посольстве находились: переводчик Шаумбург, поручик Визиров, подпоручик Кашпаров, два фельдъегеря, два казака и пять человек прислуги".³⁴ Необходимо отметить, что если до Тифлиса Мирза Афшар расстояния между переходами указывал в фарсах, то после выезда посольства из Тифлиса все расстояния даны в верстах.

В пятницу 3-го зульхиджа/ 25 мая иранцы остановились в селении Душет, где, как пишет Мирза Афшар, на него были возложены обязанности квартирмейстера.³⁵ На следующий день посольство остановилось на ночлег в противочумном карантине около селения Ананур. Говоря об этой остановке, автор дневника пишет, что для принца и его

свиты было определено прохождение через три карантина после выезда из Тифлиса, но после беседы Амир-незама с графом И.Ф.Паскевичем, прохождение этих обязательных карантин, было отменено.³⁶

Миновав селение Ананур, персы увидели, работавших под конвоем 50-60 турок, взятых в плен при Ахалцихе. "Его высочество принц, как указывает Мирза Афшар, изволив выразить им милосердие, пожаловал деньги".³⁷ Дорога до Ларса была не безопасна. По полученному посольством сообщению в шести верстах от Ларса собралась шайка горцев, нападавшая на проезжающих. Поэтому как пишет автор дневника, иранцев, "из предосторожности против различных племен горцев Кавказа", сопровождало 50 конных казаков, 70 солдат, одна пушка и несколько офицеров, среди которых был полковник Огарев, отвечавший за состояние дороги от Тифлиса до Владикавказа, при этом Мирза Афшар указывает, что на поддержание должного состояния данного тракта, государство выделяло значительные средства.³⁸

Как оказалось, усиленное воинское сопровождение посольства было излишним, так как в указанном месте горцы, устроив засаду, напали на движущийся кортеж. В завязавшейся перестрелке был ранен в плечо "искусный наездник Хуссейн", раной которого занялся "высокостепенный лейб-медик Мирза Баба" во время остановки в Ларсе. При этом Мирза Афшар, сообщая, что горцы нападают на путников с целью захвата пленных, которых они потом продают, приводит случай с неким пленным майором, которого отпустили за выкуп "в 5 тысяч монет".³⁹ В целом отображение стычки с горцами у Мирзы Афшара весьма драматично и овеяно героизмом участников, что значительно отличает его от описания этого же эпизода у А.П.Берге, который пишет, что "между Дарьялом и Ларсом, на дорогу выехала партия не мирных горцев, и можно себе представить страх, обуявший персиян. Они до того потерялись, что едва не разбежались во все стороны, если бы только осуществить такое намерение им не помешали местность и собственные их же выюки, которыми была занята вся дорога".⁴⁰

В среду 8 зульхиджа/ 30 мая Хосров-Мирза и его свита, соблюдая предосторожности против горцев, тронулись в путь из Ларса. В пяти верстах от Владикавказа (Орджоникидзе) иранское посольство приветствовал тамошний губернатор генерал-майор Кавардасов. При въезде в город, как указывает Мирза Афшар, более 200 солдат, построенные в соответствии с уставом в шеренгу вдоль улицы, оказали прибывшим персам, воинские почести под звуки военного оркестра. На следующий день, который, как уточняет автор дневника, был днем Арафы, приветствовать Хосров-Мирзу пришли два предводителя

племен мирных горцев, которых принц обласкав, спросил об их жизни и положении. Они ответили, что раньше до того как они попали "под сень защиты русского императора" их постоянно притесняли как племена чеченцев и черкесов, так и русские войска, теперь же ситуация в корне изменилась, они живут в мире, а при необходимости русское государство предоставляет им войска и пушки. Оба горца показали Хосров-Мирзе, полученные от русского государя золотые знаки, свисавшие с рукоятей сабель. В тот же день вечером принц наблюдал вечерний развод солдат.

В пятницу 10 зульхиджа/ 1 июня т.е. в праздник Жертвоприношения посольство оставалось во Владикавказе, решив, по мере возможности, исполнить необходимые в этот день обряды. Но, как замечает Мирза Афшар, во всем городе не нашлось барана без пороков, так что "тамошний правитель послал человека" к горцам, и, хотя те и пригнали более ста баранов, но среди них также не нашлось подходящего животного.⁴¹ Описывая так подробно этот эпизод, автор дневника, вероятно, хотел показать, что мирные горцы, попав под влияние иноверцев, стали плохими мусульманами, так как у них даже не нашлось достойного барана для ритуала.

11 зульхиджа/ 2 июня часть свиты Хосров-Мирзы была отправлена из Владикавказа обратно в Тифлис. С ними принц отправил письмо генералу П.П.Стрекалову, где еще раз поблагодарил за оказанное гостеприимство в Тифлисе и попросил оказать внимание возвращающейся части свиты и помочь им добраться до границы. Кроме того, Мирза Афшар особо отметил в дневнике, что Хосров-Мирза, написав любезное письмо, отправил генералу А.Г.Чавчавадзе одного из своих отборных скакунов в сопровождении главного конюшего Али Мухаммад-бека.⁴² Отъезд части посольской свиты, как пишет А.П.Берже, "особенно было приятно генералу Ренненкампу, так как избавляло его от лишних хлопот и забот, неизбежных при такой многочисленной свите, особенно из персиян, вечно недовольных и безмерно настойчивых в своих требованиях".⁴³

В воскресенье 12 зульхиджа/ 3 июня утром персидское посольство выехало из Владикавказа, как отмечено в дневнике, на 11 экипажах и 15 грузовых повозках, причем знатные путешественники разместились по двое в экипаже, а остальная свита по трое, либо по четверо.⁴⁴ Всего персов, отправившихся из Владикавказа далее до Петербурга кроме Хосров-Мирзы, как указывает А.П.Берже, было 41 человек.⁴⁵ От Владикавказа посольство, по сообщению Мирзы Афшара, сопровождало 70 всадников и 50 солдат. Первый привал персам был сделан в Ардонской станице, из которой выехали на другой день,

направляясь в Урухский редут, сопровождаемые 50 всадниками и 50 пехотинцами при одном орудии.⁴⁶ Эти сведения несколько отличаются от того, что писал А.П.Берже, указывая, что посольство двигалось на 12 экипажах и 20 повозках, и что по дороге к Урухскому редуту их сопровождало 40 пехотинцев и 60 казаков при 2 орудиях, а позже к ним присоединилось еще 40 казаков при одном орудии.⁴⁷

Не доезжая Редута Хосров-Мирзу встретили офицеры крепости во главе с майором в сопровождении черкесских вельмож, повинующихся русскому правительству. Мирза Афшар отмечает, что большинство их было мусульманами, причем некоторые были "хаджи", а язык их был близок к чагатайскому.⁴⁸ По А.П.Берже, это были 300 кабардинцев во главе с полковником Кучук-Джанхотовым.⁴⁹

Покинув Урухский редут 14 зульхиджа/ 5 июня, посольство направилось к станице Екатериноградской, основанной, как указывает Мирза Афшар, матерью императора Павла около 40 лет назад и названной ее именем.⁵⁰ Данное сообщение Мирзы Афшара не совсем точно, так как первоначально в 1777 г. Г.А.Потемкиным была заложена крепость, ставшая с 1786 г. губернским городом, но в связи с упразднением в 1822 г. крепости, город снова обратился в станицу. В Екатериноградской Хосров-Мирзу и его спутников ждал торжественный прием. На центральной площади "200 солдат, взяв брусья на караул, забив в барабаны и затрубив в трубы, оказали воинские почести".⁵¹ 16 зульхиджа/ 7 июня персы покинули станицу, но уже "без пушек, всадников и пехоты", так как дорога до Георгиевска - места следующей остановки, была безопасна. Георгиевская крепость, основанная в 1777 г., стала с 1802 г. губернским городом. Мирза Афшар в своем дневнике называет город Егорьевском, вероятно, название было им записано на слух с просторечья.

После прибытия в Георгиевск генерал П.Я.Ренненкампф предложил принцу "тронуться в путь на следующий вечер, чтобы не страдать от солнечной жары и пыли" и кроме того отдохнуть после предыдущего большого и трудного перехода, но другие офицеры и знать города не согласились с этим предложением, опасаясь горцев.⁵²

17 зульхиджа/ 8 июня Хосров-Мирза отправился из Георгиевска на горячие источники, вероятно, судя по описанию Мирзы Афшара, это Пятигорск.⁵³ Об этом же пишет и А.П.Берже, указывая, что "не доезжая Георгиевска, Хосров-Мирза свернул на Пятигорск. Здесь его встретил начальник Кавказской линии генерал от-кавалерии Эмануэль, принявший принца с подобающею его званию почестью в гостиннице, где для него были отведены лучшие комнаты".⁵⁴ Г.А.Эмануэль являлся командующим войсками на Кавказской линии с 1826 г.

Отклонение посольства от маршрута было запланировано еще в Екатериноградской, когда между принцем и бароном П.Я.Ренненкампом было решено, что с Хосров-Мирзой на источники отправится мир-незам с небольшой свитой, а остальные останутся в Георгиевске. Однако при отъезде на горячие источники выяснилось, что там находится, как пишет Мирза Афшар, "некий генерал-аншеф и много русских офицеров и знати, которые решили устроить бал в честь прибытия Его Высочества принца".⁵⁵ Узнав об этом, Мирза Ма'суд, Мирза Салих, Мирза Баба - лейб-медик, а также некоторые другие лица из свиты принца, всего 20 человек, присоединились к Хосров-Мирзе. Из русских принца сопровождали, как указывает Мирза Афшар, П.Я.Ренненкампф и еще 2-3 офицера, одним из них был полковник Лавров, а другим был некий подполковник, разжалованный в солдаты за "участие в преступном столичном обществе, которое подняло мятеж и смуту во время восшествия на престол императора Николая", теперь же он дослужился до первого офицерского звания - прапорщика.⁵⁶ В этой оценке Мирзой Афшаром декабрьского восстания на Сенатской площади как смуты хорошо видна авторская позиция по отношению к выступлению против существующего режима.

На горячих источниках, расположенных в 40 верстах от Георгиевска, Хосров-Мирза провел несколько дней. В то же время оставшиеся в городе иранцы находились под опекой сначала переводчика Шамбурга, а потом поручика Исмаила Вазирова. 21 зульхиджа/12 июня Мирза Афшар отметил в дневнике, что через Георгиевск прошло в направлении Тифлиса около двух тысяч конных казаков, следовавших на войну с Турцией, кроме того, в тот же день через город проследовало около 300 повозок, груженных лекарствами и медицинскими инструментами, причем Мирза Афшар, ссылаясь на то, что ему сказали русские, указывает, что лекарства весили три тысячи пудов, точная при этом, что "каждый пуд равен пяти табризским манам". Приблизительно в это же время в город вошло еще 100 солдат с двумя офицерами.⁵⁷

Что же касается пребывания Хосров-Мирзы и части его свиты на горячих источниках, то автор дневника описал все события со слов одного из спутников принца. При подъезде к курорту персов приветствовал начальник Кавказской линии генерал Г.А.Эмануэль. Город персам понравился. Мирза Афшар сообщает, что перед домом, в котором остановился Хосров-Мирза, был бульвар, тянувшийся через весь город, обсаженный тенистыми деревьями, между которыми были высажены цветы. Центр его был посыпан мелким песком, а по обеим сторонам его была установлена деревянная ограда, выкрашенная в зеле-

ный цвет. Вдоль бульвара тянулись красивые здания. Вечером по нему гуляли жители и играл оркестр. Город был расположен посреди обширной долины, а в окрестных горах имелось много горячих источников. На источниках построены две большие бани. Одна из них расположенная на горе, выстроена по указанию А.П.Ермолова и носит его имя. В банях можно было принимать лечебные процедуры. В целом описание бань, источников и пользование ими носит у Мирзы Афшара весьма путанный характер, что с очевидностью подтверждает использование автором чужой информации. Интересно отметить, что автор дневника указывает, что на водах, несмотря на войну с Турцией и нападений горцев, находилось более трех тысяч человек, хотя "их было меньше, чем каждый год".⁵⁸

Касаясь развития города, Мирза Афшар, ссылаясь на Мирзу Салиха, который за семь лет до описываемых событий в течении трех дней был в этих местах на пути в Англию, пишет, что "он ничего, кроме одной бани и нескольких домов, здесь не видел. Теперь же город разросся, появились хорошие улицы и дома". Здесь же Мирза Афшар приводит размеры арендной платы за дом, которая составляла 40-50 туманов в месяц; дневная плата за квартиру амир-незама - 100 риалов, Мирзы Мас'уда и Мирзы Салиха - 75 риалов.⁵⁹

По словам автора дневника, Хосров-Мирза посетил железистые и кислотные источники, расположенные в нескольких фарсах от города, приняв там лечебные ванны. Побывал он и на горячих водах, находящихся на высокой горе к северо-востоку от города. Генерал Г.А.Эмануэль, как указано в дневнике, в память об этом событии "установил там каменную стеллу, на которой высекли имя принца и дату его прибытия".⁶⁰ А.П.Берже писал о пребывании Хосров-Мирзы в Пятигорске, что "желая осмотреть все заслуживающее внимания, Хосров-Мирза всходил даже на вершину Машука, где впоследствии, по распоряжению генерала Эмануэля, был построен архитектором Бернадаци монумент с следующей на нем собственноручною надписью принца:

Добрая слава, оставляемая после себя, лучше золотых палат.

Любезный брат! Мир здешний не останется ни для кого,

Привяжись сердцем к Создателю

И не полагайся на блага мирские,

Ибо многих, подобных тебе, Он сотворил и уничтожил.

Хосров-Мирза, 1244/1829 г."

Далее А.П.Берже замечает, что "ныне не осталось и следов памятника".⁶¹

24 зульхиджа/ 15 июня Хосров-Мирза, покинув горячие источни-

ки, вернулся в Георгиевск, а 25 зульхиджа/ 16 июня выехал оттуда, сделав следующую остановку в селении Александровском, которое по наблюдению Мирзы Афшара имело более 600 крестьянских дворов, причем крестьяне большей частью были ногайцы.⁶²

За несколько часов до прибытия персов в селение, туда вошло две тысячи солдат под командованием "соответствующего количества офицеров", направлявшихся на войну с Турцией, причем автор дневника особо отметил то, что "большинство солдат были новобранцы, а офицеры были заслуженные и имели награды". Далее он замечает, что по предложению П.Я.Ренненкампа, принц Амир-незам и Мирза-Мас'уд с интересом наблюдали обучение солдат.⁶³ По-видимому, генерал сделал персам это предложение не случайно, он, вероятно, хотел на примере обычной солдатской тренировки продемонстрировать высшим иранским сановникам высокое боевое мастерство русской армии.

В воскресенье 26 зульхиджа/ 17 июня искупительное посольство Хосров-Мирзы прибыло в следующий после Тифлиса крупный административный центр Российской империи - город Ставрополь, являвшийся в то время резиденцией начальника Кавказской линии.

-
1. А.П.Берже. Хосров-Мирза, персидский принц. - Русская старина, 1879, т. 25, с. 335.
  2. Мирза Афшар. Рузнаме-йе сафар-е Петербург, Список опубликован в сб. Нашрийе-йе вазарат-е харидже. Тегеран, шахривар 1345/ 1966, с. 191.
  3. Мирза Афшар, ук.соч., с. 191.
  4. А.П.Берже, ук.соч., с. 335.
  5. Мирза Афшар, ук.соч., с. 191.
  6. АКАК. т. 7, с. 670, № 647, 649.
  7. АКАК. т. 7, с. 677, № 659; с. 679, № 661.
  8. М.А.Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг. Тифлис, 1946, с. 142.
  9. Мирза Афшар, ук.соч., с. 188.
  10. Ю.Д.Балаценко. К вопросу о составе искупительного посольства Хосров-Мирзы в 1829 г. в Россию. - ПП и ПЛКНВ, XX/I. М., 1986, с. 102-109.
  11. АКАК. т. 7, с. 684, № 665.
  12. Мирза Афшар, ук.соч., с. 191.
  13. Мирза Афшар, ук.соч., с. 191.
  14. Мирза Афшар, ук.соч., с. 188.
  15. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
  16. Мирза Афшар, ук.соч., с. 191.

17. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
18. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
19. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
20. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
21. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
22. А.П.Берже, ук.соч., с. 336.
23. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
24. А.П.Берже, ук.соч., с. 336.
25. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
26. Мирза Афшар, ук.соч., с. 192.
27. М.А.Полевктов, ук.соч., с. 102.
28. Мирза Афшар, ук.соч., с. 193.
29. АКАК. т. 7, с. П. предисловие.
30. А.П.Берже, ук.соч., с. 336.
31. Воспоминания В.А.Дзюбенко. (Полувековая служба за Кавказом 1829-1876). - Русская старина, 1879, т. 25, с. 641.
32. А.С.Пушкин. Собрание сочинений, т. 4, с. 400-405. М.-Л., 1936.
33. М.Г.Розанов. Персидское посольство в России в 1829 г. (по бумагам графа П.П.Сухтелена). - Русский архив, 1889, кн. I, с. 212.
34. А.П.Берже, ук.соч., с. 337.
35. Мирза Афшар, ук.соч., с. 194.
36. Мирза Афшар, ук.соч., с. 194.
37. Мирза Афшар, ук.соч., с. 195.
38. Мирза Афшар, ук.соч., с. 195.
39. Мирза Афшар, ук.соч., с. 195.
40. А.П.Берже, ук.соч., с. 337.
41. Мирза Афшар, ук.соч., с. 196.
42. Мирза Афшар, ук.соч., сс. 196-197.
43. А.П.Берже, ук.соч., сс. 337-338.
44. Мирза Афшар, ук.соч., с. 197.
45. А.П.Берже, ук.соч., с. 336-337.
46. Мирза Афшар, ук.соч., с. 197.
47. А.П.Берже, ук.соч., с. 338.
48. Мирза Афшар, ук.соч., с. 197.
49. А.П.Берже, ук.соч., с. 338.
50. Мирза Афшар, ук.соч., с. 197.
51. Мирза Афшар, ук.соч., с. 198.
52. Мирза Афшар, ук.соч., с. 198.
53. Мирза Афшар, ук.соч., с. 198.

54. А.П.Берже, ук.соч., с. 338.
55. Мирза Афшар, ук.соч., с. 198.
56. Мирза Афшар, ук.соч., с. 198.
57. Мирза Афшар, ук.соч., с. 199.
58. Мирза Афшар, ук.соч., сс. 199-200.
59. Мирза Афшар, ук.соч., с. 200.
60. Мирза Афшар, ук.соч., сс. 200-201.
61. А.П.Берже, ук.соч., с. 338-339.
62. Мирза Афшар, ук.соч., с. 201.
63. Мирза Афшар, ук.соч., с. 201.

Т.О.Бейшеналиев

КАЗАХСКО-КИРГИЗСКИЙ ХАН ХАКК-НАЗАР И МОНГОЛИЯ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XVI в.

Среди исследователей средневековой истории Киргизии утвердилось мнение, что политическая обстановка в Средней Азии и Казахстане во 2-й половине XVI в. определялась в основном взаимоотношениями Казахского ханства, киргизов, Шейбанидов и Моголистана. Новые данные китайских источников позволяют внести некоторые дополнения в общую картину взаимоотношений в данном регионе Центральной Азии. Как известно, после смерти Мухаммед-киргиза наблюдается образование политического союза киргизов с правителями Казахского ханства. В мусульманских источниках правитель Казахского ханства Хакк-Назар даже именуется "государем казахским и киргизским".¹ Политическое объединение казахов и киргизов способствовало их успешной борьбе против Шейбанидов и моголистанских правителей, стремившихся захватить кочевья киргизов в районе оз.Иссык-Куль и Семиречья. По сообщению "Циньдин мэngu ваньлюэ" в 1572-1573 гг. происходили крупные военные столкновения между монгольскими правителями и неким Акэсар-ханом, правителем Токмака. На основе изучения различных источников и консультаций со специалистами, нам удалось определить, что Акэсар-хан является искаженной китайской транскрипцией имени казахско-киргизского правителя Хакк-Назара. Еще П.И.Рычков ссылаясь на турецкое сочинение, впоследствии утерянное им, писал: "Сей Акназар ученившись ханом великое усилование пришел и владел не только одними теми ногайцами и Башкириею, но сверх того Казанское, Сибирское и Астраханское царство, Бухарию, Хиву, Ташкент и другие многие города под власть свою покорил и дань с них собирал... Главное действующее лицо Акназар - без

сомнения никто иной, как Хакк-Назар, хан - казак-киргизский".² Следует отметить, что хотя могущество казахского хана Хакк-Назара Рычковым П.И. несколько преувеличено, во всяком случае это свидетельство подтверждает сообщение других письменных источников, что со 2-й половины XVI в. политическое объединение казахов и киргизов представляло собой серьезную противоборствующую силу на пути ойрат-монгольских правителей упорно стремившихся к среднеазиатским рынкам. К этой традиционной проблеме прибавилось новое - пастбищная теснота, вызванная ростом численности скота и дроблением уделов монголо-ойратских правителей. В 1557-1558 гг. английский путешественник Дженкинон А. сообщал об ожесточенной борьбе казахов и ойратов. Кроме того, он отмечал, что казахи также воевали с Ташкентом, а киргизы с Кашгаром. "Эти два народа обладают большой силой и почти подчинили себе вышеупомянутые города".³ К этому времени резко обострилась политическая обстановка в Монголии. Стремление ойратов обосноваться в районах близлежащих к Китаю, удобных для взаимной торговли вызывало сопротивление монгольских правителей, что в конечном итоге привело к конфликту с ойратами. В 1562 г. правнук Даян-хана Хутухтай-Сэцен-хунтайджи произвел набег на торгоутские кочевья и вынудил их бежать до берегов Иртыша.⁴ Последующие события показывают образование альянса Хутухтай-Сэцен-хунтайджи и его двоюродного брата правителя Ордоса Буян-Батур-хунтайджи, направленную не только против ойратов, но и против казахов, киргизов. Согласно сообщению "Циньдин мэngu ваньлюэ" два брата Сэцен-хунтайджи, Буян-дала-Гулацзи-Батур и Саин-Далацин-Батур в 1572 г. во главе армии выступили в Токмак (Чуйская долина в Северной Киргизии) и в местности Шила-шулэн (река Сырдарья)⁵ разбили объединенное казахско-киргизское войско Акэсар-хана. Монголы захватили много пленных и добычи. Жена Акэсар-хана Цюгэн-фуцзин попала в руки Цин-Батура, который взял ее себе в жены. Аксар-хан быстро собрал 100 тыс. армию и настиг войско монголов обремененное обозом в местности Ничутунь-Хэсалакэ. Монгольское войско возглавляемое Цин-Батором, Бурсай-Дайцином и старшим сыном Чэчэн-хунтайджи, Олачжэ-Иладуцзи выдержала первый натиск противника и даже на некоторое время перехватила инициативу, им удалось прорвать правое крыло армии Акэсар-хана. Гулацзи-Батур, один из предводителей монгольской армии, атаковал в центральном направлении. Он ворвался в ряды противника, однако под ним был убит конь. В конце концов раненный в колено, он пал под копытами коней своих воинов. Цин-Батура, пытавшегося спасти его, постигла та же участь. Обезглавленное монгольское войско потерпело полное поражение. Акэсар-хан освободил свою жену и вернул захваченных пленных и скот. Узнав о смерти своих братьев, Чэчэн-

хунтайджи на следующий год выступил в карательный поход в Токмак. В местности Хэсалакэ (Сокулук) он встретился с армией Акэсар-хана. Хотя предводители токмакского войска испускали молнии из бород и бровей, а копыта их коней высекали огненные искры, тем не менее, как повествует сочинение "Циньдин мэngu ваньлюэ" Чэчэнь-хунтайджи удалось одолеть армию казахов и киргизов под предводительством Акэсар-хана. В результате этой победы он вернул обратно доспехи убитого брата Цин-Батура и захватил трех султанов, сыновей Акэсар-хана, взятых в качестве заложников.⁶ В 1574 г. Ордоский Буян-Батур-хунтайджи с младшими братьями отправился в поход на ойратов. Чэчэнь-хунтайджи возвращавшийся с похода на Токмак оставил обоз с добычей в Баркуле и поспешил присоединиться к ним. В этой экспедиции Буян-Батур-хунтайджи нанес поражение ойратам у горы Харгай и подчинил 8 тыс. хойтов и туматов, управлявшихся Есэлабэ-шивэй. Чэчэнь-хунтайджи разбил войско двух предводителей батutow Гэмусу и Думэту у горы Цзидамахань, а его сын Олачжэ-Иладуцзи захватил 4-ре отока чоросов.⁷ Теснимые со всех сторон ойраты находились в критическом положении. Выход из кризиса был лишь один - в консолидации всех разрозненных ойратских уделов в единое государство с сильной центральной властью. Фактически в конце XVI в. образовалась два сильных политических союза противостоящих друг другу и боровшихся за господство в этом регионе. С одной стороны выступало политическое объединение казахов и киргизов под предводительством Хакк-Назар-хана, а с другой стороны восточно-монгольские и ордоские правители. Именно эти две группировки определяли политическую ситуацию в Средней Азии и Казахстане в конце XVI в. Во второй половине XVI в. часть ойратских племен попала в зависимость от Казахского ханства, другая большая часть была подчинена Цзасахту-ханами. Поражение халхасцев от ойратов в 1587 г.⁸ явилось коренным переломом в политической обстановке в Центральной Азии, началом усиления и в конечном итоге создало благоприятные условия для образования Джунгарского ханства, что сразу же отразилось на их взаимоотношениях с казахами и киргизами.

---

1. История Киргизии т. I. Фрунзе, 1984, с. 446.

2. А.П.Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. ч. I, Оренбург, 1924, с. 138.

3. Early voyages and travels to Russia and Persia by Antony Genkinson and other Englishmen. Ed. by E.Delmar Morgan and C.A.Coot, V. I, London, 1886, pp. 90-91.

4. И.Я.Златкин. История Джунгарского ханства, М., 1983, с. 67.
5. Сиюй диминь. с. 65.
6. Цинь дин мэngu ваньлюэ. цз. 6, с. 124-125.
7. Там же, цз. 6, с. 126.
8. Е.И.Кычанов. Повествование об ойратском Галдане и Бошокту-хане. Новосибирск, 1980, с. 45.

Е.И.Васильева

ВЕРСИИ "ИНОРОДНОГО" ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗНАТНЫХ КУРДСКИХ ФАМИЛИЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Целый ряд знатных курдских фамилий, занимавших видное место в политической и социальной жизни Курдистана, претендовал на "иностранное" и даже на иноэтническое происхождение. Примеров тому можно привести много, достаточно обратиться к тексту "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси и другим историческим источникам. Княжеский дом Бани Арделан, правители Бидлиса и Сасуна возводили свои генеалогии к Сасанидам, правители Хаккари – к Аббасидским халифам. На происхождение от них же претендовали бахдинанские эмиры и правители Чамиш-гезека. Правители Джезире корнями своего родословного древа упирались в имя прославленного арабского полководца, любимца пророка Мухаммада, Халида ибн Валида. Правители Сорана претендовали на происхождение от знатного арабского семейства.¹ Перечень примеров можно было бы продолжить,² но мы ограничимся наиболее популярными вариантами.

Указанные генеалогические претензии различными авторами воспринимались по-разному. Курдский историк Абдаллах Мардух, например, объясняет бытовавшее в семействе Бани Арделан предание о происхождении княжеского дома от династии Сасанидов стремлением повысить престиж фамилии,³ и желание окружить семейное имя отражением царственного ореола, на наш взгляд, здесь присутствует несомненно. Однако, когда отдельные авторы начинают в претензиях на "иностранное" происхождение усматривать информацию к своим раздумьям об этногенезе курдов и строят на этом материале версии и заключения о происхождении народа,⁴ такие теоретические построения вызывают возражение. Корни отмеченного явления, как представляется, лежат не в этнической, а в социально-классовой и социально-политической сферах.

Ретроспективные генеалогические построения, якобы доказывающие иноэтническое происхождение курдских знатных фамилий, представ-

ляются ни чем иным, как идеологическим оформлением замкнутости, присущей высшему слою курдского нобилитета, его полной отчужденности от остальной части общества. И назначение такого идеологического барьера — сделать отделяющий высшее сословие социальный рубеж еще более впечатляющим и непроходимым.

Наиболее очевидно такая социальная предназначенность претензий правящих фамилий Курдистана на "чужеродное" происхождение проявила себя в трибальной среде. Факт, что под покровом родо-племенной структуры скрывалось классовое неравенство, принудительная власть и господство феодальных отношений, признается даже не всеми авторами. В качестве примера сошлемся на диаметрально противоположные точки зрения двух исследователей кочевого общества Аравии, А.И.Першица и А.М.Васильева. У А.И.Першица существование внутриплеменного военно-политического аппарата, основанного на обычном праве, не вызывает сомнения.⁵ По заключению же А.М.Васильева, аппарат классового насилия у кочевников Аравии только зарождался, и его главные атрибуты: армия, полиция, тюрьма, административная машина, классовый суд в племени отсутствуют. Поэтому самый могущественный трибальный вождь, по мнению исследователя, не смог наложить легчайшее наказание на беднейшего члена племени.⁶

По поводу наличия принудительной власти в курдском племени также не существует единого мнения. Порою в одной и той же работе вождь племени именуется "первым среди равных", а несколькими страницами ниже дружина трибального главы уже выступает как "свидетельство существования институционализованного механизма" его воли.⁷ Мнение, что глава курдского племени выступал в качестве "первого среди равных", является распространенным.⁸ Однако рассказ К.Дж.Рича о том, что любой член бильбасского племени мог повлиять на решение вождя и даже изменить его,⁹ не увязывается с его же словами о неограниченной власти главы племени и, тем более, с рассказом курдского автора середины XIX века Мела Махмуда Баязиди. "Вожди племен, — писал он, — хватали людей из своего племени [за какую-нибудь провинность], арестовывали их, отнимали у них имущество и, если вздумалось, убивали одного, двух или трех человек у себя дома. Правители не расспрашивали об убитых, потому что они принадлежали к племени [убившего их ага]... Никто не спрашивал их: "Почему ты поступил так?".¹⁰

Сведение к минимуму внешней атрибутики принудительной власти совсем не отражается на ее сущности. Приведенный пример показывает, как четко и беспрепятственно отправляются здесь функции полицейского аппарата, тюрьмы, суда и даже выполнение приговора.

Неосложненность аппарата угнетения делала путь от провинности до возмездия минимальным. Особенно неосложненным был этот аппарат принуждения в небольших племенах, где все текущие дела разбирались непосредственно вождем племени. Палатка вождя служила одновременно и судилищем, и сенатом, и присутственным местом.¹¹

В крупных курдских племенах высшая власть наследовалась в пределах правящего бегского дома, называемого Бегзаде. Элитарные кланы Бегзаде имели племена эмиратов Арделан и Бабан вне зависимости от их численности и количеству подразделений: и джафы, самое большое и могущественное из племен Юго-Восточного Курдистана, и хамаванды, которые даже в периоды своей величайшей славы насчитывали не более полутора тысяч человек.¹² В рамках бегского дома, называемого иногда "королевским",¹³ осуществлялось распределение и перераспределение высшей власти в трибальном сообществе, и все династийные перемены происходили в пределах его ответвлений. Высокий "полу-королевский" статус распространялся на все семейство Бегзаде. Как и власть эмиров в курдском эмирате, главенствующая роль Бегзаде в племени выступала фактом общественного сознания по той же схеме "богоданности" и неоспоримости занимаемого высокого положения.

Члены бегского дома не вступали в брак с соплеменниками и претендовали на особые генеалогии и, подобно правителям эмиратов, на "чужеродное" происхождение. У основания родословного древа фамилии джафских Бегзаде мы находим потомка пророка Мухаммада, и джафское племя, которое имело аристократическую семью, претендовавшую на не общее с племенем происхождение, С.Дж.Эдмондс называет типичным в этом плане курдским племенем классического типа. На "иностранное" происхождение претендовали многие другие семьи трибальной знати.¹⁴ Согласно "Шараф-наме" таковыми были генеалогические претензии глав племен мирдаси, сулеймани, сувейди.¹⁵ Однако в их претензиях присутствует и конфессиональная окрашенность. Наиболее однозначно в этом плане (без конфессиональной и иных примесей) выглядит версия происхождения правящего дома думбулийского племени - от сирийского араба, даже без ссылки на его знатное происхождение.¹⁶

Признание кровного родства между членами всего племени, пусть надуманного и ретроспектируемого из более поздней социально-политической ситуации, служило идеологическим оформлением племенной общности, и по силе воздействия на курдское кочевье этот идеологический институт не имел себе равных. Сохранялась иллюзия общности интересов рядовых членов племени и его верхушки. Социальное

расслоение, выражаясь в претензиях правящих семей на "инородное" происхождение, посягало тем самым на святая святых племенной структуры - на саму идею родства.

Версии "чужеродного" происхождения могущественных семейств Курдистана свидетельствуют, что идея племенной общности растворилась в процессе социальной дифференциации, и на смену идее общего происхождения пришла идея изначальности разобщения и неслиянности социальной общности, сосредоточившей в своих руках политическую власть и экономическую мощь и представленной кланами Бегзаде, с их так называемыми соплеменниками, которые по сути дела таковыми даже не могли называться. Вокдь племени более опирался на свою дружину¹⁷ - силу более реальную, нежели идея общего происхождения.

Племенная элита представляла собою социальную прослойку совершенно обособленную от остальной части племени. Трибальная организация части курдского общества полностью вписывается в феодальную структуру и может быть воспринята как ее полноправный компонент, а не как сохраняющийся на протяжении всей обозримой истории курдов пережиток доклассовой формации, хотя такая точка зрения на место племен в структуре феодального общества имеет весьма широкое распространение. Крупные курдские племена и племенные союзы выступали как социально-политические комплексы, и на первый план, в конечном итоге, выходила не иллюзия общего происхождения, а реальность кастовой разобщенности, расчлененности племени на два компонента, из которых один обладал изначальным, а потому неоспоримым правом властвовать и управлять другим.

Отнесение претензий правящих фамилий Курдистана на "инородное" происхождение к фактам этносоциальной истории курдского народа представляется, таким образом, надуманным и бездоказательным. Они целиком и полностью принадлежат сфере социально-классовых отношений. Версии "инородного" происхождения знатных семейств можно рассматривать как показатель завершенности процесса поляризации классов - как в трибальной среде, так и вне зоны племен.

-
1. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие и приложения Е.И.Васильевой. Т. I. М., 1967, с. 167, 175, 220, 247, 322, 406.
  2. Там же, с. 232, 274, 290, 304.
  3. Mardukh Abdollah. Contribution à l'étude de l'Histoire des Kurdes sous la dynastie Ardalân du XVIe siècle au XIXe siècle. Thèse de doctorat. P., 1988, p. 178.
  4. См. Г.Б.Акопов. Арабские источники по этнической истории кур-

дов и версии их арабского происхождения. - Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. III. Арабские страны. Ереван, 1967, с.193-196.

5. А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 32-33.
6. А.М.Васильев. История Саудовской Аравии (1745-1973). М., 1982, с. 48, 49.
7. А.М.Ментешавили. Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984, с.61, 104.
8. См. Qhassemlou Abdul Rahman. Kurdistan and kurds. Prague, 1965, p. 106.
9. Cl.J.Rich. Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shirauz and Perserpolis. Vol. I, p. 150-151.
10. Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 42-43.
11. Х.Абовян. Курды. - Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. 8, Ереван, 1958, с. 360-361.
12. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 45.
13. Ibid., p. 36; Van Bruinessen M.M. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 80.
14. C.J.Edmonds. Kurds, turks and arabs. Politics, travel and research in north-eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p. 145, 146.
15. "Шараф-наме", т. I, с. 232, 313, 304.
16. Там же, с. 357.
17. Barth, p. 39.

Е.И.Васильева

СКОТОВОДЧЕСКОЕ КОЧЕВЬЕ В ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КУРДИСТАНА (ЭМИРАТЫ АРДЕЛАН И БАБАН, ХУП-ХІХ вв.)

Хозяйственная жизнь подавляющего большинства населения эмиратов Арделан и Бабан была связана с двумя видами трудовой деятельности: разведением скота и обработкой земли. Число земледельцев, совершенно чуждых скотоводству, было незначительным - даже

полностью оседлые деревни имели небольшие стада, однако, в целом представляется возможным говорить о существовании в Юго-Восточном Курдистане трех хозяйственно-культурных типов. Это - оседлые жители, которые вели сельскохозяйственное хозяйство; полу-оседлое население, сочетавшее скотоводство с земледелием, и кочевники-скотоводы.

Большинство жителей эмиратов Ардехан и Бабан совмещало обработку земли в долинах и на склонах гор с отгонным скотоводством, и наиболее характерным для этой части Курдистана представляется полуоседлое скотоводство в сочетании с земледелием. Кочевание носило вертикальный характер, поскольку пастбища располагались высоко в горах, и расстояние до деревни варьировалось от нескольких часов до нескольких дней пути. Такая форма номуадизма в литературе о курдах именуется иногда *transhumance*, а также полу-номуадизмом.¹

По вопросу о правомочности выделения "чистых" скотоводов-кочевников в самостоятельный хозяйственно-культурный тип мнения исследователей расходятся. Не существует, как заметил Г.Е.Марков, даже однозначного, общепринятого понимания самих терминов "кочевничество", "кочевое", "полукочевое", "полуоседлое" скотоводство.² Сам автор книги, посвященной кочевникам Азии, относит к кочевому хозяйственному типу как кочевников, так и полукочевников. Степень подвижности скотовода он вообще принимает за величину непостоянную и ставит ее в зависимость от количества скота и сезона: "одна и та же скотоводческая группа, сохраняя свой хозяйственный тип, может кочевать в разных местностях на различные расстояния".³

В отношении горного региона Юго-Восточного Курдистана это положение абсолютно неприемлемо. В условиях высокогорья, при наличии немногочисленных перевалов вариантность в маршрутах перекочевков была сведена к минимуму, если не к нулю. Строго ограничено было и число используемых пастбищ. В настоящее время, по свидетельству М.М.Ван Брёйнессена, каждое из кочевых племен имеет два, или максимально три горных пастбища, которые оно использует одно за другим.⁴ Поэтому кочевание курдского племени происходило в пределах строго определенной территории, и маршруты перекочевков были регламентированы хронологически и территориально.

Амплитуда кочевания в Курдистане, таким образом, выступала как величина постоянная и исчислялась с точностью до километров и дней пути. Возможно, не с такой степенью жесткости, однако, постоянной была величина амплитуды кочевания и маршрутная заданность перекочевков даже в степных районах, при так называемой "меридиональной" форме кочевания, когда стада перемещались летом на север,

а зимой на юг. Регулятором выступали скрепленные обычаем и выработанные многовековым опытом правила перекочевки и владения пастбищами.⁴

В Юго-Восточном Курдистане, во владениях династий Бани Арделан и Бабан, номады принадлежали к самостоятельному, четко обозначенному хозяйственно-культурному типу. До конца правления обеих династий могущественное объединение джафских племен, бильбасы, кальхоры, а также племена мандуми, гальбаги и другие вели кочевой образ жизни. Кочевники владели большими размерами стад скота - для ведения кочевого хозяйства необходим был минимум поголовья скота, определяемый в 80-200 голов.⁵ Амплитуда кочевания исчислялась не часами, а месяцами пути и не одной сотней километров. Например, летние на высокогорье пастбища джафов находились на расстоянии около 250 км от их зимних становищ на равнинах.⁶ Земледельческие занятия среди истинных номадов были редкими, экономика носила чисто скотоводческий характер. Номады, как заметил М.М. Ван Брёйнессен, не снисходили до земледелия, пока их к тому не принуждали силой.⁷

Социологическое наблюдение голландского ученого, подтверждаемое свидетельствами других авторов о пренебрежительном отношении кочевников к труду земледельца,⁸ указывает, как представляется, где пролегла в Курдистане реальная граница "чисто" кочевого общества и откуда начинается его отделение и противостояние.

Указанные отличия кочевого общества: владение большим поголовьем скота, параметры амплитуды кочевания существенны, однако определяющим фактором, как представляется, выступает уровень его социальной организации. Номады имели родо-племенную структуру, вне ее кочевая жизнь, кочевое хозяйство немыслимы, они утратили бы свою жизнеспособность. Экономические, социальные, административные, военные и идеологические связи, скрепляющие кочевое общество, были сведены воедино в племени. На уровне племени и его подразделений происходила организация трудовых процессов и всей социальной жизни.

Это совсем не означает, что племени вне кочевой среды не существовало. Были и оседлые племена, но племенные узы в них скорее эфемерны и ретроспективно обращены к временам, когда племя вело кочевой образ жизни. Системой фиска, повинностей, управления и контроля крестьянские хозяйства были связаны на уровне деревни. Она и выступала в оседлом и полу-оседлом обществе как единый социальный организм.

В виде фиксированной суммы на всю деревню производилось на-

логообложение земледельцев и полу-кочевников.⁹ Для ведения военных действий каждая деревня должна была направить группу конников в 10-15 человек.¹⁰ На уровне деревни принимались важнейшие хозяйственные решения по вопросам о начале ежегодной перекочевки или возвращения домой. Трудовые и иные повинности также налагались на всю деревню в целом. На уровне деревни совершались религиозные церемонии. Несмотря на "факт кочевания" на близлежащие от деревни горные пастбища, жители таких деревень выполняли весь цикл сельскохозяйственных работ и, если даже они помнили о принадлежности к племени, саморегуляция трудовой деятельности и социального бытия осуществлялась на уровне деревни.

Таким образом, можно сделать вывод, что у оседлых земледельцев и полу-кочевников социальная интеграция в Курдистане происходила на деревенском уровне в то время, как кочевники объединялись в автономные социальные организмы в виде племен. Здесь и началось разделение и противостояние оседлого и кочевого обществ в Курдистане, уходящее корнями в далекое прошлое, закреплённое в социальной психологии и зафиксированное в сочинениях курдских историков.

Шараф-хан Бидлиси, Мала Махмуд Баязиди, арделанские хронисты четко делили население курдских областей на райийотов и илатов. Под райийотами имелись в виду, по всей видимости, жители деревень, вне зависимости от того, перекочевывали они на лето в горы или оставались на месте. Илатами, или аширатными курдами, назывались кочевники, объединённые в племена (турк. "иль", араб. "ашират" = "племя").

Однако эти два общества столь яростно, как показывает книга Мала Махмуда Баязиди,¹¹ противостояли одно другому, возможно, лишь с точки зрения городского жителя, каковым был автор "Нравов и обычаев курдов". В реальной жизни ни комплексное полукочевое хозяйство, ни кочевое скотоводство, ни земледелие в Курдистане не были замкнутыми и неподвижными формами хозяйственной деятельности. Непроходимый барьер между кочевником и оседлым существовал лишь в сознании отдельных авторов, и "герметически закрытыми кастами" не воспринимали себя ни трибальные скотоводы, ни земледельцы. Во взаимоотношенияхномада и оседлого главным представляется взаимовыгодный обмен продуктами своего труда, и за традиционным соперничеством кочевника и земледельца просматривается тенденция к симбиозу, характерная, по заключению М.Роутона,¹² для номадизма всей Западной Азии.

Между этими социальными группами всегда существовала мобиль-

ность. Производство материальных благ сосредоточивалось то в хозяйстве кочевников-скотоводов – во времена войн и пограничных конфликтов, которыми местная история насыщена до предела, то в хозяйстве оседлых земледельцев – в периоды относительной стабилизации. В пределах региона был постоянный отток производительных сил из сферы кочевого хозяйства в земледелие и обратно, и соотношение этих частей варьировалось в зависимости от конкретной политической ситуации в области.

Чтобы объяснить постоянную циркуляцию производительных сил из земледельческой среды в кочевую, явно недостаточно констатации географической заданности существования кочевого скотоводческого уклада. Неприемлемым к хозяйственной ситуации в Курдистане представляется и мнение ряда авторов, что "кочевнику жилось лучше и свободнее"¹³, что содержание скота было связано с гораздо меньшей работой, и поэтому к кочеванию возвращались, как только позволяло поголовье скота.

В Курдистане ведение скотоводческого хозяйства требовало меньшее число рабочих рук, но было несопоставимо менее стабильным.¹⁴ В случае нападения кочевник мог потерять все, и сам кочевой уклад жизни, суровое существование один на один с природой в условиях высокогорья заставляло его ежедневно держать экзамен на жизнеспособность. Делать переходы и перегонять скот, минуя отвесные скалы и бурные потоки, удавалось лишь ценой невероятных усилий, и уж совсем не увязывается с представлениями о легкой и привольной жизни кочевых скотоводов впечатление, вынесенное американским кинорепортером М.Купером от картины перекочевки бахтияр, которая запечатлелась в его памяти как величайшая трагедия.¹⁵ Курдскому кочевнику несравнимо чаще, чем земледельцу, приходилось жить на пределе человеческих возможностей.

Разгадка "тайны" притягательности кочевья для курда, как представляется, заключена в особой роли, которую играл кочевой скотоводческий уклад хозяйства в истории областей Курдистана вообще и Юго-Восточного Курдистана в особенности. Пограничное положение между двумя враждебными империями превращало страну курдов в постоянно действующий полигон. В подобной ситуации ни об экологическом равновесии хозяйственной деятельности человека и природных условий, ни о скользящем равновесии кочевого и оседлого укладов хозяйства говорить не приходится. В таких условиях высокая степень концентрации населения и более организованная его общность, а, следовательно, и возможность выстоять и защитить себя были реальными лишь во временных палаточных лагерях. И прибежищем экономи-

ческого, политического и идеологического порядка для курда выступали племя и скотоводческое кочевье.

На примере истории Арделанского княжества можно заключить, и на этом мы останавливались неоднократно,¹⁶ что наличие кочевого скотоводческого хозяйства послужило условием сохранности и существования данного социального организма. Не будет, как представляется, преувеличением сказать, что в водовороте политических коллизий в регионе и как этническая общность курды едва ли смогли сохранить себя, если бы в экстремальные моменты своей истории они не имели возможности уходить в свои горы, где их оплотом служили кочевье и племя.

Кочевой уклад хозяйства и кочевое племя выполняли, на наш взгляд, и другую важнейшую этно-социальную и политическую функцию. Для них не существовало границ, разделявших Османскую империю и Иран, Арделанское княжество и Бабанское. После ирано-турецкого договора 1639 г., который, казалось бы, внес некоторую ясность в пограничные притязания двух империй, джафские курды из года в год продолжали передвигаться тем же путем сезонных перекочевов, что и прежде. Весной они откочевывали во владения Бани Арделанов и поднимались в горы, осенью снова пересекали границу и переходили на бабанскую территорию, на свои зимовья в долинах Шахризур. Политическая граница между двумя государствами и строжайшие запреты арделанских правителей (в периоды обострения их отношений с Баба-нами) пересекать границы их владений были бессильны изменить традиционные пути перекочевов джафских племен. Курдские кочевники практически размывали границы государств, поделивших страну курдов надвое. Как артерии, связывали они разобщенные курдские области воедино, осуществляя интегративную функцию в пределах с е г о региона Юго-Восточного Курдистана.

Скотоводческое кочевье проявило себя в Курдистане не воплощением хозяйственной отсталости и тормозом социально-экономического развития, вопреки мнению ряда авторов. В экстремальные периоды курдской истории именно оно служило хранителем производительных сил региона и связующим звеном между отдельными частями страны курдов – вплоть до конца рассматриваемого периода.

-
1. См. V.Minorsky. Senna. – EI, vol.IV.Leyden-London,1934,p.235; М.М. Van Bruinessen. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 24.
  2. Е.Г.Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976, с. 9.

3. Там же.
4. Т.И.Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 56.
5. Van Bruinessen, p. 25.
6. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 35.
7. Van Bruinessen, p. 25.
8. См. В.В.Трубецкой. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966, с. 102.
9. Van Bruinessen, p. 47.
10. Barth, p. 53.
11. Баязиди Мала Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 52-55.
12. M.B.Rowton, Autonomy and nomadism in Western Asia, - *Orientalia*. Vol. 42. Fasc. 1-2. 1973, p. 249.
13. См. И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV - начале XIX вв. Л., 1949, с.76; Barth, p. 20; В.В.Трубецкой. Основные тенденции процесса перестройки традиционного нomaдизма в современном Иране. - Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976, с.171-172.
14. Barth, p. 42. См. также В.Никитин. Курды. Перевод с французского. М., 1964, с. 127; А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 17.
15. Трубецкой. Бахтиары, с. 106.
16. Е.И.Васильева. О кочевниках Юго-Восточного Курдистана. - III и ПИЖВ, 17-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1983, с. 121; Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника, (История княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи, перевод с персидского, введение и примечания Е.И.Васильевой. М., 1984, с. 62.

Н.Е.Васильева

К.А.ИНОСТРАНЦЕВ КАК СОТРУДНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО МУЗЕЯ

В Петербурге научные этнографические исследования начались под руководством Русского географического общества, основанного в

1845 г. В 1848 г. академик К.Э.Бэр предложил устроить при Географическом обществе "обширный и систематический этнографический музей", который мог бы дать наглядное представление о народном быте - живом историческом источнике, изменяющемся и исчезающем из жизни с распространением просвещения. К.Э.Бэр подробно изложил программу такого музея. Географическое общество получило особое помещение, в котором стали собирать этнографические предметы, привозимые разными путешественниками. В архиве Географического общества стал накапливаться материал о быте различных народов. Однако настоящий музей тогда создать не удалось. Некоторые этнографические коллекции по различным странам и народам России собирались в Этнографическом музее Академии наук (образован в 1837 г.), пополнение фонда которого осуществлялось главным образом за счет даров коллекционеров. Между тем, развивающаяся этнографическая наука требовала систематического сбора материала и научной его разработки. Положение изменилось лишь в 1895 г., когда при учреждении Русского музея было решено создать в нем этнографический отдел, а также благодаря тому, что в ооставе этнографического отдела оказались высококвалифицированные специалисты.

К.А.Иностранцев стал сотрудником этнографического отдела с самого начала его основания. Еще до утверждения временных штатов отдела (которое состоялось 10 января 1902 г.) старший этнограф Академии наук, прогрессивный ученый и общественный деятель Д.А.Клеменц, назначенный на должность заведующего этнографическим отделом, по рекомендации Восточного факультета пригласил К.А.Иностранцева как специалиста по мусульманскому Востоку принять участие в создании этнографического отдела в качестве хранителя-этнографа.¹ Кроме него на должности хранителей-этнографов были приглашены кандидаты университета Е.А.Ляцкий и Н.М.Могилянский.

Для размещения Русского музея был выбран Михайловский дворец, подлежащий реконструкции. Работы велись под руководством архитектора В.Ф.Свиньина. В феврале 1901 г. архитектор представил несколько вариантов проекта здания этнографического отдела. Так, впервые в Петербурге для этнографического музея строилось специальное здание!

Разработка планов деятельности этнографического отдела находилась под пристальным вниманием управляющего Русским музеем великого князя Г.М.Романова и товарища управляющего графа Д.И.Толстого. С конца ноября 1901 г. К.А.Иностранцев участвовал в еженедельных заседаниях намеченного штата отдела, председателем на которых был сам управляющий. Помимо этого состав отдела многократно

собирался в доме Д.И.Толстого в течение конца 1901 г. и до конца 1902 г. для частных совещаний по различным вопросам, связанным с постановкой нового дела.² Еще до утверждения штатов отдела была подготовлена к изданию программа сбора этнографических материалов, в разработке которой К.А. принимал участие.³ После утверждения штатов, совместно с другими работами, К.А. занимался разбором и описанием материала, накопленного еще до начала деятельности этнографического отдела. Это были дары коллекционеров и отдельные покупки (общее число предметов и фотографий составляло 17 105 ед.).

После опубликования программы в начале 1902 г.,⁴ в предисловии к которой сотрудники музея обращались ко всем, желающим помочь общекультурной цели — созданию музея этнографии, в музей стали активно поступать дары, предложения покупки, а также предложения помощи в сборе этнографических материалов. В этот период весь штат отдела занимался регистрацией коллекций по любому народу по мере их поступления. Регистрация происходила по списочной системе, заимствованной у Стокгольмского национального музея с некоторыми изменениями. Для каждого собрания составлялся отдельный регистрационный список за номером (номер коллекции), который вносился в главный инвентарь. К.А. было поручено наблюдение за печатанием списков коллекций.

На сбор коллекций была направлена основная забота Совета этнографического отдела, который имел статус коллегиального органа и собирался почти еженедельно (часто под председательством управляющего). К сбору коллекций привлекались широкие слои населения, учреждения, административные лица, интеллигенция, просто любители и сочувствующие. Важное содействие успешному сбору коллекций оказало министерство внутренних дел, выдававшее командированным за сбором коллекций открытый лист. Министерство путей сообщения установило льготный тариф для перевозки вещей для музея и бесплатный проезд для штатных служащих по всей сети русских железных дорог. Сотрудники отдела, увлеченные грандиозностью самой задачи создания этнографического отдела, его огромным культурным значением, сознавали, что они выполняют подготовительную, черновую работу: накопление коллекций и предварительную их систематизацию, без которых невозможна никакая научная работа.⁵

Осенью 1902 г. К.А.Иностранцев был командирован на Кавказ, представлявший особенные сложности для сбора коллекций ввиду многообразия кавказских народов и многоязычия, со специальной целью завести отношения с местными этнографами и административными лицами для выяснения условий наилучшего выполнения задачи сбора

необходимых для музея материалов, и чтобы подыскать собирателей на месте и распределить между ними задачи.⁶ К.А. посетил Тифлис, Кутаис, Батум, Елизаветполь, Баку. Труд сбора коллекций по его предложению взяли на себя четыре административных лица.⁷ Во время этой поездки был приобретен курдский ковер (колл. № 257).⁸

Для более удобного наблюдения за сбором коллекций, их систематизацией и описанием отдел в 1903 г. разделился на четыре подразделения по числу хранителей. К.А.Иностранцеву достались Кавказ, Средняя Азия, Крым и сопредельные страны Востока. С начала 1903 была учреждена финансовая комиссия под председательством Д.И.Толстого. Обязанности постоянного члена этой комиссии были возложены на К.А.Иностранцева и он исполнял их до августа 1908 г.

В марте 1903 г. К.А.Иностранцев совместно с Н.М.Могилянским был командирован в Москву для изучения постановки музейного дела. Они осмотрели музеи: Исторический, Румянцевский, Художественно-промышленный при Строгановском училище и Политехнический. Их интересовали штаты музеев, обязанности сотрудников, состояние экспозиций, музейная мебель, систематизация материала (инвентарные книги и каталоги), устройство выставок, канцелярия и т.д. Из их отчета⁹ видно, что состояние музеев не отвечало современному уровню культуры и нуждалось в усовершенствовании. Такое положение объяснялось тем, что средства на содержание музеев отпускались чрезвычайно скудные, штатных хранителей были единицы.

Обилие текущих дел в 1903 г. не допускало продолжительных отлучек штатного состава из музея. В этом году с Кавказа прислали первые материалы сотрудники, подготовленные К.А..¹⁰

В 1904 г. К.А.Иностранцев был командирован на Северный Кавказ с целью сбора этнографического материала. В Дагестане он собрал материалы по следующим народам: 1) по аварцам (колл. №№ 501 и 502);¹¹ 2) по андийцам (колл. № 505);¹² 3) по даргинцам (колл. № 503);¹³ 4) по лакцам (колл. № 504);¹⁴ 5) уникальную коллекцию по караногайцам (колл. № 333)¹⁵ – собрана в Караногайском уч.Кизлярского отд. Терской обл.; и в Чечне – 6) по чеченцам (колл. № 340).¹⁶ Кроме того в Тбилиси ему удалось купить 10 азербайджанских ковров, разнообразных по технике исполнения, особенностям орнамента, цветовой гамме (колл. 377).¹⁷ Во время поездки были сделаны интересные фотоснимки (колл. №№ 372, 334, 3349).¹⁸ Яркое представление об этой экспедиции дает записка К.А.Иностранцева, приложенная к журналу с протоколами заседаний отдела, которая позволяет представить не только обстоятельства сбора материала, но и характеризует К.А. как делового, целенаправленного, ответственно-

го и дальновитого исследователя:¹⁹ "Экскурсия моя продолжалась с 10 апреля по 28 мая. За это время были посещены мною, в целях собирания этнографических предметов – Караногайская степь, станицы Гребенского казачьего войска по Тереку, плоскостная Чечня и северная, горная часть Дагестана. Кратковременные остановки были в городах: Владикавказе, Моздоке, Грозном, Темир-хан-Шуре и Петровске; более долгий срок пробыл я в Тифлисе, по окончании экскурсии (4 дня).

Маршрут поездки был следующий. Из Петербурга я проехал безостановочно во Владикавказ, где остановился на полтора суток для получения открытого листа от наказного атамана Терского казачьего войска и необходимых справок от знатоков края. Путь в центр Караногайской степи ставку Терекли был выбран мною уже во Владикавказе; там же был намечен и обратный маршрут. Из Владикавказа я проехал обратно по Ростовской дороге, до ст. Прохладной, откуда уже на лошадях, по почтовому тракту, в г. Моздок (перезд был сделан в один день). В Моздоке, снаряжаясь в степную поездку, я побыл полтора суток. Проезд из Моздока до Терекли продолжался полтора суток. Собрание этнографических предметов началось лишь в ставке Терекли, откуда я произвел ряд поездок в степь, в кочевые аулы. Поездки не отнимали у меня особенно много времени благодаря тому, что большая часть аулов была сосредоточена около ставки Терекли: наступала весна, когда караногайцы, оставив зимовки, сосредоточенные в большинстве близ Терекли, перешли к кочеванию, но не откочевали еще вглубь степи. За время моего пребывания в ставке и в окрестных аулах, кроме покупки предметов, было произведено значительное количество фотографических снимков – между прочим, общенародного праздника – свадьбы сына головы караногайцев. Тогда же была приобретена свадебная арба и кибитка на колесах. Обратный путь из Терекли, я взял на Грозный – путь, хотя и длинный, но дававший мне возможность проехать Гребенские станицы. Не желая отступать от принятого этнографическим отделом принципа обращать главное внимание на собирании предметов у русской народности, я останавливался кое-где в станицах и купил небольшое количество предметов (между прочим, ритуальный корабль).²⁰ Первую половину экспедиции я закончил в Грозном, где готовился к поездке в Чечню. В Чечне я обратил исключительное внимание на плоскостное население. Горная часть, по расспросам, оказалась весьма близкой к акунайцам Дагестана, у которых я предполагал быть позже. Кроме того, отдавая слишком много времени Чечне, я рисковал не попасть в Дагестан, ознакомиться с которым я считал необходимым. В Чечне я

собирал коллекцию в ауле Урус-Мартан, имеющем среди населения представителей со всей Чечны, даже горной. Вернувшись из Мартана в Грозный, я на другой же день выехал в Темир-хан-Шуру, где, готовясь к поездке в Дагестан, провел 2 дня. Путь из Темир-хан-Шуры был следующий – на аулы Леваши и Хаджалмахи в Гуниб, оттуда в Хунзах и Ботлих. На обратном пути из Хаджалмахов я повернул на юг, к подножию большого хребта, в Кази-Кумух. Почти во всех этих местах я произвел покупки; самое передвижение и фотографирование весьма затруднялись наступившим в Дагестане периодом дождей. Дагестанскую экскурсию я закончил в Петровске. Всю экспедицию я закончил четырехдневным пребыванием в Тифлисе, где скупил у местных ковроторговцев несколько наиболее типичных для кавказского района ковров – эта небольшая коллекция (10 экземпляров) должна была бы послужить основанием для дальнейшего собирания образцов коврового ткачества в Закавказье. Число купленных мною предметов равняется 288. Всего истрачено на покупку и экспедицию 1 875 руб. Что касается далее до тех научных наблюдений, которые можно было сделать во время моей, сравнительно кратковременной поездки, то, неразборчиво, необходимо отметить крайнюю этнографическую бедность Кавказа, вопреки ходячим представлениям. Из тех народностей, которые пришлось мне видеть, больше старины, больше типичности нашел я у карангайцев, не настоящих еще представителей кавказской этнографии и выбранных мною потому, что они представляют собою как бы переход от типичного для Средней Азии степного, кочевого быта к представителям Кавказа – оседлым и кочевым горцам. С последними я ознакомился в лице чеченцев и лезгин. Можно сказать, что в отношении собирания, Дагестан и Чечня находятся в таких же условиях, как и населенные русскими казаками Гребенские станицы. Кроме исчезновения старины, необходимо отметить еще одно явление, препятствующее собиранию – переход производства собственно этнографического в кустарное. Когда в 1882 г. проф. Анучин был в Дагестане, он посетил, между прочим, и аул Кази-Кумух, по его словам в то время "вообще мало посещаемом": – теперь жители этого аула, весьма искусные ювелиры, сами возят продавать свои изделия не только в Россию, но и за границу – в Европу и Америку".

В этом году кроме личных сборов К.А. с Кавказа этнографический материал прислали пятеро собирателей²¹ (в том числе Н.Я. Марр во время поездки в Кларджетскую Батумского окр. собрал у кларджетских грузин 63 предмета и привез 10 моделей гурийских жилищ). Всего было приобретено 682 предмета.

В 1905 г. К.А. Иностранцев совершил большую разведывательно-

собирательную экспедицию в Крым. Маршрут поездки был следующий: Симферополь; Евпатория-Бахчисарай; из Бахчисарая в Богатырскую область Ялтинского уезда (дер. Лаки, Керменчик, Гавры, Богатырь, Узбеньбаш, Фот-Сала, Коккоз); Алушта - Судак (дер. Куру-Узен, Улу-Узан, Туак, Ускют, Кансхд, Кутлак); Судак - Феодосия (дер. Тарактат, Туклук, Коз, Отуз, Коктебель); Феодосия - Старый Крым - Карасубазар - Симферополь.²² Во время этой поездки были собраны материалы: 1) по крымским татарам (колл. № 735, 747, 762, 763, 764, 785, 876); 2) по караимам (колл. № 800 - полный костюм караимского раввина, предметы одежды); 3) по грекам (колл. № 861 - старинный женский греческий костюм) и 4) по болгарам (колл. № 860 - среди прочего полный костюм невесты).²³ Кроме того были сделаны фотографии Крыма с разного рода бытовыми сценками и видами (колл. № 735, 840).²⁴ Всего было приобретено 392 предмета. Корреспонденты К.А. также прислали восточные вещи с Кавказа и из Персии.

В этом же году К.А. как делегат от музея принимал участие в XIII-м археологическом съезде в Екатеринославе.

Осенью 1906 г. К.А.Иностранцев совершил экспедицию в Большой Карачай Баталпащинского отдела Кубанской области (аул Карт-Джурт) и в Большую Кабарду (местечко Нальчик и окрестные селения). Там он собрал материалы по карачаевцам (колл. № 1084 - в ауле Карт-Джурт был куплен целый комплекс предметов: полный богатый традиционный карачаевский девичий костюм, происходящий от одной из значительнейших феодальных фамилий Карачая - Крымшамхаловых, образцы золотого шитья, галунов, тесьмы, ковры, ткацкий станок с принадлежностями, модели сакли, полевых орудий, упряжи и др.).²⁵ и по кабардинцам (колл. № 1083 - бытовые предметы)²⁶ и сделал ценные фотографические снимки (колл. № 1109 и 1108).²⁷ Всего было приобретено 135 предметов.

В июне 1906 г. К.А. был командирован в Казань и Тифлис для переговоров со старыми корреспондентами и подыскания новых. В этом году от помощников-собирателей в отделение Кавказа поступило более десяти коллекций.

Осенью 1907 г. К.А.Иностранцев собирал этнографические предметы на территории Азербайджана (Ленкорань и соседние селения). Там он приобрел коллекцию по талышам (колл. № 1354)²⁸ и сделал фотографические снимки (колл. № 1244 - типы людей, бытовые сцены и типичные для данной местности пейзажи).²⁹ Главным же результатом поездки было предложение Мир-Ахмед-хана талышского принести в дар музею некоторые части отделки его загородного дворца в деревне Шах-Агац, в частности, цветные стекла, наличники к ним и

двери (работы персидских мастеров XVIII – нач. XIX века), которые к концу года были доставлены в музей³⁰ (колл. № I437 – погибла во время блокады). Помимо этого восточные вещи поступили из Персии и от командированных в Осетию (З.П.Валаев), в Чечню (С.А.Гатуев), в Абхазию (А.А.Миллер) и от других.

В том же году К.А. еще раз посетил Тифлис, где возобновил ознакомление с коллекциями Кавказского музея и обратил особое внимание на новые работы по изготовлению манекенов, о чем доложил на заседании Совету этнографического отдела.

В апреле 1908 г. К.А. принимал участие в заседании Комиссии, образованной при Комитете для изучения Средней и Восточной Азии по вопросу о сохранении древних памятников Туркестана.³¹

В мае 1908 г., в связи с предстоящим оснащением этнографического отдела мебелью и др. приспособлениями, изучил вопрос о шкафах по литературе. На заседании заключительной комиссии по решению вопросов об оснащении мебелью этнографического отдела решительно высказался за желательность железной конструкции мебели, как более удовлетворяющей потребностям музея.³²

К концу мая 1908 г. К.А. первым из сотрудников отдела составил систематический каталог по своему отделу.³³

12 декабря 1908 г. К.А. вышел в отставку. На его место был назначен А.А.Миллер, уже работавший в отделе и зарекомендовавший себя работами по этнографии и археологии. Продолжателем дела А.А. Миллера стала Е.Н.Студенецкая – крупный специалист по этнографии Кавказа.

Таким образом, с конца ноября 1901 г. К.А. стал деятельным сотрудником отдела. Служебная деятельность его была разнообразна: 1) в середине декабря 1901 г. он написал и прочитал на заседании в музее свой проект об устройстве коллекций Востока, в котором обратил внимание на то, что следует различать задачи этнографии и истории быта, с одной стороны, и истории искусства и археологии, с другой; принимал участие в выработке программы для сбора этнографического материала; 2) совершил пять поездок на Кавказ и в Крым и собрал значительный этнографический материал послуживший основанием для формирования фонда Кавказского отделения этнографического отдела (всего им собрано 31 коллекция, в том числе 8 коллекций с фотоматериалами); 3) занимался описанием коллекций, составлением регистрационных списков, систематизацией материала, укладкой вещей в специальные ящики для хранения, дезинфекцией вещей; 4) вел наблюдение за печатанием списков коллекций всего отдела; 5) осуществлял большую и важную работу по подборке собира-

телей для музея в различных местах: в Петербурге, в Закавказье, в Казани; вел с собирателями переписку, подробно разъяснял какие предметы нужно собирать, высылал им программу; дважды выезжал в специальные командировки для выяснения на месте условий сбора материала; 6) был членом финансовой комиссии этнографического отдела, ежегодно представлял Совету этнографического отдела финансовый отчет; 7) принимал участие в разработке вопросов об экспозициях музея; почти каждое лето посвящал изучению этнографических и археологических музеев Западной Европы; 8) неоднократно выполнял обязанности заведующего отделом во время отъезда Д.А.Клеменца в командировки; 9) как член Совета этнографического отдела К.А. Заботился о пополнении фондов музея и своего отделения путем закупки предметов и целых коллекций у населения; внес много ценных предложений в работу отдела: а) заботился о состоянии коллекций находящихся в подвалах, предлагал просматривать хранящиеся в ящиках материалы; б) для приведения в порядок изразцов из коллекции Дудина, привезенных из Средней Азии при его участии были заказаны деревянные рамки; в) привлекал собирателей заниматься регистрацией коллекций в музее на временных выставках; г) ставил вопрос о расширении штатов отдела; д) по его предложению для удобства пользования была создана фототека, и для нее был заведен карточный каталог, ненаклеенные фотографии он предложил хранить в альбомах, а наклеенные - в папках; е) разработал схему распределения материала в той части музея, которая должна была быть готова в недалеком будущем. Схема была построена на культурно-этнографическом принципе; ж) предложил хранить жубочные картины отдельно от вещей, в библиотеке и т.д.³⁴

Работу К.А.Иностранцева отличает исключительная добросовестность, ответственность, тщательность, обширные знания, творческая инициатива, принципиальность. Он заложил основы сбора этнографических коллекций на Кавказе и в Крыму. Ценность собранных им коллекций заключается в том, что К.А. собирал комплексно, из разных социальных слоев и отразил это в регистрационных описаниях. Большая просветительская работа К.А. по подготовке собирателей для этнографического отдела обеспечила пополнение фондов музея и подготовку кадров (в частности, А.А.Миллера). К.А. глубоко вникал во все нужды и проблемы этнографического отдела как научные, так и технические. Он обладал независимостью взглядов и суждений, которые отстаивал на заседаниях Совета этнографического отдела. За заслуги в деле формирования фондов музея К.А.Иностранцев был дважды награжден: в 1905 г. - орденом св.Стаислава 3 степени и в

1907 г. - орденом св. Анны 3 степени. Материалы собранных им коллекций использовались исследователями в научных трудах³⁵ и в настоящее время они представляют большой интерес для специалистов. Многие предметы, собранные К.А. на Кавказе и др. местах, представлены в настоящее время на постоянной экспозиции в Государственном музее этнографии народов СССР и являются пособием для всех желающих ознакомиться с недавним бытом народов Кавказа.³⁶

Годы деятельности К.А. Иностранцева в этнографическом отделе Русского музея были самыми плодотворными годами и в его научной деятельности в области востоковедения, которая являлась основным делом его жизни. В эти годы им были написаны самые значительные труды, сохраняющие до сих пор свое научное значение.

Научные интересы К.А. формировались и развивались под влиянием профессора В.Р. Розена. В одной из своих статей Виктор Романович высказал пожелание увидеть специальное исследование по празднованию Науруза, на что К.А. откликнулся блестящим исследованием "Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии".³⁷ В 1902 г. после смерти одного из виднейших представителей русского востоковедения В.Г. Тизенгаузена В.Р. Розен предложил К.А. дополнить и издать библиографические карточки покойного по мусульманской археологии, расположенные в алфавитном порядке. Работа эта потребовала много времени, дополнительного изучения литературы в библиотеках. В 1903 г. у него появился деятельный сотрудник по этой работе - Я.И. Смирнов. Оставшиеся материалы В.Г. Тизенгаузена были классифицированы и дополнены издателями.³⁸ Глубоко продуманная, разнообразная и в то же время ясная классификация свидетельствует о глубоком знании К.А. предмета. Такая классификация была разработана впервые в науке.

Работа над библиографией продолжалась до 1906 г., она вовлекла К.А. в круг интересов, которыми занимались весьма немногие - это история внешнего быта и культуры мусульманского Востока. В России впервые на такие вопросы обратил внимание В.Г. Тизенгаузен. В последние годы жизни он с необычайной для его возраста страстью занялся изучением предметов роскоши и искусства мусульманского Востока X-XV вв. по описаниям арабских историков и географов, собираясь подготовить обширное монографическое исследование. Но, к сожалению, эта самая важная часть его работы осталась неосуществленной. В его архиве сохранились лишь выписки из рукописей с описаниями предметов роскоши и быта и их переводы.

Вероятно у К.А. было намерение заняться систематизацией и этих материалов В.Г. Тизенгаузена, об этом он говорил с В.Р. Розе-

ном,³⁹ но для этого требовалось много времени. В 1903 г. уже четко определились научные интересы К.А. – история внешнего быта и материальной культуры. Вопросы из этой области обсуждались на заседаниях Русского археологического общества, деятельным членом-сотрудником которого являлся К.А. С этой целью он изучает рукописи арабских авторов: Гузули "Матали ал-будур", Джахиза "Китаб ал-байан ва-т-таб'ин" (о сравнении арабского и персидского военного искусства), Ибн Кутейбы "Уйун ал-ахбар" (гл. II) и др. В 1904 г. он изучает сочинения Ибн Тагриберди и Макризи о праздничных выходах Фатимидских халифов. После знакомства с текстом ал-Калкашанди он намеревался дать очерк шиитских праздников Фатимидов. Кроме этого задуманы были некоторые работы по исторической этнографии средневекового мусульманского Востока и подобраны рукописи для этого исследования.⁴⁰

Благодаря своему таланту и тонкому чутью исследователя, он умел дать новое, оригинальное освещение почерпнутым в рукописях сведениям. В.Р.Розен поощрял К.А. в этих его изысканиях. Еще в некрологе В.Г.Тизенгаузена он высказал пожелание поскорее ввести бумаги покойного в научный обиход, чтобы они послужили науке.⁴¹ У К.А. в процессе изучения арабских авторов возникали свои идеи. В.Р.Розен оставался его неизменным советчиком и консультантом. В 1905 г. К.А. издал монографию "Торжественный выход Фатимидских халифов", включающую перевод сложнейшего арабского текста, обширный комментарий и исследование.⁴² В 1906 г. вышла не менее интересная работа "Отрывок военного трактата из сасанидской "Книги установлений",⁴³ а в 1908 г. – "Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья".⁴⁴ И кроме этого – целый ряд небольших, но чрезвычайно интересных статей.⁴⁵ То обстоятельство, что К.А.Иностранцев был знатоком древней и средневековой мусульманской культуры, делало его особенно ценным сотрудником этнографического отдела Русского музея.

-----
1. ЦИА, Ф. 696, оп. I, № 287, л. 14.

2. Н.М.Могиланский. Очерк деятельности этнографического отдела с 1902 по 1909 гг. – Материалы по этнографии России, Т. I, СПб., 1910, с. I-XVII.

3. ЛИА, Ф. 14, оп. 3, № 15782.

4. Программа для собирания этнографических предметов, 1902.

5. Н.М.Могиланский. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. – Живая старина. Год XX. 1911 г. СПб., 1912.

6. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. 726.

7. Там же, л. 73. Елизаветпольский губернатор Н.А.Лютцау, по вверенной ему губернии (впоследствии отказался); заведующий опытной шелководческой станцией Н.Н.Шавров, по шелководству и ткацкой промышленности всего Кавказа; чиновник министерства земледелия А.С.Пиралов по Тифлисской и Ереванской губерниям; Ф.М. Снегирев, управляющий палатой государственных имуществ в Кутаиси, по Кутаисской губернии.
8. Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций, Л., 1981, с. 157.
8. Архив ГМЭ, ф. I, оп. I, № 18, л. 6-7.
10. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. 93: А.С.Пиралов прислал 156 предметов, студент С.В.Тер-Аветисян - 73 предмета.
11. Народы Кавказа, с. 48.
12. Там же, с. 52.
13. Там же, с. 54.
14. Там же, с. 64.
15. Там же, с. 69.
16. Там же, с. 24.
17. Там же, с. 101. Сведения о местах изготовления и бытования этих ковров, полученные во время приобретения, занесены им в регистрационные описания.
18. ГМЭ, фототека.
19. Архив ГМЭ, ф. I, № 18, л. 39-41.
20. Пускание "корабля" - развлечение молодежи на троицу у терских казаков. "Корабль" в настоящее время представлен на экспозиции в ГМЭ, колл. № 339.
21. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. II66-II7. Корреспонденты К.А. - А.С.Пиралов и Н.Н.Шавров, и командированные от музея И.Ф.Никарадзе - собирал в Сванетии и С.В.Тер-Аветисян - собирал у татарского населения в Казахском уезде Елизаветпольской губ.
22. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. I426-I43.
23. ГМЭ, инвентарные книги за 1905 г.
24. ГМЭ, фототека.
25. Народы Кавказа, с. 15.
26. Там же, с. 7.
27. ГМЭ, фототека.
28. Народы Кавказа, с. II6.
29. ГМЭ, фототека.
30. Архив ГРМ, оп. I, № 66, л. I97.
31. Архив ГРМ, ф. I, оп. I, д. № 46, л. I-3.
32. Там же, ф. I, оп. I, д. № 43, л. 9.

33. Там же, Ф. I, оп. I, д. № 40. Журналы заседаний Совета этнографического отдела №№ 177-234, л. 52.
34. Там же, Ф. I, оп. I, д. №№ 13, 26, 31.
35. Г.Бонч-Осмаловский. Свадебные жилища турецких народностей. - Материалы по этнографии. Т. III, вып. I. Л., 1926, с. 101-110; в статьях Е.Н.Студенецкой и других.
36. Особого упоминания заслуживает костюм княжны Крымшамхаловой - темно-красное бархатное платье, украшенное золотым шитьем.
37. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии. - ЗВОРАО, Т. XVI (1904-1905). СПб., 1906, с. 020-046.
38. К.А.Иностранцев, Я.И.Смирнов. Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг бар. В.Г.Тизенгаузена. - ЗВОРАО. Т. XVI (1904-1905). СПб., 1906, с. 079-0145, 0213-0416.
39. Архив АН СССР, Ф. 777, оп. 2, № 188, (письмо от 9 сентября 1905 г.).
40. Там же.
41. В.Р.Розен. Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. - ЗВОРАО. Т. XVI, 1906, с. 231-236.
42. Торжественный выезд Фатимидских халифов. - ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907, с. I-II3.
43. Отрывок военного трактата из сасанидской "Книги установлений" آئين نامه - ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907, с. 249-282.
44. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. - ЗВОРАО. Т. XVIII (1907-1908). СПб., 1908, с. 113-232.
45. Полную библиографию научных трудов К.А.Иностранцева см.: Н.Е.Васильева. Константин Александрович Иностранцев (1876-1941). - ПП и ПИКНВ, XX. М., 1986, ч. I, с. 16-20.

Т.И.Виноградова

НАДПИСИ НА КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ

Мнение о практически полной безграмотности простого народа в старом Китае настолько укоренилось в представлении как китайских, так и европейских ученых, что большинство оперирует им, не пытаясь ни подтвердить его конкретными фактами, ни опровергнуть. "Трудность китайской иероглифической письменности явилась причиной того, что количество грамотных в Китае, по современным представлениям, всегда было незначительным. По оценкам конца прошлого века,

число грамотных в Китае не превышало 5% населения", - без ссылки на источник информации утверждает М.В.Софронов.¹ Цифра представляется несколько заниженной, тем более что не оговорены критерии грамотности. Сложность же иероглифики существенна главным образом для европейца.

Представление о мере грамотности народа можно откорректировать, проанализировав некоторые аспекты произведений народного искусства, на которые обычно не обращают внимание. Имеются в виду в первую очередь произведения, выполненные в жанре народной картины няньхуа (年画), которые получили наиболее широкое распространение в низших и средних слоях традиционного китайского общества, считающихся обычно необразованными. Все изобразительные средства народной картины ориентированы на непосредственное визуальное восприятие, картины без пояснений были понятны любому китайцу. Тем более странным представляется наличие на многих картинах надписей - от небольших до весьма обширных, разнообразных по содержанию. Возникает вопрос об адресате надписей: либо потребитель картин был не столь безграмотен, как это обычно считается, либо у художников были достаточно веские причины вводить в картины непонятный большинству потребителей элемент.

Для няньхуа разных жанров характерны разного рода тексты; Надписи на картинах-иконах отличаются от надписей благопожелательных, бытовых картин и т.д. Для ответа на поставленный вопрос целесообразным представляется привлечение надписей какого-либо одного жанра, например - театральной народной картины.

Надписи, встречающиеся на театральных картинах, можно условно объединить в несколько групп.

I. Название мастерской-печати, типично для няньхуа всех жанров, относится исключительно к сфере производства, а не потребления, поэтому не стоит подробно разбирать этот вариант.

II. Самый распространенный тип надписей - название картины, характерен не только для театральных картин; возможны картины и без названия. Название пьесы и картины-иллюстрации к ней, как правило, совпадают. Название обычно пишется в верхней части листа горизонтально, может читаться в двух направлениях: слева направо или справа налево. Если на одном листе объединяются сцены из двух различных пьес, то пишутся оба названия.² Случаются нетипичные случаи оформления названия: отдельные иероглифы или вся надпись пишутся в медальонах и воспринимаются как декоративный элемент.³

III. Случаи, когда картины, полностью воспроизводят убранство сцены, и соответственно, все надписи, украшающие сцену. Прежде

всего — парные надписи дуйцзы (董子) на вертикальных столбах по обе стороны сцены. Типичный пример такой надписи приводит В.М. Алексеев: "Мы [актеры] хвалим добро, злодейство казним, различая что славно, что скверно; и вот все дела чуть не тысячи лет как будто на ваших глазах. Мы скажем о мире, споем о разрухе, укажем, где счастье и где разрушение; И вот все семнадцать династий лежат перед нами, открыты как книга".⁴ Как видно, содержание надписи непосредственно не связано с содержанием иллюстрируемой пьесы, а носит морализующий характер. Традиция воспроизведения на картинах дидактических высказываний в виде параллельных надписей по обе стороны листа оказалась столь глубока, что можно видеть аналогично оформленные надписи и на картинах, весьма далеких от драматургических сюжетов, например, на благопожелательных, на ряде антимиссионерских листов.⁵ В таких случаях содержание текстов находится в полном соответствии с происходящими на картине событиями.

Для картин, воспроизводящих сцену, характерно оригинально выполненное название, которое пишется на верхней горизонтальной балке, как писалось название театра на театральном здании. Такая надпись воспринималась как часть убранства сцены.

К этой же группе "сценических" надписей следует отнести все иероглифы, фигурирующие в различных деталях театральной бутафории: на костюмах героев, флажках, выпелах, оружии, ширмах и других предметах интерьера.

IV. На множестве картин рядом с персонажем пьесы пишется его имя. Информация эта, как правило, избыточна, ибо прекрасно знающий театр китаец мог и без надписей идентифицировать изображенных персонажей благодаря постоянным, характерным только для данного героя костюму и гриму, которые к тому же вплоть до мельчайших деталей воспроизводились на народной картине.

V. Тексты этой группы труднее поддаются описанию, чем вышеперечисленные. Сюда входят самые разнообразные стихи, пояснительные надписи в прозе, очень редко — реплики персонажей (пишутся в своеобразном облаке, вылетающем из ртов персонажей). Такого рода тексты нечасто встречаются на театральных картинах, интересно, что их больше на картинах, произведенных в мастерских юга страны.

Надписи всех пяти выделенных групп редко встречаются вместе на одном листе, возможны абсолютно любые сочетания различных групп, а также картины вовсе без надписей.

Наличие надписей на картинах можно объяснить, исходя из двух различных, но непосредственно связанных между собой положений. Первое устанавливает несколько такое воспроизведение надписей на

картинах соответствует общей китайской культурной традиции; второе касается конкретных взаимоотношений производителя-продавца и покупателя, т.е. почему первый производит такие картины, а второй именно такие картины покупает. Няньхуа – произведения художественного промысла, рассчитанные на немедленный сбыт, следовательно, среди них не должно быть непонятных потенциальному покупателю картин.

Для китайского изобразительного искусства было всегда характерно нерасторжимое единство живописи и каллиграфии. И хотя рисунки народных картин отделяет от произведений "большой" живописи непреодолимая пропасть, а надписи на картинах трудно назвать каллиграфическими, все равно соединение на одном листе изображения и надписи характерно для китайской культуры, и в данном случае народное искусство стремится не отставать от профессионального, а трансформирует его достижения, прививая их на почву "малой" культуры. Сам характер надписей на няньхуа, особенно на театральных и на иллюстрациях к романам, подтверждает общность происхождения народной картины и профессиональной гравюры, книжной иллюстрации. Таким образом, надписи няньхуа суть приспособленный народным искусством элемент общекитайской культуры.

Образ художника народной картины – сянъшэна необычайно важен для понимания характера текстов на картинах. Многочисленные художники печатных мастерских формировались из нижнего слоя китайской интеллигенции – людей, либо проваливших государственные экзамены на первую степень, либо по каким-то причинам не сделавших ученую или чиновничью карьеру. Они, несомненно, владели основами китайской словесности, однако их познания были не слишком велики, неслучайно в языке существовало множество обидных выражений для обозначения полутрамотности этих людей. Однако имеющимися знаниями они пользовались весьма активно, отсюда и стремление к украшению картин надписями. В лаконичных и однообразных по содержанию надписях на театральных картинах недостаточность образованности художников особенно не проявляется, в более сложных текстах можно встретить неправильное написание иероглифов, стилистическую небрежность текстов; своеобразен язык многих надписей – разговорный, но с осязательным стремлением к подражанию классическому. Однако встречались среди художников и люди вполне образованные. Так, знаменитый Дай Лян-цзэн (戴廉增) владелиц одной из крупнейших печатен Янлюцина, писал на своих картинах как классические стихи, так и собственные пояснения к картинам, абсолютно правильные по форме. Это было, однако, исключением из общего правила. В целом же, своеобразный язык надписей не встречал возражений со стороны

большинства покупателей, несмотря на несколько ироническое отношение к самим художникам-сяньшэнам, занимающих в общем-то неустойчивое положение между "народом" и образованными кругами общества.

Исторически сложившийся культ иероглифа, иероглифического текста широко известен, разнообразные факты преклонения китайцев всех слоев перед надписью описываются всеми посещавшими старый Китай. При таком отношении к тексту иметь в доме что-нибудь, содержащее иероглиф, было приятно каждому, в том числе и необразованному китайцу, для которого дешевые новогодние картины с надписью были единственно доступными из всей существующей продукции китайской полиграфии. Больше всего для этой цели подходили символические картины с иероглифами, имеющими благопожелательное значение, однако и театральные картины с любого рода текстами вполне удовлетворяли покупательские запросы. Таким образом, среди большого количества всевозможных няньхуа, покупавшихся к каждому Новому году, неизбежно находились и театральные картины с надписями.

Социальный состав основной массы покупателей няньхуа был неоднороден, и хотя состоял в основном из "низов" китайского общества - крестьян, бедного городского населения, в нем присутствовала и небольшая прослойка более или менее грамотных людей, могущих истолковать желающим смысл надписи на картине, который, как мы видели, был не особенно сложен. В этом смысле показательно рассуждение В.М.Алексеева о так называемых "народных стихах", написанных на картинах с конфуцианскими сюжетами: основное требование, предъявляемое к такого рода текстам, заключалось, по мнению ученого, в понимании смысла такого стиха при чтении вслух.⁶ Любая надпись на театральной картине, соответственно, также должна быть воспринимаема на слух. Характерно, что на картинах более дорогой печати, появившихся на рубеже XIX-XX веков, чья продажная цена была ненамного, но все же выше цены основной массы картин, надписи были не сложнее и не обширней, чем на самых дешевых картинах, хотя можно с уверенностью сказать, что "дорогие" картины покупались более состоятельными и более грамотными людьми. Следовательно, надписи предназначались отнюдь не специально для грамотной части населения.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о системе первоначального образования в Китае. Существовало несколько путей получения образования. Состоятельные семьи приглашали к своим детям частного учителя, дети таким образом получали систематическое конфуцианское образование. Очевидно, именно они формировали те 5% грамотного населения по данным М.В.Софронова. С образованием неимущих слоев, особенно в деревнях, дело обстояло сложнее, однако почти в каждой деревне при храме существовала школа, которую мог посещать

практически каждый ребенок. Уровень знаний, даваемых такими школами, был невысок, подтверждения этому можно найти даже в самых народных картинах, иронически изображающих такие школы,⁷ однако выпускников храмовых школ нельзя уже назвать абсолютно безграмотными. Потенциальная возможность получения образования существовала у всех слоев общества. "Каждый китайский родитель исповедует лишь один высокий идеал для своих детей – сдать высшие государственные экзамены и стать чиновником. ... наши конкурсные экзамены открыты для всех слоев населения". "Образованные люди происходят из всех слоев общества, они не являются наследственным классом", – так в начале нашего столетия описывал китайский ученый систему образования.⁸ Отметим, что образ бедного студента, стремящегося обрести все блага, даруемые образованием, является сквозным образом всей китайской литературы.

Для многих, однако, и школьное образование было недоступным из-за необходимости с ранних лет зарабатывать на жизнь. Все же люди, нигде ничему не учившиеся, проявляли весьма обширные познания в китайской истории и литературе.⁹ Приведем цитату, в которой рассказывается о безграмотных китайских женщинах: "[Для них] самая обычная вещь – повторить по памяти, слово за словом, поэтическую легенду в несколько тысяч слов после того, как они услышат ее всего несколько раз. Я буду удивлен, если обычная фабричная девушка в Англии сможет процитировать наизусть сонет Шекспира или любого другого поэта. Однако стихи Ли Бо и Су Дун – по хорошо знакомы всем нашим деревенским женщинам".¹⁰ Таким образом, мы имеем дело с явлением, которое можно обозначить как "народная образованность". Она достигается совокупностью трех источников: выступлениями сказителей, работающих в самых различных и многообразных жанрах сказа, выступлениями многочисленных театральных трупп, гастролирующих по всему Китаю, и наконец, народными картинами няньхуа. Эти три крупнейших вида народного искусства трансформируют достижения "большой" профессиональной культуры, делая их доступными для всего народа. Народная картина как единственный из них вид изобразительного искусства играет особую роль. Она не только иллюстрирует различные примеры из истории и литературы, но и в какой-то степени помогает ликвидировать безграмотность населения именно благодаря надписям. В.М.Алексеев, путешествуя по Китаю, разговаривал со многими представителями "низов" – крестьянами, погонщиками мулов, возчиками, слугами, "... часто обнаруживал у них некоторые признаки книжной культуры. Многие, например, оказывались в состоянии прочесть надпись, то есть произнести вслух фонетические

эквиваленты иероглифов, образующие смысл надписи (буквально ничего при этом не понимая ни в порознь взятых идеограммах, ни в их сложении)". Все опрошенные оказывались в состоянии истолковать сюжеты картин, их непростую символику. "... трудно после этого, - продолжает В.М.Алексеев, - назвать такого крестьянина совершенно уж неграмотным, некультурным и диким. Вообще, пожалуй, такой массы полуграмотного населения, как в Китае, не было нигде".^{II} Именно это полуграмотное, или пассивно грамотное, население и составляло большинство покупателей няньхуа. Не умеющий ни писать, ни читать человек вполне мог запомнить некоторое количество иероглифов как своеобразные рисунки и ассоциировать эти иероглифы с предметами, наиболее часто ими обозначенными. Лучшему запоминанию иероглифов способствует традиционность, повторяемость текстов. Представляется, что все надписи, имеющие избыточность информации, служат именно этим, "ликбезовским" целям, например, имена персонажей на театральных картинах, на бытовых няньхуа - самые обычные, повседневные предметы, снабженные между тем подписью - "стена", "телега", "бочка" и т.д. Эту функцию народных картин нельзя особенно преувеличивать, но игнорирование ее может привести к непониманию роли народных картин в жизни традиционного Китая.

Мы установили, что появление надписей на няньхуа закономерно и объяснимо целой совокупностью причин. В заключение хотелось бы провести аналогию с другим видом народного искусства - с русским лубком. Различия между лубком и няньхуа огромны, стремление же украшать картинки надписями - общее, хотя надписи на лубке ничуть не похожи на надписи на няньхуа. Однако, можно предположить, что появление надписей на лубке и няньхуа обусловлено типологической общностью этих видов искусства, характером их производства в мастерских-печатных относительно грамотными людьми для продажи менее грамотным, занимающим более низкое общественное положение. Таким образом, тексты на произведениях народного искусства, аналогичных няньхуа и русскому лубку, имеют цель как бы "возвысить" жанр, профессионализировать его.

-
1. М.В.Софронов. Китайский язык и китайское общество. М., 1979, с. 18.
  2. См.: В.М.Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966, с.97, рис. 46.
  3. См.: Danielle Eliasberg. Imagerie populaire chinoise du Nouvel an. Paris, 1978, ill. 59, 60.
  4. См.: Алексеев, с. 74, рис. 37, перевод надписей - с. 77.

5. См.: Алексеев, с. 150-151, рис. 71, 72.
6. Алексеев, с. 128.
7. См.: Chinesische Neujahrsbilder. Leningrad, 1988, s. 109, ill. 110.
8. Y.K.Leong, L.Tao. Village and Town Life in China. London, 1915, pp. 95, 113.
9. Автор благодарит Ирене Квонг Лай Ю за интересные примеры, подтверждающие это положение.
10. Village and Town Life ..., p. 20.
11. Алексеев, с. 51-52.

А.В.Витол

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПРОЕКТАХ "ВЕЧНОГО МИРА" (XVI-XVIII вв.).

Крестовые походы, для которых поводом послужило вторжение турок-сельджуков в Византийскую империю, способствовали складыванию у европейцев образа "турка", "неверного", такого же врага как "мавр", не так давно изгнанный с Пиренейского полуострова. Несмотря на космополитические претензии христианства, понятие "божьего мира" распространялось только на христиан; проекты мирного объединения государств - такие как проект "христианской республики" П.Дюбуа (рубеж XIII-XIV вв.) - предусматривали объединение христиан-европейцев против общего врага - "неверных" Востока.¹ Идеи гуманистов Возрождения о всеобщем мире, о "всемирной монархии", казалось, оставлены надолго: так, по странному совпадению трактат Николая Кузанского "О замирении вер" был закончен в 1453 г. - в год гибели христианской Византии под ударами турок-османов. Угроза османского нашествия, вполне реальная в XV-XVI вв., способствовала популярности идей мирного решения конфликтов между европейскими государствами. Замечательный проект чешского короля Иржи Подебрада (1464 г.) о мирном обустройстве Европы, как и проект П.Дюбуа, носил выраженную антиосманскую направленность, однако "крестовая идея" занимала в нем уже меньше места, представляла собой скорее "фон".²

В связи с ослаблением (XVI-XVII вв.) и исчезновением "турецкого страха" в Европе (XVII-XVIII вв.), последующие проекты мирного объединения европейских государств еще в меньшей мере обосновывались их авторами необходимостью совместной обороны от Османской империи. Гораздо больше внимания уделялось политическим и эконо-

мическим проектам; затем в основание стали полагаться теории естественного права и общественного договора. Тем не менее, "османская" тема продолжала оставаться важным компонентом в различных вариантах проектов "вечного мира". Несомненно, что эти проекты - своего рода мысленные эксперименты об идеальном устройстве мира со значительными элементами утопичности, однако они были и заметными памятниками политической и историко-философской мысли.

В ХУП в. наибольшую известность получил проект "вечного мира", принадлежавший, как тогда считали, французскому королю Генриху IV Наваррскому (1589-1610 гг.) - об этом сообщил в своих мемуарах его министр, герцог Сюлли (первые два тома "Великого плана" - так называли этот проект - вышли в 1638 г., 3-й и 4-й - в 1662 г., уже после смерти Сюлли).³ В конце XIX в. было установлено, что авторство проекта принадлежит, по всей вероятности, самому Сюлли.⁴ Проект предусматривал создание "христианской республики" из европейских государств. В эту "республику" должны были войти 15 государств со значительно измененными границами (так, Англия и Франция получали приращения за счет Голландии, Испания объединялась с Португалией, на севере Италии создавалась независимая конфедерация), что нужно было для примерного равенства сил всех членов этого союза. Установление справедливых границ, считал автор, позволило бы европейским правителям избежать постоянного страха перед нападением соседей. Споры между государствами должен был решать союзный совет из 60 представителей. Совет был обязан - это интересно отметить - следить за тем, чтобы в каком-либо государстве не сложилось тираническое правление, чтобы в каждом обеспечивалась терпимость к католикам и протестантам.⁵

Проект Генриха IV - Сюлли имел ярко выраженную антимусульманскую направленность. Название "христианская республика" было не случайным: предполагалось, что объединение европейских государств будет вести войну с мусульманами до полного их изгнания из Европы. Таким образом "вечный мир" в этом варианте - только внутреннее дело европейских государств, в число которых Османская империя не допускалась.⁶

Антиосманская направленность проекта Генриха IV - Сюлли не вызывает удивления: противостояние между Османской империей и европейскими государствами было реальным и значительным фактором современной автору международной жизни. Тем более выделяется на этом фоне трактат другого француза - Эмери де ла Крüse "Новый Китай",⁷ напечатанный в 1623 г. Эта книга предшествовала "Великому проекту" Генриха IV - Сюлли и значительно превосходила его смелостью и про-

грессивностью своих идей, но популярность ее среди современников была меньше — о "Новом Кинее" почти забыли к концу XVIII в. и оценили по достоинству лишь в середине следующего столетия.

В трактате Крюсе содержался призыв к установлению мирных и справедливых отношений между всеми известными государствами (включая, например, даже мифическое государство Пресвитера Иоанна). Турецкие завоевания, — считал он, — доказывают, что один народ может победить многие другие из-за их разобщенности, из-за нежелания помочь соседу, или из-за стремления видеть его ослабленным или поверженным.⁸ Призывая государства к взаимопомощи, Крюсе не противопоставляет Османскую империю европейским (христианским) государствам, а ставит ее в пример как веротерпимое, избавленное от внутренних раздоров государство.⁹ "Генеральную ассамблею" посланников всех государств Крюсе предлагал собрать в Венеции, поскольку она находится вблизи больших государств Европы, а остальные (Китай, Эфиопия, государства Америки) могут прислать своих представителей морским путем. Крюсе уделил большое внимание проблеме старшинства в этой ассамблее. Первое место, считал он, должно принадлежать представителю папы, поскольку тот имеет влияние на духовные дела всех христиан, а также из-за уважения к Древнему Риму. Самое любимое, что второе место в ассамблее Крюсе отводил для представителя "Турецкого императора", т.е. султана, особо подчеркивая то обстоятельство, что "Турецкий император" владеет Константинополем и является как бы преемником Восточной Римской империи.⁹

Конечно, при чтении книги Крюсе возникает представление об авторе как о человеке образованном и начитанном, но совершенно неискушенным в политике. Тем не менее, эта "наивность" оказалась провидческой: уже с XIX в. Крюсе считается предшественником теории международного мира. О трактате Крюсе редко упоминали в XVIII в., однако не исключено, что его идеи использовались другими авторами проектов "вечного мира".

В конце XVII в. английский и американский политический деятель У.Пенн (1644—1718 гг.) в сочинении "Опыт о настоящем и будущем мира в Европе" (1693 г.) выдвинул идею создания "Всеобщего союза государств". Сочинение содержало просветительские идеи и было написано в разгар борьбы с Аугсбургской лигой (1689—1697 гг.). Пенн считал, что эта война могла завершиться всеобщим миром, поскольку бесполезность вооруженных конфликтов вообще выявилась достаточно очевидно. По некоторым сведениям, проект был направлен английской королеве Анне для обсуждения на одной из мирных конференций, но не оказал никакого влияния на английскую дипломатию.

Обычно отмечают, что, в отличие от проекта Генриха IV - Сюлли трактат У.Пенна предусматривал включение Турции в состав европейских государств.¹⁰ Однако речь шла скорее о возможности присоединения ко "Всеобщему союзу" европейских держав Османской империи.¹¹ Значение Османской империи как влиятельного государства признавалась вполне: так, в представительном органе европейского "Парламента" для нее резервировалось 10 мест - как для Франции и Испании и больше, чем, например, для Англии (6 мест). Разное количество участников от каждой страны зависело по мнению автора, от богатства страны, от ее экспорта и импорта. Таким образом, представительство было неравным, неравными были не только государства, но и их правители - это был шаг назад по сравнению с теориями Г.Гроция, который подчеркивал необходимость признания равенства всех государств при решении общеевропейских дел.

В своем желании мира У.Пенн сочетал идеализм с практическим подходом государственного деятеля-квакера. Одной из главных целей всеобщего мира было развитие торговли и мореплавания и обеспечение их безопасности. Гипотетическое включение в европейский "Парламент" Османской империи не означало каких-либо пацифистских идеалов автора. Предложенная им международная организация предусматривала объединение христианских государств против мусульман. Пути преодоления этого противостояния не рассматривались, однако не было и предложений о военном решении этой проблемы.

Наиболее обстоятельно сформулировал и пропагандировал идеи всеобщего и вечного мира французский публицист (а также философ и дипломат), представитель раннего Просвещения аббат де Сен-Пьер (1658-1743 гг.). Идеи Сен-Пьера, направленные против войны, против религиозной нетерпимости, за процветание и культурный прогресс народов, получили широкое признание у его современников и потомков. Основное произведение Сен-Пьера "Проект вечного мира в Европе" (1713 г., сокращенный вариант - 1729 г.) написан как бы в продолжение и развитие идей "Великого проекта" Генриха IV (об авторстве Сюлли речи еще не было). Предусматривалось создать лигу (или союз) из государств Европы¹² (в нее должны были войти 17 или 18 государств из 27, существовавших в то время). Отказавшиеся войти в лигу государства рассматривались в качестве "врагов Европы".¹³

Важнейшее отличие проекта аббата Сен-Пьера от проектов Генриха IV - Сюлли и У.Пенна - внимание автора не только к европейским, но и к азиатским государствам, которые тоже должны были иметь свою систему надежного мира, подобную европейской, что позволило бы им

успешно развивать ремесла и торговлю.

Сен-Пьер считал, что Османская империя не представляет большой опасности для европейских государств. Создание "Генеральной оборонительной лиги" из христианских государств приведет к тому, по его мнению, что турки не станут больше воевать "ни с императором, ни с венецианцами, ни с Польшей, ни с Россией".¹⁴ В противном случае они могут получить совместный отпор государств Европы, чьи армии в двух или трех кампаниях превратят Османскую империю в руины.¹⁵

Кроме того, Сен-Пьер считал возможным заключение вечного мира между объединенными европейскими государствами и Турцией (а также другими государствами Востока). В ответ на напоминание оппонентов о религиозном запрете у мусульман на заключение мирных договоров с христианами. Сен-Пьер замечал, что, во-первых, заключать прочный мир с христианами ислам разрешает, когда есть реальная опасность для самой мусульманской религии (а такая опасность налично), а, во-вторых, заключение перемирия (что допускается) на срок, например, 100 лет с последующим продлением фактически означает вечный мир.¹⁶

Сен-Пьер отвергал различные планы раздела Османской империи или изгнание ее из Европы как предварительного условия заключения с ней мирного договора, что порою вызывало упреки ревнителей борьбы против "неверных". Однако Сен-Пьер был не только аббатом, но и представителем европейской гуманистической мысли, которая уже далеко ушла от идеи крестовых походов. Впрочем, Сен-Пьер не забывал и о своем проповедническом долге. Так, всеобщий мир, по Сен-Пьеру, позволит мусульманским правителям не беспокоиться о безопасности их государств и более положительно отнестись к просвещению своих подданных и, возможно, перенять более совершенные методы обучения своего юншества ремеслам и наукам, а чем больше мусульман будет просвещено, тем меньше их будет привержено догмам ислама, и, соответственно, тем большее число из них, "будут расположены почувствовать красоту и совершенство христианской религии".¹⁷ Здесь, конечно, налицо явно утопический момент построения Сен-Пьера: для чего мусульманам принимать систему, которая приведет их к принятию христианства?

Яркая гуманистическая и просветительская направленность проекта Сен-Пьера не прошла незамеченной. Вольтер подверг его критике за утопичность, но Ж.-Ж.Руссо отзывался о "проекте" с большим сочувствием, подверг это сочинение тщательному разбору, издал его краткое изложение. Высоко оценивали идеи Сен-Пьера и многие дру-

гие мыслители Просвещения. На рубеже XVIII–XIX вв. появились оригинальные и глубокие по содержанию мирные проекты И.Бентама и, особенно, И.Канта, который называет "венцом всей миролюбивой мысли Просвещения".¹⁸

Таким образом, рассмотрение проектов "вечного мира" XVII–XVIII вв. показывает эволюцию отношения к Османской империи: от полного противопоставления Европы и Османской империи (проект Генриха VI–Сюлли) – к признанию возможности включения Турции в состав европейского союза (проект У.Пенна), а затем – к более подробной разработке теории такого сотрудничества у Сен-Пьера.¹⁹ Политической (постоянные войны) и идеологической (создание в конце XVII в. антитурецкой "Священной лиги под эгидой папы римского) ситуации того времени по-видимому, больше соответствовал "план" кардинала Альберони (1736 г.) о решении европейских проблем с помощью раздела Турции, чем проекты У.Пенна и Сен-Пьера о мирном сотрудничестве. Ни планы раздела Турции, ни мирные проекты не стали руководством для европейских правителей. Однако, если планы раздела Турции не пережили время, когда они были составлены, то проекты "вечного мира" остались в памяти потомков, поскольку они и были направлены в будущее и находились в русле гуманистической мысли, которая постоянно напоминала о существовании мирной альтернативы даже в моменты наибольшего военного противостояния между государствами.

-
1. И.С.Андреева. Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975, с. 13–14.
  2. А.О.Чубарьян. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1977, с. 50.
  3. S.J.Hemleben. Plans for World Peace through Six Centuries. [Chicago], 1943, p. 34.
  4. E.Nys. Etudes de droit international et de droit politique. T. I. Bruxelles et Paris, 1896, p. 302–303.
  5. Ф.Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. Изд. 5-ое. СПб., 1904, с. 225.
  6. Согласно проекту, Московскому государству Совет мог предложить принять условия вхождения в "христианскую республику", но в случае отказа к нему следовало бы относиться как к Турции – S.J.Hemleben. Op. cit., p. 36.
  7. Полное название трактата – "Новый Киней, или Рассуждения о состоянии, представляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире. Монархам и суверенным правителям Европы". Киней – персонаж "Срав-

нительных жизнеописаний" Плутарха, советник эпирского царя Пирра. Киней убеждал Пирра следовать мирной политике, не воевать с римлянами.

8. T.W.Balch. The new Cynaeas of Emeric Cruce. Philadelphia, 1909. p. 125 (75) – в скобках указан текст французского оригинала.
9. T.W.Balch. The new Cynaeas, p. 103, 105, 107, 113 (61-63, 68).
10. M.M.Dunn. William Penn politics and conscience. Princeton, New Jersey, 1967, p. 167.
11. В трактате У.Пенна сказано так: "если же будут приняты также турки и московиты, было бы достаточно и справедливо, если бы они посылали еще по 10 человек", см.: В.Пенн. "Опыт о настоящем и будущем мире в Европе..." – в кн.: Трактаты о вечном мире. М., 1963, с. 93.
12. Хемлебен высказал предположение, что Сен-Пьер не стал включать в свой "союз" все страны мира и ограничился только европейскими для того, чтобы его проект с самого начала не выглядел несбыточным, см.: S.J.Hemleben. Op. cit., p. 58.
13. J.B.Duroselle. L'idee d'Europe dans l'histoire, P., 1965, p. 123.
14. T.G.Djuvara. Cent projets de partage de la Turquie (1281-1913). P., 1914, p. 246 (использованы выдержки из произведений Сен-Пьера).
15. Сен-Пьер, по-видимому, разделял распространенное в Европе убеждение в том, что Османскую империю сравнительно легко можно "разделить".
16. T.G.Djuvara. Op. cit., p. 247.
17. T.G.Djuvara, Op. cit., p. 249. Отметим, что это было довольно распространенное заблуждение просветителей об "отмирании" ислама по мере развития просвещения.
18. А.Л.Субботин. Какие идеалы Просвещения имеют ценность сегодня? – в кн.: Историко-философский ежегодник 88. М., 1988, с. 115.
19. О трактате Э.Крусэ современники знали слишком мало, чтобы брать его в расчет.

ДЕРЕВЯННЫЕ ТАБЛИЧКИ (МОККАН) – НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Небольшое число деревянных табличек с надписями издавна хранилось среди редкостей в музеях Японии, в частности в императорской сокровищнице Сёсоин. Время от времени некоторые из них попадали в научный оборот /1/. Новые экземпляры впервые обнаружены в 1930 г. на развалинах укрепления в Акита в одноименной префектуре на севере Японии. Но массовые находки пошли с 1961 г. в ходе раскопок древних дворцов в Хэйдзё (г.Нара). Этот год признается подлинной датой начала "табличковедения" в Японии /2/. К началу 80-х годов насчитывалось 35–40 тыс. зарегистрированных единиц таких находок /3/. Едва ли не большую их часть составляют стружки, фрагменты с одним или несколькими иероглифами. Целые таблички, со связным текстом, относительно пространном (10–20 знаков), без значительных пропусков и повреждений, – редкость.

Все подобные экземпляры найдены во время раскопок по всей стране на многих десятках памятников: ранних столиц (Асука, Фудзивара, Хэйдзё, Нагаока), наместничеств (на севере – Тагадзё, на юге – Дадзайфу), местных провинциальных центров, крепостей, почтовых станций, дворцов, административных зданий, храмов. Значительная часть надписей расшифрована и опубликована /4/.

Таблички поддаются классификации как по форме, так и по содержанию. По форме выделяются собственно таблички: призматические, удлинённые, узкие (длина 10–30 см, ширина 2–4 см, толщина 0,5–1 см) и фрагменты таких табличек; бирки с отверстием, зарубками, шипами, заостренным концом для прикрепления к предмету; ярлыки для свитков; стружки (сакусэцу) – результат зачистки табличек всех форм для нанесения новой надписи, – сохранившие письмена. Надписи целиком иероглифические, характер почерка неустойчивый, знаки нанесены тушью, иногда на обеих сторонах таблички.

По содержанию различают документы (бунсё), в основном служебные характеристики чиновников; служебную переписку; сопроводительные к материальным ценностям (цукэфуда) – бирки багажные (нифуда) и бирки складские (цукэфуда); разное: ярлыки, пропуска для прохода застав, рецепты, талисманы, учебные прописи и пр. /5/.

Как видим, категории формы и содержания в определенных отношениях находятся в зависимости друг от друга. Призматические таблички в собственном смысле слова – это чаще всего служебные доку-

менты, переписка, пропуска. Бирки, ярлыки – это сопроводительные к разным материальным ценностям, имеющие приспособления для прикрепления к объекту. Только фрагменты – следствие естественных повреждений. Стружки – результат зачистки всех видов табличек и не зависят от категорий формы и содержания.

Основная масса табличек датируется периодом с середины VII по IX века, но есть и более поздние экземпляры, например из Итидзё-дани XV века /6/.

Остановимся несколько подробнее на тематике табличек, проиллюстрировав ее конкретными примерами.

Документы – служебные характеристики чиновников (косэн) – пока самый многочисленный разряд табличек. По месту обнаружения он связан в основном со столицей Хэйдзё (VIII в.), по принадлежности – с Министерством церемоний (Сикибусё), ведавшему и кадрами чиновников. Многие такие таблички имели отверстия в верхней части, в раскопах располагались кучно. Возможно, их объединяли в связки. Подборка таких табличек могла составить связный пространственный текст. Датированные экземпляры укладываются в период с 729 по 779 гг. /7/. Согласно административному кодексу "Тайхо Ёро рё", 702–718 гг. назначению чиновника на пост предшествовало "выдвижение достойного" и "присвоение ранга". Дальнейшее продвижение чиновника шло в той же последовательности. Очередное повышение (а иногда и понижение) в ранге зависело от результатов "проверки и аттестации" (кока) /8/. Сокращенно обе процедуры выражались термином "проверка и выдвижение" (косэн). Ежегодно учреждение оценивало деятельность чиновников как хорошую, удовлетворительную, плохую (комон). Эта характеристика через Министерство церемоний поступала в Государственный Совет. По мере наступления выслуги лет по данной должности (в пределах 4–10 лет) составлялась сводная характеристика на повышение (сэммон). Она шла тем же путем. После нескольких проверок характеристик соответствующая инстанция принимала решение о повышении.

Одним из интереснейших документов этого разряда, хотя и далеко не стандартным и не типичным, является табличка, связанная с повышением в ранге посла в Корею /9/. Текст гласит: "В связи с возвращением посла, отправленного в Корё (Корею) в 28-й день 10-го месяца 2-го года тэмпё ходзи (758 г.) повысить на две ступени". Главный интерес заключается в совпадении надписи на табличке с соответствующим местом в "Сёку Нихонги" – официальной хронике Японии, 797 г. В ней под тем же годом сообщается, что Оно Тамори, посол в Бохай (!), в 9-м месяце вернулся, а в 10-м повышен с ниж-

ней ступени 5-го неполного ранга до верхней ступени того же 5-го ранга, то есть на одну (!) ступень. Его помощник Такахаси Осимаро повышен с нижней ступени 6-го полного ранга до нижней ступени 5-го неполного ранга, то есть на две ступени (!). Двумя месяцами позже, в 12-м месяце, посол доложил императору Японии о положении в Китае, где правила династия Тан /10/. Совпадение в дате надписи и записи в "Сёку Нихонги", а также в содержании, казалось бы, говорит о тождественности описываемых событий. Однако расхождение в шкале повышения в ранге и в стране назначения — необъяснимы. Другие записи о посольствах в "Сёку Нихонги" за этот год еще дальше от надписи на этой табличке. Оно Тамори действительно ездил послом в Корею (в Силла) в 753 г., откуда на следующий год вернулся, а в 757 г. отправился послом в Бохай /11/. Источники по Бохаю подтверждают прибытие японского посла в 757 г. и отбытие его на родину через Китай в следующем году /12/. Корейские источники молчат об этом. В этих условиях остается предположить, что посол ездил в Бохай, возможно, через Корею и возвращался (с заездом в Китай), может быть, тоже через Корею. И это обстоятельство, быть может в сочетании с его предыдущей поездкой в Корею в 753-754 гг., ввело составителя надписи на табличке в замешательство. Табличка, очевидно, играла роль представления к рангу. Почему посол был повышен всего на одну ступень, а его помощник — на две, — неизвестно, но запись в "Сёку Нихонги", конечно, окончательная. Использование топонима Корё (яп. Корай), ставшего официальным названием этой страны только с X в., не должно нас смущать. В ранних японских источниках этот топоним являлся сокращением и видоизменением топонима Кокури (кор. Когурё) — названия одного из трех государств Кореи, и употреблялся применительно ко всей Корее.

Состав служебной переписки и документации очень пестр. Это и донесения, и списки чиновников, и вызовы служащих, и приказы, и удостоверения. Примером служебной переписки может служить донесение столичного Училища (Дайгакурё) по подчиненности вышестоящему учреждению — Министерству церемоний о ночном дежурстве младшего секретаря 6-го неполного ранга верхней ступени Ки Наото в 30-й день 8-го месяца 4-го года дзинго кэйун (770 г.) /13/. По "Тайхо ёро рё" во всех учреждениях чиновники обязаны были нести ночное дежурство /14/. Сохранилась целая серия стандартных донесений такого рода.

Багажные бирки сопровождали грузы: ценности, товары, натуральные налоги (реже — зерновые, ткани, чаще — прочие продукты), переносимые или перевозимые с места на место, а налоги — с мест

в столицу. На тканях нужные сведения наносили непосредственно. На бирках обычно отмечены: фамилия главы податного двора, название деревни, поселка, уезда, провинции, вид продукта, его объем, вес, дата отправления. Перечисленные данные не всегда приводились полно. Разнообразие продуктов исчисляется десятками видов, собираемых на пространстве от области Канто до области Кюсю. Отсутствие багажных бирок с датами ранее УШ в. свидетельствует о том, что во вторую половину УП в., то есть сразу после начала реформ Тайка (646 г.), подати и откупные от отработок отсутствовали. Они были введены только кодексом "Тайхо Ёро рё" /15/. Кодекс предусматривал и порядок оформления сопроводительной при отправке собранного в столицу /16/. Таблички подтверждают, что кампания по сбору податей разворачивалась в основном на уровне уезда.

Приведем несколько образцов надписей на бирках. На одной из бирок читаем: "От молодежи села Кацуми уезда Кида провинции Икаба к высочайшему столу морских водорослей одна корзина шесть кин (ныне около 3,6 кг) 4-й год дзинго кэйун (770 г.)" /17/. На другой бирке написано: "Провинция Каи уезд Яманаси село Ками (Человеку) Хасэбэ Уманро 600 монет 10-й месяц 8-го года тёмпё ходзи (764 г.)" /18/. Повидимому, это деньги на содержание некого Хасэбэ Уманро. Упоминание о деньгах (монетах) на табличках не единственное, что несколько неожиданно для этого времени.

На третьей бирке сообщается: "Провинция Бичу уезд Кая деревня (?) Ка.. подать железом одна связка рядовая" /19/. Четвертая гласит: "Провинция Ито продала рыбу (твердо засушенную ? весом) 10 кин (ныне около 6 кг) мерой 10 связок рядовых 4 связки в пучках 10-й месяц 3-го года дзинго кэйун (769 г.)" /20/. Налицо примеры почетного подношения, денежного содержания, подати, сделки, ашедшие отражение на бирках.

Бирки складские указывают на род и количество продукции, хранящейся в определенном месте на государственном складе. На одной из таких бирок читаем: "... Центральная кладовая Монеты и грубый шелк (асигину)" /21/. На другой: "Морской окунь толченый (для кушанья суси ?) одна корзина" /22/.

Исходный прототип деревянных табличек с надписями на Дальнем Востоке известен - это Китай, где такие таблички появились за несколько веков до нашей эры, еще до изобретения бумаги, существовали много веков параллельно с бумагой, выполняя общую функцию. Китайские таблички более стандартны и тщательнее выполнены. Они сохранились и в виде серий, образуя связный и пространный текст, чего нельзя сказать о японских. Условия и время заимствования

этой формы фиксации информации Японией пока не определены, но повидимому таблички сразу же сосуществовали с бумагой /23/.

Поскольку первые крупные письменные источники составлены в Японии в 712-720 гг., а прочие памятники письменности (в основном, эпиграфические) немногочисленны, невелики по объему, иногда иноземного происхождения, - японские деревянные таблички являются важным подспорьем для историков. Сфера информации, которую способны пополнить таблички, весьма широка. Это административное устройство, чиновничество, налогообложение, торговые сделки, топонимика, биографии исторических деятелей. Значение табличек не только в новых сведениях, не так уж и пространных, а и в овеществлении данных летописных и других письменных источников, в подтверждении или в опровержении этих данных, причем по таким вопросам, которые не поддаются проверке никакими другими видами источников.

Можно ожидать значительного роста фонда деревянных табличек по мере расширения раскопок, в том числе и ориентированных на поиски табличек. Дальнейшее накопление находок сделает перспективным применение современных технических средств для более полного выявления содержащейся в них информации, прежде всего, той, которая заключена в надписях на стружках и фрагментах. Это сделает возможным, в конечном итоге, введение этих последних в научный оборот.

Включение в научный обиход этого нового вида письменных источников по ранней истории Японии представляет интерес и для нас при разработке темы "Социально-экономическая история средневекового Востока".

-
1. Оба Осаму. Моккан (Деревянные таблички). Токио, 1980, с. 226-230, рис. 10/5,7.
  2. Оба, цит: соч., с. 218.
  3. Kano H. Mokkan. - Kodansha Encyclopedia of Japan. T., 1983, с. 234a.
  4. Нара кокурицу бункадзай кэнкюдзё сирё (Nara National Cultural Properties Research Institute. Publications on Historical Materials), v. V, 1969; v. VIII, 1975; v. XVII, 1980; v. XXVIII, 1986 (The Wooden Tablets From the Nara Palace Site, I-4, Nara).
  5. Tsuboi K. Recent Archaeological Discoveries in Japan. Tokyo, 1987, с. 53-55,
  6. Kano, op. cit., с. 234a.
  7. Publications..., v. 4, 1986, с. IV.

8. Свод законов Тайхорё, 302-702. М., 1985, т. I, Законы XII, XIV.
9. Publications..., n. 3767.
10. "Сёку Нихонги" ("Продолжение Нихонги" [Летописей Японии], 797 г., книга 21). - Кокуси тайкэй, т. 2, Токио, 1897, с.359.
11. Тэйкоку дзиммэй дзитэн (Биографический справочник [Японской] империи). Токио, 1907, с. 394.
12. Цзинь Дифу. Бохай го чжи чжанбянь (Материалы к описанию государства Бохай). Ляоян, 1934, цзюань 7, л. 3 а/б.
13. Publications..., v. 4, 1986, n. 3751.
14. Свод..., т. 2, Закон XXI, ст. 59.
15. Свод..., т. I, Закон IX, ст. 2; Закон X, ст. I, 4, 10.
16. Свод..., т. I, Закон X, ст. 2.
17. Publications..., v. 4, 1986, n. 4668.
18. Там же, № 4662.
19. Там же, № 4669.
20. Там же, № 4661.
21. Там же, № 4677.
22. Там же, № 4683.
23. Оба, цит. соч., с. 222, 236.

М.В.Воробьев

О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВ КИДАНЬСКОГО ЛЯО И ЧЖУРЧЖЕНЬСКОГО ЦЗИНЬ

Несколько лет тому назад в КНР начал выходить новый многотомный "Исторический атлас Китая" /1/. Каждый из томов посвящен крупному историческому периоду, снабжен предисловием, содержит свыше полусотни карт (цветных) с географическими наименованиями (старыми и современными, иероглифическими, выделенными разными цветами), имеет общий указатель. Полиграфическое исполнение хорошее, а дублирование названий томов, предисловий на английский язык расширяет возможности использования "Атласа". "Атлас" несомненно является научным событием и заслуживает специального разбора.

Не ставя перед собой такой задачи, мы хотим остановиться на одной из проблем, вынесенной нами в заглавие сообщения и связанной с томом шестым "Атласа" /2/. Северная граница Ляо и Цзинь на пространстве между 120-145° в.д. проведена по 54-55° с.ш. одинаково для обоих государств. Т.е. северные пределы этих государств по "Атласу" включали Амурскую обл., южную половину Хабаровского

края, Сахалинскую обл., Приморский край по современному административному делению СССР. Правда, в легендах к картам № 3-4, 42-43 по поводу условного обозначения - сплошной жирной линии, отмечающей границу, сказано: "граница режима или племени". Однако эта оговорка носит формальный характер, поскольку для выделения территории племен не использованы общепринятые средства: один цвет без линии, прерывистая линия и т.п. Но даже если принять эту оговорку, все равно северная граница бытования киданей и чжурчженей неоправданно отодвинута столь далеко на север. Памятники культуры киданей неизвестны в подавляющей части обсуждаемого региона: на среднем и нижнем Амуре, в Приморье; памятники чжурчженей обнаружены лишь непосредственно в бассейне среднего и средненижнего Амура и в Приморье, но не за их пределами /3/. К тому же они в основном принадлежат к бытовой, а не к государственной культуре, т.е. могут свидетельствовать о распространении "племени", но не "режима".

Как обстоит дело с северными границами владений киданей (Ляо) и чжурчженей (Цзинь) в действительности? Пока они четко не определяются. Карты того времени не сохранились. Первоисточники по этим государствам, составленные по оригинальным материалам ("Ляо ши", "Цидань го чжи", "Цзинь ши", "Да Цзинь го чжи"), в разделах "география" не содержат точных сведений именно по этому вопросу. Вероятно, в те времена вообще не ощущалось необходимости в пограничном размежевании в отдаленных и слабо заселенных районах на севере - в отличие, скажем, от Центральной и Восточной Маньчжурии. Во всяком случае, Амур (Хэйлунцзян) был известен, по крайней мере в той своей части, которая виделась с юга и с позиции южных его притоков, например, р. Сунгари (Хуньтунцзян; последнее название в старой китайской литературе прилагалось и к части Амура). Из комплекса географических сведений этих первоисточников можно заключить, что на севере Ляо скорее всего не доходило до Амура, а на востоке - до Приморья; граница Цзинь могла достигать среднего Амура, включала Приморье.

Авторы последних фундаментальных работ по Ляо (К.А. Витфогель и Фэн Цзя-шэн, Симата М.) или по Цзинь (Миками Ц., Толяма Г., Тао Цзиншэнь) склонны считать верхнее среднее течение Амура для киданей и средненижнее течение Амура для чжурчженей предельно возможными зонами распространения упомянутых народностей. И даже в этих случаях, составляя карты, они часто обрезают их на этом участке, не желая связывать себя недоказуемыми предположениями /4/.

Если мы обратимся к другим атласам, то увидим, что они куда скромнее в определении протяженности Ляо и Цзинь на севере. В атласе, вышедшем в Китае в конце XIX в. и еще сохранившем старую

проекцию, границы обоих государств не обозначены; нанесены лишь главные населенные пункты: для Ляо на севере до 45° с.ш., для Цзинь - до $46-47^{\circ}$ с.ш. (в обоих случаях включая Приморье в СССР на востоке) /5/. По атласу А.Хермана северная граница империи Ляо шла строго по среднему и нижнему Амуру и к югу по побережью Японского моря. Однако северная граница Цзинь доходила до Амура лишь у Хабаровска и несколько ниже его /6/. Составители японского атласа выводят северную границу Ляо и Цзинь на Амур, но не далее на север от него /7/. Один из новых англоязычных атласов срезал северную границу Ляо и Цзинь /8/, другой показывает, как северная граница Цзинь от места впадения р.Зеи в р.Амур пересекает 50° с.ш. и выходит к Охотскому морю напротив северной оконечности о.Сахалин /9/, т.е. граница этого последнего атласа в чем-то приближается к границе на картах № 42-43 "Атласа". Какие-либо географические названия на этой части карты отсутствуют.

Но, возможно, исторические и историкогеографические розыски в КНР за последние десятилетия выявили новые материалы, меняющие отношение к проблеме северных границ в целом? Нам они неизвестны, нет на них ссылок и в Предисловии к тому "Атласа". Подтверждением появления таких ссылок-материалов могло бы стать нанесение на карты новых географических названий и, особенно, наименований населенных пунктов на отдаленном севере, или хотя бы обоснованное перемещение уже известных в северные пределы. Первых нет, со вторыми, как мы увидим далее, дело сложнее. Пространство на рассматриваемых картах "Атласа" севернее Амура почти пустое. На него просто распространена губерния Дунцзинду (Восточной столицы) Ляо и губерния Шанцзинду (Верхней столицы) Цзинь с подчиненными губерниями Фуэйлу, Хулигайлу, Суйпинду.

На картах, отведенных Ляо (№ 3-4, 8-9), севернее Амура среди единичных географических названий вообще нет ни одного достоверного. Губерния Ваньдулу, помещенная по левобережью Амура ниже Хабаровска, похоже, никогда не существовала, как и губерния Суйпинду - их нет в упоминавшихся киданьских первоисточниках. На месте последней в Ляо, впрочем, какое-то время находилась область Шуайбиньфу (на крайнем юге Приморья). Прочие названия: алимэй (по правобережью Амура от Хабаровска до Сахалина включительно), уэ (по левобережью Амура от Хабаровска до Сахалина, ближе к устью Амура) - этнонимы племен, которые даже по "Цидань го чжи", 22 жили за пределами Ляо, хотя время от времени платили киданям "дань". Местонахождение этих племен неоправданно отодвинуто на север: алимэй жили к северо-востоку от Ляо (в маньчжурских границах последней), т.е. между рр.Сунгари и Уссури; уэ - в При-

морье и по р.Уссури. Племя бигудэ, помещенное на картах "Атласа" на левобережье у слияния Сунгари с Амуром, по "Ляо ши", 46 вообще относилось к западным племенам /10/.

Угобу, или "Племена пяти стран", помещенные в "Атласе" на Амуре близ впадения в него р.Сунгари, в действительности располагались по среднему течению Сунгари /11/. Шивэй "Цидань го чжи", 26 относит к самостоятельным владениям. Южные шивэй были союзническим племенем, северные - самостоятельными. Дунхай нойчки (чжурчжэни Восточного моря), включаемые "Атласом" в границы Ляо, жили в Приморье, вдали от империи Ляо.

Сказанное в полной мере справедливо и в отношении карт, ответственных для Цзинь (№ 42-45, 48-49). Часть географических названий механически перенесена на эти карты с карт, посвященных Ляо; некоторые с изменениями. Так, вместо губернии Ваньдулу появилась гора Ваньдулушань, помещенная на территории современной Еврейской а.о. СССР. "Цзинь ши", 24 упоминает эту гору, но помещает ее между рр.Сунгари и Уссури /12/. Губерния Хулигайду попала на левобережье Амура вплоть до Татарского пролива - по "Цзинь ши", 24 она располагалась в 630 ли (= 300 км) от Шанцзина на восток, т.е. к юго-западу от оз.Ханко /13/. На крайней оконечности поля есть одно название - Холуходуань моукэ (Застава сотни Холуходуань). Название помещено на 55° с.ш., к югу от Станового хр.Относительно этого пункта есть интригующее замечание в "Цзинь ши", 73; источник отводит ему место в 3000 ли (= 1500 км) к северу от Фуюнду (т.е. вероятно от одноименного центра губернии). Это расстояние на карте как-то соблюдено, несмотря на свою загадочность /14/. Надпись цзилими (по левобережью Амура ближе к устью и на о.Сахалин), а также удигай (по левому берегу Амура далее к устью) - все это этнонимы. По "Цзинь ши", 24 это "дикари", жившие за восточной границей Цзинь: первые - ближе к устью Амура, последние - по рр.Сунгари, Уссури и к востоку от последней реки /16/.

Таким образом анализ топонимов и этнонимов за Амуром и в соседних районах на картах Ляо и Цзинь "Атласа" не дает основания для признания северной их границы в предлагаемом "Атласом" варианте. Перенесение этих границ на север за Амур осуществлено как за счет простого механического продления протяженности пограничных губерний Ляо и Цзинь, возможно не имевших фиксированных границ, так и за счет включения в пределы этих государств ряда народностей-союзников (сев. шивэй), данников (ужэ, Угобу), наконец, просто соседей (удигай, цзилими), размещенных в "Атласе" чрезмерно пространно.

-
1. "Чжунго лиши диту цзи". Под общей редакцией Тань Цисяна (The Historical Atlas of China. Chief Editor Tan Qixiang. Shanghai. Cartographic Publishing House). 1982. -, vv. I-6 - .
  2. Цит. соч., v. VI. The Liao Dynasty and Northern Song Dynasty Period. The Jin Dynasty and Southern Song Dynasty Period. Shanghai, 1982.
  3. В.Е.Медведев. Культура амурских чжурчженей: конец X-XI век. Новосибирск, 1977, рис. I.
  4. K.A.Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907-1125). Philadelphia, 1949, map; Shimada M. Study on Social History of Liao. Osaka, 1952; Mikami Ts. A Study on the Administration System of the Chin Dynasty. Tokyo, 1970; Toyama G. Studies in History of Chin Dynasty. Kyoto, 1964, map; Tao Jingshen. The Jurchen in Twelfth Century China. Wash., 1976, map.
  5. Historical Atlas of the Chinese Empire. Sh., 1888, map nn. I9, 20.
  6. A.Herrmann. An Historical Atlas of China. Chicago, 1966, maps on pp. 36, 38-39.
  7. Адзия рэкиси тидзу. Составители Мацуда Хисао и Мори Сикадзу. Токио, 1968, карты № 69/2, 83/1.
  8. The Times Atlas of China. L., 1974, p. XI.
  9. Cultural Atlas of China. By C.Blunden, M.Elvin. Oxf., 1983, p. 98.
  10. Beiträge zur historischen Geographie der Mandchurei. Herausgegeben Dr. K.Shiratori. Tokio, Bd. 2, 1912, pp. 201, 46, 200.
  11. Beiträge..., p. 12.
  12. Beiträge..., p. 199.
  13. Beiträge..., p. 138-140.
  14. Beiträge..., p. 126.
  15. Beiträge..., p. 204.

Г.Р.Галданова

К ПРОБЛЕМЕ МОНГОЛЬСКОГО ШАМАНИЗМА (XII-XIII вв.)

(по материалам рукописных обрядников)

Понятие "шаманизм" чрезвычайно сложное, не даром до сих пор еще не сложилось однозначного его определения. Основой, объеди-

няющей ранние религиозные верования разных этносов под названием "шаманизм", является специфический характер служителя культа - шамана, особенность которого заключалась в его "одержимости духами", в способности, приводя себя в состояние экстаза, "совершать путешествия" в иные миры.

Представляя явление стадияльное, типологически единое, шаманизм разных народностей мира и имеет свою специфику, поэтому, естественно, целесообразнее рассматривать проявления шаманизма каждого конкретного региона.

При изучении монгольского шаманизма, относящегося к типу центрально-азиатского или алтайского, выявляется его неоднородность, выражающаяся прежде всего в существовании двух типов служителей культа и соответственно разных объектов культа. Наряду с куклами по сути чисто шаманскими, отмечается иное "культовое сообщество" - тэнгрии, в качестве служителей которого не могли выступать шаманы (не смешивать монгольский шаманизм XIII в. с развитой системой бурятского шаманизма).

Шаманизм - религия родового общества. Мировоззренческие концепции шаманизма опираются на представления о культе предков. Представления о тэнгриях - также продукт родовой системы. Однако тэнгрии выступают как божества-покровители определенных родоплеменных групп, но не предки (во всяком случае не реальные предки). Служителями культа тэнгриев, вероятно, были старейшины родоплеменных общностей, которым предписывалось "освящать годы и месяцы". У ранних монголов они были известны под названием "бэхи".¹ В XII-XIII вв. "бэхи" были жрецами-предводителями. В более позднюю эпоху их называли или старейшинами, или "белыми шаманами" в отличие от действительных шаманов, которых определяли как "черные шаманы". Старейшины (белые шаманы) наследовали функции "бэхи", они обладали правом проводить родовые моления, запретные для чужеродцев и шаманов (черных). Они совершали моление горам, что в сущности представляло модифицированное почитание тэнгри, так как моление тэнгри всегда связывалось с высокой горой.

И жрецы-бэхи, и шаманы обладали свойствами предсказываний. В чем же заключалась разница между разными служителями культа и между объектами их культов, собственно шаманскими онгонами и родоплеменными тэнгриями?

Во-первых, шаманские онгоны обязательно имели материальное воплощение, например, в виде маски. Вещественные изображения онгонов изготовлялись из различных материалов, часто встречались онгоны в виде шкурок зверей. Тэнгрии, между тем, не имели иконо-

графических или статуарных изображений, ибо по своей природе, в силу своей всеобъемлемости они не могли быть заключены во что-то или зафиксированы на чем-то.

Во-вторых, онгяны, как обладающие способностью "вселения", временно могли покидать свое местопребывание, чтобы "войти" в шамана. Чаще всего в шамана "вселялся" его онгон-покровитель, а другие онгоны, помощники шамана могли находиться рядом с ним, становясь его ушами, его глазами, они нашептывали ему текст заклинаний. Что касается тэнгриев, им было свойственно, внимая призываниям старейшин-жрецов, прибывать, "спускаться" на место родового моления, чтобы причаститься (хуртэхэ) к жертвенным дарам, тем самым, "освящая их".

В-третьих, шаманский дар передавался по наследству, то есть здесь присутствует элемент избранничества шамана духами, наличие особой психической организации шамана. А для родового жреца главным условием его назначения коллективом в почетное звание "бэхи" было наличие возрастного статусного родства.

В-четвертых, основное действо шамана - камлание (чаще всего ночное), после проведения которого шаман чувствовал во всем теле легкость и бодрость. А родовые жертвоприношения составляли привилегию жрецов. У жрецов не было специфического ритуального костюма, их основные атрибуты при призывании тэнгриев сводились к опахалу или древесной веточке.

В-пятых, у шаманов не было письменно зафиксированных текстов призываний, заклинаний, ибо согласно шаманским воззрениям, каждый раз нужные слова ему наговаривали онгоны-помощники. По верному замечанию В.Инкижинова, "шаманское заклинание - это молитва творимая, живая, идущая на чистом темпераменте" создателя.²

В чем же ведении находились те рукописи обрядников, которые известны как "шаманские"? Само название "шаманские" - очень условно, ибо среди так называемых "шаманских" обрядников значительная доля переводных с тибетского или составленных ламаистскими иерархами на основе старинных текстов, то есть обрядников синкретического характера. Однако, несомненно, что часть рукописей представляет копии оригинальных монголоязычных культовых текстов. Эти тексты по тематике включают в основном сюжеты по культу огня и культу тэнгриев, связанных с календарными и хозяйственными обрядами, проведение которых не входило в компетенцию шаманов. Возможно, культовые монголоязычные тексты изначально бытовали в устной форме, а фиксацию их на письме наиболее достоверно отнести к первой половине XIII века, сопрягая данный факт с возникнове-

нием монгольской империи.

В это время, в период складывания централизованного государства, на основе традиционной религиозно-мифологической системы возникают общегосударственный культ Неба, культ огня очага рода Борджигин. Гимны-моления, посвященные им были запечатлены письменно.

Великое божество Неба – Тэнгри было известно уже хуннам, создавшим впервые в Центральной Азии могучую кочевую державу. Культ Неба был очень развит у древних тюрков. Появление в идеологической системе кочевых держав Центральной Азии божества Неба было вызвано образованием единого государства, централизацией родоплеменных культов. В XIII веке с появлением государственности у монголов главным их божеством также становится Небо, Вечное Синее Небо (Хух Мунх тэнгри), ибо в составе кочевых народов Центральной Азии часто выступали в различных комбинациях одни и те же этнические элементы, традиции этнических предков или предшественников воспринимались и передавались последующим поколениям различных групп кочевников.³

Официальные документы периода монгольской империи указывают на большую значимость культа единого божества-Тэнгри, "милостью и силой" которого, как считалось, было обусловлено существование и процветание империи Чингис-хана. Все происходящее трактовалось как проявление силы Неба (тэнгриин хуч), реализация мыслей (тэнгриин санаа) и воли Неба (тэнгриин заяа). Введение культа единого божества, санкционирующего каганскую власть в общемонгольском государстве, сопровождалось усиленным внедрением принципа "на небе господствует только Тэнгри, а на земле – только один Чингисхан".⁴

Культ Вечного Синего Неба, приобретая характер государственного, становится ярко выраженным. В силу явного выделения Тэнгри и универсализма его функций в религии древних тюрков, некоторые ученые видели в ней особую веру, близкую к монотеизму. При характеристике древнетюркской религии отдельные исследователи использовали термин "тенгризм" для обозначения одной из трех составляющих ее частей.⁵

Говоря о древнемонгольской религии монголов Б.И.Кузнецов и Л.Н.Гумилев считали невозможным определять ее как "шаманизм", полагая, что основу религии монголов XII-XIII вв. составлял культ двуединого божества (Небо-Земля), а не монотеистического Тэнгри. По их мнению древнемонгольская религия представляла собой разновидность иранского митраизма, согласно основному тезису которого

Небо вместе со своей супругой Землей правит всеми другими божествами.⁶

Жан-Поль Ру, оспаривая использование термина "шаманизм", ко всему комплексу религиозных верований древних турко-монголов применяет слово "паганизм" (язычество), хотя и сам признает мало-пригодность данного термина.⁷

Государственный культ единого Тэнгри у монголов XIII в. развивается в русле традиционных родовых концепций. Каждая родоплеменная общность имела своего тэнгри, гения-хранителя и покровителя, жертвоприношение которому совершалось старейшиной рода. В условиях государственного объединения жертвоприношение, моление всеобщему единому Тэнгри совершали представители клана чингисидов. Никто иной не имел этого права, ибо не принадлежал к правящему "золотому" роду, "происходящему от Неба". Роль главного жреца в начальный период монгольского государства исполнял "бэхи" - старец Усун, старший из чингисидов.⁸

Кроме жреца при монгольских ханах всегда находились в качестве предсказателей шаманы и китайские астрологи, однако и сами ханы занимались гаданием на бараньих лопатках (например, Угэдэй хан, Мункэ хан).⁹ Император Чингис, проверяя предсказателей, также сжигал бедреную кость.¹⁰

Главным предсказателем воли Тэнгри, толкователем знамений, согласно Рашид-ад-дину, был Тэб тэнгри, характеризующийся как ясновидец, раскрывающий тайны, предсказывающий будущее. Говорили, что Тэб тэнгри "посещал небо на белом коне".¹¹ И вероятно, он исполнял одну из основных функций шамана - лечебную. По сведениям Б.Я.Владимирцова имя Тэб тэнгри упоминается в лечебнике с различными рецептами, где говорится, что лечебную книгу Хубилай хану поднес Тэб тэнгри арши.¹² В обрядниках также упоминается божество лекарств и лечения (эм эмнэлгийн тэнгри), называемое Хан хара тэнгри (черный). Отметим, что шаманские божества-онгоны у ламаистов назывались "хара тэнгри". Само имя-прозвище Тэб тэнгри как будто указывает на его способность общения с Тэнгри. Если бы в данном имени слово "тэнгри" было зафиксировано в форме "тэнгричи", можно было бы с уверенностью говорить о Тэб тэнгри как жреце, осуществлявшем связь с Тэнгри. Отметим однако, что другое имя - Кокечу, которое часто толкуется как его собственное имя, возможно, действительно указывает на эту функцию, так как "кок" - это "небо", а "чу"/"чи" - суффикс деятеля. Таким образом, можно предположить, что Тэб тэнгри был реальным претендентом на роль главного жреца в силу своих необычных магических

качеств, личных способностей, а значит и соперником Чингис-хана. Согласно концепции власти у кочевых народов, суверенная власть кагана вытекала из его магической власти, поэтому каган считался одновременно и верховным духовным лицом государства,¹³ или же духовная власть принадлежала его родственнику. Как представитель оппозиции Чингис-хану Тэб тэнгри был умерщвлен чингисидами "волею Неба", то есть наказан самим Небом. Жреческая функция осталась привилегией членов "золотого" рода.

Возможно, государственные жрецы XIII века назывались "тэнгри-чи" или "кокечи" в связи с идеологией "тэнгризма". Тэнгризм – культ тэнгриев разрозненных родо-племенных общностей, которые при формировании централизованного объединения воплощаются в едином общенародном божестве Хух Мунх тэнгри, многозначном и полифункциональном. При распаде единого государства главное Тэнгри становится одним из тэнгриев, равных другим тэнгриям.

Кроме официальных документов образ Тэнгри запечатлели в некоторой степени монголоязычные обрядовые тексты, где Тэнгри не маркируется как божество монотеистическое. Наряду с ним выступают другие тэнгри, каждый из которых характеризуется как "главный из сонма тэнгриев" (хамгийн дээд), а также божество земли Этуген, почти идентичное ему по значимости.

Высшее Тэнгри (Хух Мунх тэнгри) зачастую отождествляется с Тэнгри-создателем – Заячи тэнгри, который представляется одним из основных 9 или 99 тэнгриев (числа абстрактные, но часто перечисляются конкретные названия 9 тэнгриев). Образ Высшего Тэнгри и отождествляемого с ним Заячи тэнгри, возможно, сложились под влиянием мифологических воззрений соседних, более развитых стран, особенно таких как Китай и Иран.

Тезис Б.И.Кузнецова и Л.Н.Гумилева о сходных моментах древнемонгольской религии и митраизма подкрепляется одним из основных признаков Заячи тэнгри, обладающего "ни с чем несравнимым великим светом" (улгэргуй агуу их гэгээн чанартай). Этот признак явно указывает на близость образа Тэнгри образу Митры-божества света. К тому же Заячи тэнгри представляется одновременно и как отец всех живых существ, и как явившийся их матерью. Аналогично этому Митра иногда выступает как божество, совмещающее мужской и женский пол.¹⁴

И Высшее Тэнгри и Заячи тэнгри характеризуются как самовозникшие, не сотворенные (уусгэлгүй өөрсдөө уудэгсэн) могущественные тэнгри. Высшее Тэнгри возникло, "не показывая своего тела, не показывая своих рук и ног" (ул узуулэн). Заячи тэнгри возник также "не показывая теловесно-великого тела" (хунд их биеэ ул

узуулэн). Оба они обладают несравненно великой светлой сущностью. Высшему Тэнгри воздается благодарность за то, что "он создал жену (женщину), лежащую у груди", то есть близкого сердцу друга, "сына (детей), лежащего у ног", то есть почитательного потомка, и наделил ими в достатке (эвэрт хэвтэх эм, хөлд хэвтэх хуу элбэг заяагсан). По предопределению Тэнгри становятся сановниками (во-ен болгон заяагсан), в его власти удлинять сроки жизненных лет (амь насыг урт болгогчи), он создатель всего и всех. Заячи тэнгри точно так же обладает свойством удлинять жизнь, умножать богатство, домашний скот, он податель удачи, "создающий старшего брата старшим, младшего брата младшим", он является отцом-создателем живых существ, многочисленных как муравьи" (шоргоиж мэт амитани эцэг-заяачи), он стал всеобщим божеством, которому поклоняются все люди (еронхийн шүтээн болсон, хуний шүтээний заяачи). Заячи тэнгри описывается имеющим цельное тело (бухэд биетэй), выпуклые глаза (бултэгэр нудтэй), причем все его тело является местом средоточия счастья, благодати, богатства (бух биень мал эд буян хишиг тогтогсон). Необъятное тело божества, содержащее в себе всевозможное "счастье" изливает, излучает его через свои выпуклые глаза-окна. Заячи тэнгри – мать (заячи эх тэнгри, зол заяачи эх) обладает солнечно-лунным телом (нар сар биетэй). Во время отделения неба от земли, в период возникновения солнца-луны Заячи тэнгри было предопределено восседать выше других 9х9 тэнгриев (тэнгри газар салах уед, нар сар уусэх уед бусад 9х9 тэнгринарын дээр суух тэнгри). И Заячи тэнгри, и Высшее Тэнгри обладают созидательными функциями, оба не персонифицированы, оба наделены космическими признаками. Высшее Тэнгри описывается как обладающее шелковым ликом и пестрыми глазами (торгон чарайтай, адаг нудтэй), то есть представляется воплощением шелкового сво-да небес и бесчисленных глаз – звезд, солнца-луны.

Близким к названным выше двум тэнгриам, вероятно, тождественным им выступает в равной мере могущественное, обладающее идентичными функциями божество – Атаа тэнгри. Ему также присущи космические признаки: он обладает великим молниевым телом (цахилган их биетэй), то есть его тело – молния, его мать – облака или "его начало в облаках" (уух эхэтэй), у него громогласный голос, способный объединять мысли всех (хамгийн санаа нэгтгэгч хурхрэх их дуутай), способный вызывать десяти тысячное эхо (түмэн дууриатай).

Согласно обрядовым текстам тэнгри очень часто изображаются идентично, например, много общих черт в описании Хух Мунх тэнгри и Заячи тэнгри, Хисагаа тэнгри и Атаа тэнгри, и в то же вре-

мя Атаа тэнгри присущи космические признаки, свойственные двум первым тэнгриям. А в целом их отличает многофункциональность и слабая их дифференцированность.

Среди рукописей по культу тэнгри можно выделить обрядник под названием "Создатель всего сущего Хан Вечный тэнгри" (хамуг-и заягсан Хан Мунхэ тэнгри ене буй). Один из вариантов текста обрядника был опубликован В.Хайссыгом,¹⁶ другой, более расширенный, но в основном идентичный ему, текст находится в хранилище восточных рукописей ЛО ИВ АН СССР (шифр Д-87).¹⁷ В данных текстах равным образом отдается почтение Божеству Неба и Божеству Земли с его горами и реками. Божество Земли в первом случае названо "улуген эхэ", а во втором – "этуген эхэ", причем в этих текстах Матери-земле уделяется даже большее внимание, нежели Божеству Неба, хотя по названию моление посвящается именно Небу. В начале текста содержится обращение к шелководику Небу с пестрыми глазами и к масляноликой Земле с золотыми ушами (эпитеты плодородия и богатства), далее называются отдельные части земли: гора, именуемая Богдо иши хан (святой главный хан), мать-река, именуемая Хатун (царица). И лишь в конце текста Д-87 – снова обращение к Мунхэ тэнгри в стиле обычном для призывания Тэнгри. В обоих текстах зафиксировано довольно подробное описание Богини земли, царственной земли-воды во главе с горным хребтом Хангай хан (Хангай хан тэргүүтэн хамаг хан газар-усан), у которой "сгибающийся стан, наполняющееся вымя, выступающие лопатки, сжимающиеся щели, огромные подмышки, необъятное тело":

тонгойжи байху зоо чинь
дугурэжу байху дэлэн чинь
жимийжу байху завсар чинь
зарбайжи байху далан чинь
нийтэ ехэ хуга чинь, ургулжи бэету...

Два варианта текста примечательны тем, что в них отражены представления, подтверждающие тезис о культе двуединого божества у монголов XIII в., что особенно очевидно из двух строчек призывания: "соизволь одарить взглядом пестрых глаз,

соизволь прислушаться золотыми ушами" (хойор алаг ниду-ийен хилам хижу, алтан чихи-ийен шагнас хижу ажийамуй).

Определяя религию монголов XIII в., начального периода монгольской империи, вероятно, будет правильным выделить в ней во-первых, официальный государственный культ единого божества-Неба, который появился у древних тюрко-монголов, возможно, под влиянием китайской политической культуры. Во-вторых, религию массового

уровня, основанную на мировоззренческих концепциях "тэнгризма", тэнгриев-покровителей отдельных родо-племенных групп. Тэнгрии – это божества не только небесного происхождения, не только "олицетворение небесных явлений или способностей и страстей человеческих".¹⁸ Слово "тэнгри" в данном случае означает вообще "божество", подтверждением чему являются географические названия Центральной Азии, позволяющие раскрыть почти достоверно персонификацию божества в горе (тэнгри таг), озере (тэнгри нор).¹⁹ Религия массового уровня или народная религия была синкретичной по содержанию, однако определяющее направление в ней занимали концепции "тэнгризма", что можно видеть по содержанию древних обрядовых текстов, называемых "шаманскими".

-
1. С.А.Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941, § 216.
  2. В.И.Инкижинов. Проблемы бурят-монгольского театра. – Жизнь Бурятии. 1929, № 3-4, с. 51.
  3. Л.П.Потапов. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов. – Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1970, с. 51.
  4. В.Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, с. 162.
  5. С.Г.Кляшторный. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. – ТС 1977. М., 1981, с. 124.
  6. Б.И.Кузнецов, Л.Н.Гумилев. Бон (древняя тибетская религия) – Доклады ГО СССР. 1970, в. 15, с. 86, 88; Л.Н.Гумилев. Древне-монгольская религия. – Доклады ГО СССР. 1968, № 4-6, с. 31-38.
  7. J.P.Roux. Tängri. Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaïques. RHR. 1956, t. 149.
  8. Б.А.Владимирцов. Монгольские титулы beki и begi. – ДАН-В, 1930, № 9, с. 164-165.
  9. Н.Ц.Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965, с. 101.
  10. Мэн-да-бэй-лу. Полное описание монголо-татар. М., 1975, с. 79.
  11. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л. 1952, Т. I, кн. I, с. 165.
  12. Б.А.Владимирцов. Упоминание имени Тэб тэнгри в монгольской письменности. – ДАН-В, 1924, № 7-9, с. 116.
  13. Л.П.Потапов. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. – Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1970, с. 15.

14. Б.И.Кузнецов, Л.Н.Гумилев. Бон (древняя тибетская религия). - Доклады ГО СССР. 1970, в. 15, с. 86.
15. Обрядники М-П 51, М-П 116, КМ 1238 из РО БИОН, г.Улан-Удэ. Обрядники С 148, Д 87, О 330, О 1318, С 431, С 234, В 323, В 199; В 42 - А.Г.Сазыкин. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М., 1988, с. 216-218.
16. W.Heissig. Mongolische volkreliigiöse und folkloristische Texte. Wiesbaden, 1966.
17. Н.Н.Поппе. Описание монгольских "шаманских" рукописей Института востоковедения АН СССР. Л., 1932, в. I, с. 197.
18. Доржи Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова. СПб., 1891, с. 28.
19. J.P.Roux. Op. cit.

Р.Н.Дугаров (Улан-Удэ)

КОЧЕННИКИ СЭРТА (ЗОЛОТОЙ КОНЬ) (к истории происхождения)

В горах Амдо (пров. Цинхай КНР) до сих пор кочуют тангутские и тибетские племена, в числе которых своей таинственностью происхождения, своеобразием обычаев и традиций выделяется племя сэрта (золотого коня), относящееся к конфедерации племен голок. Еще с древних времен в верховья Хуанхэ уходили беглые тангуты, монголы и тибетцы. Каждая группа, обживая горные долины правых притоков Мацу (Хуанхэ), самоутверждалась, сохраняя свои родовые традиции, обычаи, легенды и отчасти язык.

Сведения о происхождении сэрта содержатся в родословных хрониках. Мы не располагаем хрониками самих сэрта. Тайны прошлого сэрта раскрывают родословные хроники черных минягов.

Сэрта были близки к черным минягам по своим традициям и генеалогическим представлениям, но отличались от минягов, притом "черных", определениями "золотой", "желтый" и, возможно, "солнечный". По словам Д.Н.Рериха солнечные голоки гордились своим происхождением.

Возможно, солнечные или желтые дон-миняги в составе голоков превратились в сэрта (желтый сэрта или золотой конь). Общеизвестно особое почитание коня тангутами.

Родство племени сэрта с черными минягами отмечено в родословной хронике потомков Черного молодца (Ми-нага), который одержал по легенде победу над голоками, с помощью волшебного девятиострого меча духа-ширага Мачен-Помра, хозяина горы Амне-Мачен, что в излучине Желтой реки. Могущественный дух во-время "подал" в руки вождя Ми-нага волшебный меч.

Таким образом, источник упоминает о культурных связях черных минягов с голоками.

Возможно, в верховьях Ма-чу желтые дон-миняги отделились от основной массы минягов и ушли на водораздел рек Желтой и Голубой. В этот период желтоортых кочевников возглавили потомки одного из четырех сыновей старейшины Гэлэ (Гэсэр?) по имени Бандэчжаб-шара (шара по-монг. желтый).

По традиции минягов Гэлэ 'считался' потомком Ми-нага, персонажа генеалогической легенды, и имел четырех сыновей: Гэцхэ, Гэпхан, Гэчжал и Бандэчжаб. Последний, младший, по традиции должен был остаться наследником отца и хранителем домашнего очага. Как было на деле и как сложилась судьба Бандэчжаба - неизвестно. Если судить по имени Бандэ (чжаб-хранитель) он вполне мог быть монахом как древней тибетской религии бон, так и ламой. Бандэчжаб стал родоначальником княжеского клана племени сэрта.

У Бандэчжаба или Бан...шара было двое сыновей. От рода старшего сына Тагхха-пхана берет начало княжеский род сэрта (по "Дэбтэр-чхамцо" сэр-тала, т.е. желтая степь в переводе с монгольского). Родовое кочевье - Шой-ког или ру (ког-аймак, ру-крыло, фланг).²

Сэрта, в основном, занимались скотоводством, разводили яков, содержали стада баранов, коров и табуны лошадей, предпочитая соловую масть коней. Лошадей и яков посвящали духам-хранителям родовых гор. Летом скот содержали на альпийских лугах, на зиму перегоняли к постоянным местам зимовий, где имели строения, дома, сложенные из камней, дерева и глины.

У племени сэрта были "четыре крепости-городка, которые они удержали и после захвата их земель в верхней До-чу (Каменистая река) отрядами голоков."³ Сэрта подчинились голокам и стали называться голок-сэрта. Они подверглись влиянию голоков, но сохранили свой говор. Д.Н.Рерих писал, что говор голоков "сэрта", или "золотого коня" отличался от говора самих голоков, которых он считал "весьма архаичным".⁴

Путешественник П.К.Козлов писал, что племя или округ Сэрта состоит из тринадцати хошунов (пять тысяч кочевников), они ко-

чуют по водораздельному хребту между реками Голубой и Желтой, к юго-востоку от верховья речки Куку-усу - притока Хуанхэ.⁵

-
1. П.К.Козлов. Монголия и Кам. Т. I, ч. 2. СПб., 1906, с. 592-593.
  2. Дэбтэр-чхамцо, т. I, л. 278^б 4-5.
  3. Там же, л. 278.
  4. См.: Ю.Н.Рерих. Тибетский язык. М., 1961, с. 23.
  5. П.К.Козлов, ук.соч., с. 592-593.

Р.Н.Крапивина

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ В "ИСТОРИИ ТИБЕТА" ПЯТОГО ДАЛАЙ-ЛАМЫ (1617-1682)

Здесь представлен опыт перевода с тибетского на русский язык одного раздела из хорошо известного науке сочинения, занимающего в тибетской историографии одно из самых значительных мест.¹ При этом, насколько нам известно, сочинение не переводилось полностью ни на один из европейских языков, самая значительная часть переводов из него содержится в книге Д.Туччи.² В тибетской исторической литературе "История Тибета" относится к типу "чжадрабов" - "царских родословных". Большое внимание в сочинении уделено гражданской, политической истории страны. "История Тибета" была написана весной 1643 г. в ознаменование события, произошедшего годом раньше, весной 1642 г., когда хошутский Гуши-хан (1582-1655), завоевав Тибет, передал власть в качестве религиозного подношения своему учителю-духовнику Пятому Далай-ламе Агван-Лобсан-Чхамцо. По словам Пятого Далай-ламы, автора "Истории Тибета", основной целью сочинения было показать, что вся история Тибета привела к событию 1643 г. к возрождению тибетской государственности.³

Заключительный раздел посвящен этим событиям и Гуши-хану. Вместе с колофоном он занимает около восьми ксилографических листов обычного тибетского длинного формата, со I0664 по II346.

Основные темы заключительного раздела это:

- 1) обращение западных монголов в буддизм (учение гэлугпа);
- 2) события, связанные с завоеванием Восточного и Центрального Тибета Гуши-ханом;
- 3) констатация отношений "духовник-милостынедатель", установившихся в 1642 г. между Пятым Далай-ламой и Гуши-ханом, с ис-

торической ретроспекцией, упоминанием аналогичных отношений, существовавших между Пагба-ламой и Хубилаем в XIII веке, и между третьим Далай-ламой Соднам-Чжамцо и монгольским Алтан-ханом в XVI в.

В литературе известно очень мало деталей обращения западных монголов в буддизм. По этому поводу у Пятого Далай-ламы во всем сочинении имеется два пассажа, оба в заключительном разделе (л. I08a3-4; л. I08b3-4). На основании этих пассажей в литературе делается вывод о том, что западные монголы были обращены в буддизм на грани XVI и XVII вв.⁴

События, описывающие завоевание Тибета Гуши-ханом (л. I09a6-b2; л. I09b3-4; л. I09b5 - II0a2) мало чем отличаются от аналогичных пассажей из других источников: "Автобиографии Пятого Далай-ламы"⁵ "Истории Кукунора".⁶

Отношения "духовник-милостынедатель" (л. I06b4-5; л. I08a3, л. I09b6) стали основой концепции социальных и политических отношений в тибето-монгольском мире и важным понятием исторической литературы Тибета и Монголии.⁷

Историографический метод Пятого Далай-ламы виден и в этом небольшом по объему заключительном разделе. Привязка реальных событий к "пророчествам" свойственна буддийским авторам-историографам. С другой стороны следует заметить, что этим методом создается так же некий интерпретирующий характер изложения исторических событий и, таким образом, большой смысл вкладывается в чтение между строк, то есть в прочтение не только того, что написано, но и того, что не написано.

Перевод

I06b4 Итак, некогда по указу Сэчэна - [Хубилай-хана], избранного Небом императора - Манчжугхоши, все владения великого Тибета и Тибета, обнесенного кругом снегам, были вручены Славному Сакьяпа [- Пагба-ламе].

I06b5 В небесах [император и Пагба-лама] стали известны как двуединные Солнце и Луна, на земле - как две формы [единого] - духовный наставник и милостынедатель.

I06b6 Затем, когда в чередѣ лун приближалась семидесятая луна, появился некто, обладающий скоплением добродетелей, отстраняющих на долгое время даже самые малейшие [неприятные] случаи, в которых кто-то мог бы одолеть его. Земной Брахма, великий Ситу Чжанчуб-Чжалцан - несравненный муж, смелостью и талантом покоривший все земли обширного Тибета. С этих пор, в течение долгого времени, [Тибет находился] только под белым зонтом за-

- I07a1 конов наместника [императора] из славного [рода] Пхагмо-дуба. Так говорили прежде и сейчас.
- Но, после того как Его Величество император ушел в мир иной, Пхагду потеряли (свою) популярность.
- I07a2 Когда-то с грядущими временами стали связывать появление "внезапного царя" и другие [подобные события]. Пророчество великого учителя Тхугчжэ-Чэнбо Падма-Ванчуга [пролило] свет мудрости указанием на клад [тайных текстов "Точка отсчета" -] Пхрэнг-мо, где говорилось: "Когда... появится само воплощение Владыки мира... [он] станет внезапным царем юга и севера и установит учение-доктрину, осуществляющую главное. В течение пятидесяти человеческих лет [его] страна будет пребывать во благе. Когда он потеряет связь с взаимозависимым происхождением [всех вещей], страна его придет в упадок и в конце концов будет унесена ветром времени" - таково было пророчество о приходе внезапного царя...
- I07a3 В тайном пророчестве Нанг-цзэ-нэ говорилось: "В области Цан появится царь, нареченный именем Падма. Но долгое время он не сможет удерживать власть над чертами".
- Итак, если правду не смешивать с ложью, то, что касается разговоров о том, что царем всего Тибета станет сын [рода] Ринпунгба [по имени] Падма-Гарбо, то это грубо выдуманная взаимосвязь [то есть фальшивка]. Никогда [он] не придет!
- I07a5 В пророчестве, найденном великим пандитом из Нгари [по имени] Падмай-Чжалцаб и учителем-ламой Качжуд Риг-дзин-Лэгданба, говорится: "Когда на Джамбулинге, в юго-восточном направлении, у дьяволицы [по имени] Сметливая чернуха родятся девять сыновей, [они] подчинят Джамбулинг и, более всего, эту снежную страну Тибет. В ближайшее время, то есть в течение сорока будущих лет, девять дьявольских воплощений, девять их министров, девять действующих снаружи и внутри злых [местных] духов, девять главных военачальников-советников - всего девятью девять - восемьдесят один - низведут все живые существа в тартарары".
- I0761 Такие пророчества отвечали приметам времени.
- Когда Шинг - министр-сановник Рингпунгба был главой-дпоном дзонга-крепости Самдубцэ, [он] завязал тесные отношения с дпонами Нартангским, Норчунгским, Чжацхой-

- ским и многими другими коллегами по управлению на Севере и на Юге. [Укрепив таким образом свои силы], он поднял восстание против правителя-дэпа Ронга. С тех пор возникшая [в стране] анархия только умножалась.
- Так высочайшая слава власти постепенно, усилиями царя Верхнего Цана, приведшая к подчинению всей [территории] Уй и Цан [исчезла] подобно солнечному кругу, проглоченному Сыном Львицы.
- Что же касается того, кто захватил [в тот момент] целиком и полностью власть и народ и сделал это самостоятельно, то он и есть Чакравартин [-Вселенский Владыка] смутного времени [-Калиюги], Данцзин-Чойчки-чжалбо [-Хранитель Учения и Правитель согласно веры].
- Именно о нем сказано в Пророчестве Открывателя сокровищ Дримэд-Лхунбо: "В последней из семи войн, некий царь - воплощение Ваджрапани придет и принесет мир и процветание всему Тибету". Вот как Владыка тайного -Ваджрапани - сыграет свою [явную] роль в человеческом лицедействе, исполнив это пророчество.
- В силу милосердия святого бодхисаттвы и [его] первоначального обета, [этот Вселенский Владыка] был объят заботой о живых существах, а, родившись царем, наделенным верой в Учение, испускает с тех пор на десять сторон [света] лучи пользы и блага, благодаря которым всякий самый простой человек, слабый сам по себе, может далеко отбросить все темные стороны [своего] характера. Это точно.
- Так вот, на Севере, во владениях [восточных монголов -] хоров и [западных монголов -] согов было бесчисленное количество племен. Но единственным важным оказался удел внутри четырех ойратских племенных объединений, где у хошутского правителя-дпонпо Ха-на и [его] жены Ахэ-хатун, в мужской год воды-лошади (1582 г.) родился [их] третий из пяти сыновей, тот самый царь, [о котором идет речь]. Ему было дано имя Тхо-ролби-хур (Турубайху). В возрасте тринадцати лет (1594 г.) он встал во главе войска [его отца] числом более чем десять тысяч, напал на [вражеское] войско Иго-дкар (турки?) числом более десяти тысяч и стал знаменит как тот, кто заставил всю многочисленную армию противника вкушать картину будущего мира! Он стал вторым, великим соперником, но идущим по стране людей Десятиголового (букв. десятищеого)

царя ракшасов /- Раваны/ на Ланке.

I08a3 В это время из всех варварских стран всех направлений эта /страна, где жили западные монголы/, была самой варварской, такой, каким было государство мусульман. Но он (то есть Гуши-хан) прослышал, что в других районах /западных монголов -/ согпо-Всезнающий Соднам-Чжамцо и Алтан-хан стали опираться на двуединство - /отношения/ духовного наставника и милостынедателя и святое Учение распространилось. Так Слово Дхармы стало украшением для I08a4 того, кто имел уши и радость возросла в сердце /Гуши-хана/. В связи с этим он так стал почитать святое Учение, что даже шишки на лбу набил.

Обретение начала доктрины было подобно появлению у /царя/ Лхатотори "Тайного помощника".

I08a5 В год огня-лошади, когда ему исполнилось двадцать пять лет, в связи с кончиной матери он роздал все богатство-имущество всяким людям - высшим и низшим. Но сделано это было не для славы в этой жизни и не в надежде улучшить карму, а для того, чтобы, как сказано учителем Чандракирти: "отдавать данное тебе, ибо получающий отдает /в свою очередь/. Так было сказано в истории жизни великого святого, который дошел до высшей точки всех истин трех миров. Что касается святых Севера, то, когда они изменяют свое сознание (букв. превращаются в других), то даже адский пожар для них подобен небесному саду радости. Это и есть дхармата!

I08b1 В это время между халхасцами и ойратами вспыхнула большая война. По той причине, что поднялась столь великая смута, самым заветным желанием стало греховное деяние отнятия жизни. Для тех, кто так старался в деле загона души в густые бесконечные заросли плохих рождений, уже не оставалось никакого другого выхода, кроме великого милосердия. Казалось, в этот момент между халхасцами и ойратами никакой связи и быть не могло. Но, надев крепкие латы милосердия, направленного на благо свое и другого, /он - Гуши-хан/ без тени сомнения отправился в стан халхасцев и в момент просвета в военных действиях (букв. когда трудности чуть уменьшились) заключил договор с правителями, приведя всех на сторону благополучия. Так сказано в /его/ истории жизни. Его I08b3 приближенные и все халхасские владыки и сановники воз-

радовавшись, вручили ему титул "Великий Гуши". Затем он вновь возвратился в свою страну.

I0864

Некогда, один ойрат попросил учителя Соднам-Чжамцо освятить [его копию] Сутры Золотого Блеска, [Соднам-Чжамцо] попросил ответить о том каково название этого священного сочинения. [Ойрат] ответил ему, что это "Алтан-гэрэл". "С этого времени в течение двадцати человеческих лет в стране твоей это сочинение будет самым распространенным". Таково было пророчество [Соднам-Чжамцо]. В соответствии с этим пророчеством [Гуши-хан] стал тем, кто ввел в практику Учения "Сутру Золотого Блеска" и покровительствовал в качестве милостынедателя переводам [на ойратский язык] этого и многих других священных текстов.

I0865

Наступило время, как будто царь - Защитник Учения, второй Сронцзангамбо пришел на эту землю" - так говорили небожители.

I0866

Существовавшие прежде среди шести больших племенных объединений [западных монголов]-согпо - законодательство и правительство были разрушены чахарским [Лигдан-] ханом (ум. 1634 г.). По той причине, что наступили времена беспорядков, в стане халхасцев стали появляться беженцы. Между правителями [халхасцев] и беженцами возникли распри. В связи с этим [один из правителей] Халхи - Цогтху покинул свою страну и отправился к Кукунору. Как гласит молва, будто драгоценный дождь пролился на грешную землю. Но как только власть [его] окрепла, черный демон совершенно обуял ум [Цогтху], поэтому он пошел против Учения вообще и против Учения Цзонхавы, в частности.

I09a1

По той причине, что сам владыка [Гуши-хан] проявил большую заботу об Учении, [он] собрал все силы своей страны и пошел на этого [Цогтху] войной. В первый месяц огня-быка (1637 г.) он пришел к морю [Кукунор].

I09a2

Как [когда-то] могущественный царь Рамана отправил на "пятый путь" [смерти] владыку Ланки, как и владыка [Гуши-хан] свел сорок тысяч войска Цогтху лишь к [воспоминанию о его имени]. Он объединил под своей властью [все земли на] восточном побережье моря [Кукунор]. Владея обоими [способами управления] - духовным и государственным - [он] успешно защищал благо всех своих подданных.

I09a3

- I09a4 Постепенно солнце/—правитель/ дошел до территории Уй, где устроил религиозный праздник, умножающий гору добродетели, /накопленных жителями этой провинции/. В Лхасе, с храма Пхрулнанг, на алмазном троне страны Тибет имя и поступки этого великого правителя были высоко превознесены, в то время как он отдыхал от /ратных дел/ на диадеме всех владений, /которые были им завоеваны/.
- I09a5 На обратном пути он прибыл в великий монастырь Галдан Нампар-Чкалпэ-линг. Хотя в месяце было двадцать семь ночей, во время его пребывания тьма была такой светлой, что можно было разглядеть малейшие пылинки. Таковы были добрые знаки, соответствовавшие ясной и деликатной /манере управления/ Учением и государством. В это время появились также добрые знамения о том, что Тибет и великий Тибет перейдут под его правление.
- I09b1 В течение зимы года быка он вернулся к морю /Кукунор/. Затем, по той причине, что в Среднем Кхаме Доньюд /из Бэри/ причинял вред последователям Всезнающего из рода Икшваку, потакая только бон, в год земли-зайца (1939 г.), на пятый монгольский месяц (июнь), /Туши-хан/ пошел войной на Бэри. /Он/ захватил большую часть подданных /Бэри/. В год железа-дракона (1640 г.) на двадцать пятый день одиннадцатого месяца (январь 1641 г.) правитель Бэри и все другие могущественные беглецы были пойманы им на острый крючок добродетели или, выражаясь по-другому, /были притянуты/ как железо к магниту, и водворены в тюрьмы. Все причины и условия несчастий в /этой/ области были устранены. Учителя и сановники Са/кья/, Шэ/лут/, Кар/ма/, Бруг/па/, Даглунба и других школ были отпущены из тюрем и отправлены в родные места.
- I09b2 Все подданные /всех правителей/, включая царя Джанг поднесли /Туши-хану/ богатую дань и выразили /их/ сердечное почтение.
- I09b3 Затем /он/ начал готовиться к войне против Уй и Цан. Относительно вторжения его армии /в Уй и Цан/ в пророчестве из "Сокровищницы братьев из Нгари" сказано: "Особо следует отметить, что во время наступления опасного года змеи (1641 г.) вновь и вновь будут рассветы с белым светом как знамения Неба. Планеты и звезды будут сталкиваться. На севере придут в движение восточные и западные монголы (хор и сог). В местности Ол-иха /они/ затеют конфликты. В областях Уй и Цан борьба станет мукой для всех
- I09b4

живых существ. Землетрясения и эпидемии в течение трех лет будут ежегодными бедствиями. В течение девяти лет /монголы/ будут оккупировать центральный район - У ру-Уй и Цан. В течение семи лет будет литься кровавый дождь".

10965 В недавно открытой "Сокровищнице Тулку-Йолмо" сказано: "В год зайца (1639 г.) /он/ будет отдыхать. В год дракона (1640 г.) будет вести себя как дракон. В год змеи (1641 г.) отбросит /все прежнее/, как змея кожу. Поэтому все начнется с года зайца! В соответствии со знамениями времени (он) подготовит к войне армию в миллион сто тысяч. И затем подчинит все земли вплоть до пограничной страны /Владыки смерти/ - Ямы на Дге".

10966

На двадцать пятый день второго месяца (марта) года воды-лошади (1642 г.) правители и министры всего Тибета - страны деревянных дверей, склонили свои гордые головы и обратились к практике искреннего почитания /нового властителя/.

110a1 В день, когда "Хрустальный владыка" - (луна) стала полной и по Калачакре наступило начало года (-месяц Чит-ра), /Луи-хан/ стал властителем трех областей /для сбора подати/ в Тибете и раскрыл белый зонт закона на вершине мира.

110a2 Несмотря на то, что им действительно владела высокая мысль о том, что надо с искренним почтением и уважением относиться ко всем независимым школам, так как власти Кармапа не проявили мудрости в их деятельности, по этой причине он был вынужден пройти с войском и подчинить /все земли/ вплоть до области Конгпо на востоке.

Открыватель "сокровищниц" Зацонгпа по найденной им тайной книге узнал, что /Луи-хан/ был воплощением Великого учителя-ачары (Падмасамбхавы).

110a3 Индийский царь /Ра/-ко-шин, непальский король из Ямбу и многие владыки /других государств/, такие как правитель Нгари, каждый в соответствии с обычаями своей страны, поднесли /Луи-хану/ дары.

Кроме этого в Пророчестве о драгоценном Учении было сказано: "Те, у кого рога ячikki, а хвост свиньи, строят тигринные жилища, а питаются той пищей, которую дает земля" - /так говорилось о/ знати /областей/ Уй и Цин, власть и учение которых могли прожить лет шестьдесят,

- II0a4   ибо учение Бригунг и Пхагду показывали уровень и приметы времени, как бы только часть целого, например, рога и хвост вместо всего яка. А вот Сосуд, включающий три раздела священного писания великомилосердного победоносного Цзонхавы, полон, поэтому его можно приравнять к ... Будде, впервые повернувшему золотое колесо Учения в духовной и исторической действительности.
- II0a5

-
1. См.: А.М.Востриков. Тибетская историческая литература. М., 1962, с. 62-63.
  2. D.Tucci. Tibetan Painted Scrolls. Roma. 1949, P. IV, p. 625-651.
  3. Gangs-can-yul-gyi-sa-la-spyod-pa'i-mtho-ris-kyi rgyal-blangtsho-bor-brjod-pa'i deb-ther / rdzogs-ldan-gzhon-nu'i-dga'-spyid-kyi-rgyal-мо'i-glu-dbyangs ("История Тибета"), автор - Пятый Далай-лама. Тибетский фонд ЛО ИВ АН СССР инв. № В 5456, л. II066.
  4. Z.Ahmad. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century. Roma, 1970, p. 98.
  5. Ibid., p. 127-128; 131-132.
  6. См.: "История Кукунора". Перевод с тибетского Б.Д.Дандарона. М., 1972, с. 65-66, 66-67.
  7. См.: Д.Н.Перих. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV веках. - В сб.: Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 333-346.

Ю.Л.Кроль

К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ИСТОРИКА

Проблема эта не раз обсуждалась на материале ранних "образцовых историй" (чжэн ши). При этом Гарднер (1938), Дабс (1946) и Крюков (1972) подчеркивали объективность древнего историка,¹ а Сэрджент (1944, 1947) и Эберхард (1949, 1957) акцентировали предвзятость его позиции.² Биленштайн (1954), критикуя Дабса, Сэрджента и особенно Эберхарда, попытался синтезировать обе точки зрения; его вывод - что историк был пристрастен, но при этом создал историю, поразительно объективную в своих главных частях.³

В сущности, предшественники Биленштайна отправлялись в своих исследованиях от разных сторон одного и того же идеала историка,

который древние комментаторы (особенно школы Гунъян) видели в Конфуции как авторе "Чунь цю". Западные ученые (напр., Уотсон) воспринимали этот идеал как противоречивый: по нему, с одной стороны, историк должен добросовестно и объективно записывать реальные факты, с другой, замалчивать, искажать и даже подделывать их в соответствии с предвзятыми идеями.⁴ По мнению Дабса, на династийного историка повлияла объективность и добросовестность конфуцианского идеала.⁵ По мнению Сэрджента и Эберхарда, Конфуций как историк писал в соответствии с принципом чжэн мин ("исправления названий"), тщательно выбирая слова и вкладывая в них свои суждения, и записывал аномалии в природе как знамения, связанные с делами людей. Эти историографические приемы были восприняты авторами "образцовых историй", что свидетельствует об их тенденциозности.⁶

Биленштайн не соглашался с последней мыслью. Он доказывал, что династийный историк не высказывал собственных суждений, делая записи о знамениях, и включение таких записей в историю не было тенденциозным. По его мнению, так же обстояло дело и с "выбором слов": соглашаясь, что язык истории "сильно стилизован", он указывал, что стилизованные формулы едва ли годились для выражения личного суждения историка, да и (в большинстве случаев) какого-либо суждения вообще.⁷

Чтобы выяснить, кто прав, следует еще раз обратиться ко взглядам комментаторов на язык "Чунь цю". С их точки зрения, вопросы о терминологии "Чунь цю" и об искажении в ней фактов — это один и тот же вопрос о ее языке, или выражениях (цы, вэнь цы). По словам Сыма Цяня, Конфуций "придал сжатость языку своего литературного писания (т.е. "Чунь цю". — Ю.К.), но скрытый в словах смысл был обширен. Поэтому, хотя государи У и Чу называли себя "ван" (царями), "Чунь цю" порицала их, называя "цзы" (князьями); во время встречи удельных правителей в Цзяньтоу Цзиньский Вэнь-гун в действительности призвал к себе чжоуского Сына Неба, но "Чунь цю" скрыла это, говоря: "Царь волею Неба охотился в Хэяне". Конфуций делал умозаключения по аналогии с этим, чтобы исправить людей своего века, как выпрямляют по линии, отбитой плотничьим шнуром..."⁸

"Чунь цю" называет двух правителей, присвоивших себе царские титулы, их первоначальными княжескими титулами⁹ и маскирует фразой о поездке чжоуского вана по собственному почину на охоту в Хэян то, что этот ван прибыл туда по приглашению подданного (Вэнь-гуна), недопустимому с точки зрения ритуала.¹⁰ Общее в

обоих случаях то, что речь идет о языке, манере выражаться. Общее также в том, что с помощью манеры выражаться исторические поступки, осуждаемые Конфуцием, исправляются, приводятся в соответствие с идеалом, похожим на социальный порядок Западного Чжоу. Это приводит на ум традиционную китайскую точку зрения, что Конфуций написал "Чунь цю", чтобы на деле осуществить "исправление названий".¹¹ Но (в отличие от Сэрджента) мы склонны толковать термин чжэн мин не просто как соответствие слова описываемой им реальности, а вслед за Гранэ именно как "исправление названий", нацеленное на изменение реальности. По Гранэ, слова китайского языка суть эмблемы, обладающие действенной, повелительной силой; поэтому "исправление названий" и ведет к исправлению соответствующих реальностей — к тому, что государь начинает вести себя как государь, подданный — как подданный, отец — как отец и сын — как сын.¹² Это "исправление названий" воплощает в словах образцы этического поведения в духе "обрядов и долга". Образцы даны в оценках Конфуцием поступков за период Чунь цю. По словам Сыма Цяня, Конфуций "высказал одобрение или осуждение [поступкам] за 242 года и превратил это в образцы для Поднебесной".¹³ Действие "образца" (и бiao) мыслилось как действие гномона, отбрасывающего тень, которая повторяет его очертания.¹⁴ Как гномон естественным образом придает прямизну своей тени, так и "Чунь цю" своими нормативными высказываниями должна исправить мир. Вот почему, по словам "Мэн-цзы", "когда Конфуций закончил "Чунь цю", то мятежные подданные и злодеи-сыновья были в ужасе".¹⁵ — такой действенной казалась древнему китайцу сила слов мудреца.

Комментаторы "Чунь цю" приписывали языку этой летописи не только исправление отдельных поступков (установление моделей поведения), но и самого хода истории. Соответствующая теория складывалась вместе с текстом "Гуньян чжуань" (не позднее III-II вв. до н.э.), а завершение нашла во II в. н.э. В "Гуньян чжуань" сообщается, что Конфуций говорил в "Чунь цю" в особых выражениях о каждом из так называемых "трех веков" — о том, о котором знал из письменного предания (722–627 гг. до н.э.), о более позднем, о котором слышал (626–542 гг. до н.э.), и о современном ему, который видел (541–480 гг. до н.э.). Это было, в частности, связано с тем, что он говорил о "внутреннем" и "внешнем" районах мира с разной степенью подробности, а именно более подробно записывал сведения о "внутреннем" районе мира, чем о "внешнем"; при этом точка зрения мудреца на то, что считать "внутренним" и что "внешним", разнилась от века к веку.¹⁶ Когда он считал "внутренним"

свое государство (Лу), то считал "внешними" прочие китайские государства; когда же считал "внутренними" все китайские государства, то считал "внешними" варваров.¹⁷ Следовательно, согласно "Гуньян чжуань", изменение языка "Чунь цю" свидетельствует, что зона "внутреннего" в этой летописи постепенно расширялась: судя по косвенным данным, в век, о котором Конфуций знал из письменного предания, она ограничивалась Лу, а в век, о котором он слышал, распространилась на все китайские владения. С этой точки зрения, зона "внешнего" должна была и вовсе исчезнуть; и действительно, в "Гуньян чжуань" раз 6 повторяется формула "истинный царь ничего не считает внешним":¹⁸ она выражает универсалистский идеал полного мироустройства и означает, что "истинный царь хочет придать единство Поднебесной" - установка, подчеркнутая еще в начале "Гуньян чжуань" в словах "[Чунь цю] придает великое значение приведению к единству и объединению". Согласно "Гуньян чжуань", показывая в "Чунь цю" нарастающее расширение зоны "внутреннего" за счет зоны "внешнего", Конфуций описывает ход процесса мироустройства, приведения мира к единству; при этом он прибегает к таким выражениям, как "внешнее" и "внутреннее", потому что этот процесс постепенен и распространяется от центра к периферии, а "начинается с пребывающих близко".¹⁹

Эта теория была завершена Хэ Сю (П в.), утверждавшим, что Конфуций "установил правила устройства в пору смуты", написав "Чунь цю". Наперекор действительности с помощью языка летописи он старался показать, что в VIII-V вв. до н.э. в мире происходил постепенный переход от беспорядка к порядку, в ходе которого зона устройства постепенно росла, пока в век, который Конфуций видел, не наступило "великое спокойствие", т.е. универсальное устройство, распространившееся даже на варваров; в этих условиях в мире уже не осталось никаких объектов для критики, кроме мелочи - "имен из двух иероглифов", которые "трудно табуировать". При этом Хэ Сю подчеркивал, что это было не реально достигнутое, а воображаемое состояние общества, обозначенное письменным словом. Он писал: "[Конфуций в] "Чунь цю" в период [князей] Дина и Ая (510-480 гг. до н.э.) с помощью литературного писания (вэнь) вызвал великое спокойствие; он хотел показать, что, когда установлен порядок истинного царя, не остается больше ничего, за что [можно было бы] порицать; есть только имена из двух [иероглифов], поэтому он и порицал их; это установление "Чунь цю".²⁰

Следовательно, наследие комментаторов "Чунь цю" - это не просто использование особого языка в произведении историографии;

это удвоение в нем реальности с помощью особого языка, благодаря чему произведение, в плане фактов изображающее смутное время, в плане языка изображает постепенный процесс универсального устроения.

Первые "образцовые истории" – "Ши цзи" и "Хань шу" – создавались в тот самый период, когда уже существовали и развивались эти теории школы Гуньян, отчасти разделявшиеся и другими комментаторами "Чунь цю". Встает вопрос: повлияли ли эти теории на "образцовые истории" при том, что другие компоненты представления о Конфуции как об идеальном историке – мысли о добросовестности записи фактов и о роли знамений – несомненно повлияли?

Биленштайн и Уотсон отрицательно ответили на этот вопрос. Биленштайн указывал, что Фань Е в У в. мог критиковать и критиковал Позднюю Хань совершенно открыто, не боясь наказания, и ему не надо было прибегать к стилизованным формулам для непрямого выражения собственных суждений. На деле эти формулы были всего лишь вопросом стиля, который во времена Фань Е уже стал традиционным, т.е. – добавим от себя – стерся, превратился в условность.²¹

Нам кажется, что причиной, по которой китайские историки веками пользовались "стилизованными формулами", было не столько желание выразить что-то не открыто, а обиняком, сколько мышление этих историков. Как раз о связи стиля, а в конечном счете языка с мышлением и забывает Биленштайн.

Рассмотрим его примеры "стилизованных формул": они так или иначе описывают общественные иерархические отношения "по вертикали" и в этом плане вполне содержательны. Это 1) выражение цзюй цзя ("императорская колесница") – не прямое наименование императора в устах нижестоящего, который не смеет прямо называть его по имени; 2) глаголы син ("осчастливить") и ся ("передать вниз"), описывающие действия императора, направленные на подданных, и глагол фэн ("подать наверх"), описывающий действие низшего по отношению к высшему; 3) слова пэн, хун и цзу, описывающие смерть людей в зависимости от их социального статуса (императора; ванов и гунов; хоу и чиновников за исключением трех гунов).²²

Именно последний пример приводит на память другую точку зрения на китайский язык. Гранз считает, что в китайских словах-эмблемах живет сила, сопротивляющаяся их стиранию. Все слова причастны природе имени собственного, могут выступать как названия, однократные обозначения сущностей. Так, в китайском языке нет слова, выражающего всеобщее, абстрактное и нейтральное представление о смерти, а есть 4 разных слова – пэн, хун, сы и цзу, вы-

ражающие мысль о смерти и одновременно определяющие место покойного – Сына Неба, удельного князя, сановника или простолюдина – в общественной иерархии. Этикет властвовал над жизнью китайцев, поэтому словарный состав их языка был увеличен сверх меры, чтобы каждой ситуации соответствовало сообразное протоколу и, следовательно, действенное для нее выражение. Этот словарный состав есть собрание однократных оценок, наделенных действенной силой, он образует систему символов, путем применения которых как действенных эмблем должно стать возможным осуществление порядка, установленного этикетом.²³

Гранэ пользуется тем же примером, что и Биленштайн, но толкует его совершенно иначе, убедительно доказывая, что разные слова ("стилизованные формулы") как раз содержат в себе разные оценки. Его мнение о языке тесно связано с его мнением о мышлении, и в свете его глубоких соображений трактовка обсуждаемых "формул" как чисто стилистического явления кажется неубедительной. Речь идет об особенностях мышления, проявляющихся в языке, о содержательности "стилизованных формул" и даже об их магической действительности.

Биленштайн ссылается на сравнительный анализ текстов "Хань шу" и "Сань го чжи", где описана карьера Цао Цао. Он видит их различие лишь в традиционных стереотипных формулах, а причину его в том, что "события описаны с точки зрения разных династий. Здесь не содержится никакого личного суждения. Они просто следуют традиционному стилю".²⁴ Но анализ этих текстов не свидетельствует в пользу мнения Биленштайна. В "Хоу Хань шу" Цао Цао назван по имени и фамилии и выступает как самовластная фигура, которая сама себя награждает должностями и титулами, а в "Вэй шу" он именуется "Герцогом" и выступает как подданный, который те же награды получает от "Сына Неба".²⁵ Значит, в "Хоу Хань шу" Цао Цао изображен как нарушитель порядка, присвоивший себе prerogative монарха, а в "Вэй шу" как человек, сообразующийся с порядком и послушный монаршей воле. Но в таком случае Фань Е, употребляя формулы, рисуя Цао Цао нарушителем порядка, проявляет по отношению к нему предвзятость даже в свете критериев, которых придерживается Биленштайн. Тот пишет о Фань Е: "Нельзя сказать, что он был совершенно беспристрастным. В действительности он обычно был предубежден против "лиц вне закона", против тех, кто своими действиями ставил себя вне упорядоченных отношений. Это особенно очевидно, когда речь идет о претендентах и военачальниках. Хороший пример тому – Лю Сюань, император Гэн-ши".²⁶ Следо-

вательно, описание одних и тех же фактов разными формулами с точки зрения разных династий, в сущности, означает изображение их в одном случае как нарушения порядка, а в другом случае – как следования ему.

Не вполне понятно, почему "личное суждение" историка следует так категорически противопоставлять общепринятому, как это делает Биленштайн. При той особой роли, какую играла во взглядах китайских историков традиционная модель мира, было бы странно ждать от них особых или совершенно оригинальных мнений по всему кругу затронутых ими вопросов. В целом ряде случаев мнения историков совпадали с мнениями их предшественников – других историков, мыслителей, государственных деятелей, в том числе императоров; если историки воспроизводили "стилизованные формулы" своих источников, значит, они были согласны с точкой зрения, отраженной в этих формулах. Думается, не было историка, который бы не считал Китай центром мира и китайскую монархию мироустроительной. Эти побуждало историков, писавших о периодах раздробленности, выбрать одно из нескольких государств на территории Китая как легитимное, т.е. как центр мироустройства, и писать о нем с позиции, совпадавшей с позицией его подданного, а о других государствах иначе. В этом отношении эти историки были прямыми наследниками комментаторов школы Гунъян, которые утверждали, что Конфуций в "Чунь цю" разным языком писал о зонах устройства и смуты.

Сказанное можно проиллюстрировать примером "Сань го чжи" Чэнь Шоу (III в.), который писал о временах политической раздробленности Китая, т.е. эпохе своего рода политического плюрализма, как будто в Поднебесной был один император, хотя на самом деле в трех царствах – Вэй, Шу и У – их было трое одновременно. Он называет словом ди ("божественный властитель", император) только государей Вэй начиная с Цао Пэя,²⁷ Цао Цао именуется Тай-цзю (т.е. Тай-цзю У-хуан-ди), а смерть Тай-цзю, Цао Пэя и Цао Жуя описывается словом пэн.²⁸ Императоров Шу – Лю Бэя и Лю Чаня – Чэнь Шоу называет "предшествующий правитель" (сянь чжу) и "последующий правитель" (хоу чжу), смерть Лю Бэя описывает словом цу ("уход [от нас государя?]",²⁹ а смерть Лю Чаня словом хун.³⁰ Императоров У – Сунь Цюаня, Сунь Ляна, Сунь Сю и Сунь Хао – историк называет просто по имени, а смерть тех из них, которые умерли, находясь на престоле (Сунь Цюань, Сунь Сю), описывает словом хун.³¹ Таким образом, Чэнь Шоу исправляет историю путем "исправления названий", используя магические свойства слов; в результате сквозь историческую реальность троецарствия проступает умоглядный образ единой мироустроительной империи Вэй, чьи правители только

и были императорами-мироустроителями.

Этому содействует иерархический план "Сань го чжи", унаследованный ею от предшествующих "образцовых историй". "Сань го чжи" состоит из 65 глав, из которых первые 4 называются цзи (анналы), а остальные чжуань (биографии). Оба раздела посвящены людям, стоящим на разных ступенях социальной иерархии, которые находятся в отношениях оппозиции. Упрощенно говоря, цзи — это анналы императоров, воплощающих силу ян, а чжуань — биографии подданных, воплощающих начало инь. Лишь императоры государства Вэй помещены Чэнь Шоу в анналы, все остальные исторические деятели трех царств, в том числе императоры Шу и У, попали в биографии. Следовательно, и путем такого распределения по главам Чэнь Шоу хотел сказать, что лишь императоры Вэй суть "божественные властители" (ди) в Поднебесной, императоры же остальных двух царств, в сущности, подданные.

Если в свете этих выводов рассмотреть "Хань шу", то первое, что обращает на себя внимание, это биография Ван Мана (гл. 99). Из нее известно, что он был и фактически, и формально императором в 9–23 гг. Но Бань Гу поместил эту биографию не в "Анналы" (цзи) "Хань шу" (что можно в какой-то мере оправдать тем, что он ограничил себя рамками династии Хань), а в раздел "Биографии" (чжуань), при этом не исключив из этого жизнеописания, так сказать, не ханьский материал — историю царствования Ван Мана как самостоятельного императора; в результате тот оказался не в ряду императоров, а в ряду подданных. Более того, Бань Гу всюду называл Ван Мана просто по имени, как впоследствии Чэнь Шоу императоров У, а смерть его описал не словом "цареубийство" (ши), а словом "убийство" (ша).³² Иными словами, он писал о Ван Мане только как о подданном Хань и этим исправлял историю.

Естественно, встает вопрос и о Сыма Цяне, который, как было доказано, напрямую испытал влияние образа Конфуция как идеального историка, созданного комментаторами школы Гуньян, в том числе учителем Сыма Цяня Дун Чжун-шу. Уотсон считает, что Сыма Цянь не пытался во всех подробностях подражать точной терминологии, традиционно приписываемой "Чунь цю", и в виде доказательства приводит один-единственный пример — употребление историком при описании убийства чжоуского Д-вана в одном случае глагола ши, а в другом ша.³³ Но один пример едва ли что-нибудь доказывает (слово ши могло быть заменено на ша переписчиком и т.п.). Существенно то, что Сыма Цянь достаточно систематически описывает смерти императоров (ди, ван, хуан ди) словом пэн,³⁴ а если употребляет

иногда слова сы, цзу или ша, то когда по какой-либо причине хочет критиковать того или иного "Сына Неба". Такова точка зрения Лян Юй-шэна, основанная на учете всего материала "Основных анналов" (а не на одном примере) и дополненная Такигава Камэтаро.³⁵ Смерти же удельных правителей в разделе "Наследственные дома", а также в гл. "Основные анналы Цинь" Сыма Цянь обычно (за некоторыми исключениями)³⁶ описывал словом цзу.

Сыма Цянь, впервые создавший структуру "анналы - биографии", которую унаследовали все последующие "образцовые истории", еще усложнил ее введением раздела "Наследственные дома", куда поместил истории удельных правителей доимперской эпохи и представителей ханьской знати. Бань Гу обошелся без этого раздела, поместив ханьскую знать вместе с прочими подданными в "Биографии". Впрочем, и Сыма Цянь прямо говорил, что в "Наследственные дома" входят "подданные" (чэнь), но не простые, а представляющие собой "ноги и руки" монарха.³⁷ Тем более ясно, что в его истории раздел "Биографии" отдан "подданным", хотя в определении его содержания слово чэнь не фигурирует.³⁸ Это подтверждают и слова Бань Бяо (I в.), что Сыма Цянь изложил сведения о министрах и младших чиновниках (цин ши) под названием "Биографии".³⁹ Сюда вошли и повествования о варварах, чьи правители стали за II в. до н.э. "внешними" и "внутренними" "подданными" императора и чьи земли в конце концов попали под прямое управление империи.⁴⁰ Но вместе с отчетами о таких "подданных" Сыма Цянь включил в "Биографии" и "Повествование о сюнну" ("Ши цзи", гл. IIО), хотя у империи во II в. до н.э. были с шаньюем или (более или менее) равные, или военные отношения, а отнюдь не отношения типа "государь - подданный". Поэтому с точки зрения фактов такое включение было необоснованным и антиисторичным. Сыма Цянь не скрывал этих фактов. Но, рассказав, как на деле складываются отношения Китая и сюнну, он включил последних в раздел для подданных империи. Он сделал это потому, что без этого образ Хань как мироустроительной монархии был бы ущербным.

Следовательно, авторы ранних "образцовых историй" - от "Ши цзи" и "Хань шу" до "Сань го чжи" и "Хоу Хань шу" - в числе прочего унаследовали от идеала историописания, созданного комментаторами "Чунь цю", представление о том, что история есть не только рассказ о делах людей, о фактах, но одновременно и способ словесными средствами описать и утвердить идеал полного мироустройства. Они унаследовали также и технику подобного "удвоения действительности" - использование в рассказе о фактах таких языковых средств, таких терминов и выражений, которые, обладая действенной силой, творят желаемую вторую действительность. Соответствие

но каждая ранняя династийная история не только повествовала об истории своей династии, но и показывала, как при той было достигнуто универсальное мироустройство. Поэтому она включала рассказ обо всем подлежащем устройению мире независимо от того, распространялась ли на него власть этой династии реально. Даже если эта власть на весь мир не распространялась, историк, не отрицая этого, символически, путем выбора слов показывал, что независимые государи были подданными династии-мироустроительницы. Ему помогла в этом также возможность распределять материал по разным иерархически не равноценным разделам "образцовой истории". Думается, что это говорит о принципиальной установке раннего китайского историка не только на объективность - одна сторона конфуцианского идеала, но и на субъективность, на "исправление" действительности средствами магии слов и иных приемов - другая сторона этого идеала.

-
1. См.: C.S.Gardner. Chinese Traditional Historiography. Cambridge, 1938, p. 17; Н.Н.Дубс. The Reliability of Chinese Histories. - "The Far Eastern Quarterly". Vol. 6, 1946, № 1, pp. 29-30, 35-43; Сыма Цянь. Исторические записки ("Ши цзи"). Пер. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина. Вступ. ст. М.В.Крюкова. Т. I. М., 1972, с. 57.
  2. См.: C.B.Sargent. Subsidised History: Pan Ku and the historical records of the Former Han Dynasty. - "The Far Eastern Quarterly". Vol. 3, 1944, № 2, pp. 119, 132-135, 138-139, 143; C.Sargent. Wang Mang. Shang-hai, 1947, pp. 18, 19, 143; W.Eberhard. Das Toba-Reich Nordchinas. Leiden, 1949, SS. 25-27, 190, 348, 350; W.Eberhard. The Political Function of Astronomy and Astronomers in Ancient China. - Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1957, pp. 48, 349, n. 60, cf. pp. 46, 52-53, 55-60 ff., 66-70.
  3. См.: H.Bielenstein. The Restoration of the Han Dynasty with Prolegomena on the Historiography of the Hou Han Shu. - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". N 26, 1954, pp. 23-44.
  4. См.: B.Watson. Ssu-ma Ch'ien Grand Historian of China. N.Y., 1958, p. 79.
  5. См.: Dubs. Op. cit., p. 35.
  6. См.: Sargent. Wang Mang, pp. 18-19; W.Eberhard. Beiträge zur kosmologischen Spekulation der Chinesen der Han-Zeit. Berlin, 1933, SS. 93, 97; Eberhard. The Political Function ..., p. 349, n. 60.

7. См.: H.Bielenstein. An Interpretation of the Portents in Ts'ien-Han-shu. - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities", N 22, 1950, pp. 127-144; Bielenstein. The Restoration..., p. 41.
8. Ши цзи (изд. Такигава Камэтаро). Пекин, 1955, гл. 47, с. 84.
9. Правители У стали именовать себя "ван" начиная с Шоу-мэна (585-561 гг. до н.э.), правители Чу - с У-вана (740-690 гг. до н.э.). В "Чунь цю" с комментариями они систематически называются "цзы".
10. См.: J.Legge. The Ch'un Ts'ew, with the Tso Chuen. - The Chinese Classics. Hongkong, London, 1872, pp. 203, 206, 207, 212; Чунь цю Гуньян чжуань чжу шу. Пекин, 1957, сер. "Ши-сань цзин чжу шу", гл. 12, с. 8а; ср. Watson. Op. cit., p. 82.
11. См.: Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Vol. I, Peking, 1937, pp. 61, 63.
12. См.: M.Granet. Das chinesische Denken. München, 1963, SS. 32-33.
13. См.: Ши цзи, гл. 130, с. 25, 21.
14. См.: Ю.Л.Кроль. О древнекитайской концепции образца (и-бяо). - "Народы Азии и Африки", 1973, № 1, с. 149-152.
15. J.Legge. The Works of Mencius. - The Chinese Classics. Hongkong, London, 1872, pp. 283, 284 (III.II.IX, II); ср. Ши цзи, гл. 47, с. 84.
16. См.: Чунь цю..., гл. I, с. 136; гл. 3, с. 86; гл. 4, с. 8а; гл. 8, с. 66, 10а; гл. 20, с. 8а; гл. 28, с. 7а-7б.
17. См. там же, гл. 18, с. 46.
18. См. там же, гл. I, с. 126; гл. 5, с. 3а; гл. 12, с. 2а; гл. 18, с. 1а, 4б.
19. См. там же, гл. I, с. 56; гл. 18, с. 46.
20. См. там же, гл. I, с. 136-14а; гл. 26, с. 1а.
21. См.: Bielenstein. The Restoration..., p. 42.
22. См.: ibid., p. 42.
23. См.: Granet. Op. cit., SS. 26-27.
24. См.: Bielenstein. The Restoration..., pp. 47-48.
25. См.: ibid., p. 47.
26. ibid., pp. 42-43.
27. См.: Чэнь Шоу. Сань го чжи. Пекин, 1958, сер. "Бо на бэнь эр-ши-си ши" (изд. уменьш. формата), гл. 2, с. 156, 186, 236, 24а; гл. 3, с. 16, 22а; гл. 4, с. 1а, 3а, 156, 16а(?), 19а, 31а.
28. См. там же; гл. I, с. 466; гл. 2, с. 1а, 24а; гл. 3, с. 22а-

226. То же и в других главах, см. там же, гл. 47, с. 96, 10а, 11б, 15а и др.; но ср. там же, гл. 4, с. 276, 396 (императоры, кончившие жизнь не на престоле).
29. В других главах смерть Лю Бя описывается словом хун, см. там же, гл. 47, с. 156; гл. 48, с. 1а.
30. См. там же, гл. 32, с. 1а, 21а; гл. 33, с. 1а, 1б, 4б, 8б, 9а.
31. См. там же, гл. 47, с. 34б; гл. 48, с. 13а. Смерть Сунь Хао, который после низложения был сделан князем (хоу), описана словом сы, см. там же, с. 276.
32. См.: The History of the Former Han Dynasty. A Tr. with Annot. by H.N.Dubs. Baltimore, 1955, p. 465.
33. См.: Watson. Op. cit., pp. 93-94; ср. Ши цзи, гл. 38, с. 23; гл. 40, с. 9.
34. См.: там же, гл. 1, с. 17, 18, 21, 43, 61, 62; гл. 2, с. 42, 45, 47, 48; гл. 3, с. 14, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26; гл. 4, с. 15, 17, 37, 41, 42 (в этом издании стоит слово цэу, но в двух других - пэн) и др.; гл. 6, с. 66; гл. 8, с. 86; гл. 9, с. 8, 23; и др.
35. См. там же, гл. 4, с. 42.
36. Ср. описание их смерти словами сы (см. там же, гл. 31, с. 44; гл. 48, с. 20; гл. 52, с. 4; и др.), ша (см. там же, гл. 40, с. 17, 31; гл. 50, с. 4, 5, 7; гл. 52, с. 12, 20; гл. 48, с. 16; и др.) и хун (см. там же, гл. 51, с. 8; гл. 113, с. 9-10; и др.).
37. См. там же, гл. 130, с. 61.
38. См. там же, с. 62.
39. См.: Д.Л.Кроль. Сыма Цянь - историк. М., 1970, с. 52.
40. См.: Ши цзи, гл. 113, с. 4-18; гл. 114, с. 3-10; гл. 115, с. 3-9; гл. 116, с. 5-12.

С.О.Курбанов

ОСОБЕННОСТИ "ИСТОРИИ КОРЁ" МОК ЧЕ КАК ЧАСТНОЙ ДИНАСТИЙНОЙ ИСТОРИИ

"История *Корё*, составленная частной школой Мок Че" (Мок Че касук ххчхан нёса) - сочинение, написанное в XIII веке корейским ученым по имени Хон Ёха. Мок Че - это его литературный псевдоним. Указанное сочинение состоит из 48 книг и является неофициальной династийной историей, по своей структуре копирующее официальную

историю династии Корё (X–XIV вв.) – "Корёса". Но "Корёса" была опубликована еще в 1451 году и состояла из 139 книг, то есть была в 3 раза больше, чем рассматриваемый нами источник. Зачем понадобилось снова в XVII веке возвращаться к вопросам, уже достаточно описанным ранее и что нового привнес автор, обратиться к этой теме? Ответ на этот вопрос не так прост, как могло бы показаться на первый взгляд.

Возьмем для примера книгу № 16 "Записи о продовольствии и ценностях" (сикхвачжи), рассмотренную нами более подробно. Названия ее подразделов, как например "Упорядочение", "Категории полей и лесов", "Поля за собственные заслуги и заслуги предков" и т.д. полностью повторяют структуру подразделов "Записей о продовольствии и ценностях" официальной истории. Только в официальной истории это описание занимает целых 3 книги, в то время как Мок Че свел весь многообразный материал в одну. Естественно предположить, что автор, следуя установленным правилам изложения, решил выделить наиболее важные аспекты затрагиваемого вопроса и, возможно, высказать свои суждения. Как пишет О.П.Петрова в "Описании письменных памятников корейской культуры", "в силу критической направленности труда он не мог быть издан при жизни автора" /4, с.25/. В предисловии к книге № 16 читаем: "Ныне, отобрав главное из просмотренных по этой [теме] исторических документов, составил Записи о продовольствии и ценностях" /I, с. 2 Б/. То есть, принимаясь за чтение источника, мы в праве надеяться на новый фактический материал и на выражение авторской точки зрения. Что же мы видим на самом деле?

Как и в официальном историописании, в книге есть небольшое предисловие, текстуально несовпадающее с официальным. В нем автор выражает свое мнение на причину экономического процветания или упадка государства, на установление законов и на их злоупотребление.

Затем следует раздел "Система полей". Первый подраздел его – "Упорядочение", так же как и предисловие, во многом отличен от аналогичного подраздела в "Корёса". Исключение составляют лишь тексты двух указов, которые даны в обоих сравниваемых нами источниках. Это указ 1054 года об определении высшей, средней и низшей категории полей, а также указ 1069 года об учреждении единицы измерения полей "бу" (шаг). И то, в истории Мок Че последний приводится в сокращенном виде. Сюда же относятся письма сановников королю с предложениями нововведений в системе землепользования. Но об этом речь пойдет чуть ниже.

В начале подраздела "Упорядочение" дается краткое перечисле-

ние указов, знаменовавших становление земельной системы в Корё. Часть этих указов, однако, приводится уже дословно в последующих частях книги, где тексты их ничем не отличаются от аналогичных в официальной истории. Затем этот же раздел дает нам очень интересные сведения об истории подсчета количества полей в государстве, в том числе данные конца XIV века, которых в соответствующих разделах официальной истории тоже нет.

Вопрос о земельных отношениях в Корее X-XIV веков имеет много нерешенных вопросов. Один из них - соотношение государственно-го и частного землевладения. Раздел "Упорядочение" имеет ряд интересных авторских замечаний, отсутствующих в "Корёса" и могущих пролить больше света на этот вопрос. Например, мнение автора о том, что на северо-западе и северо-востоке полуострова не было частных полей /I, с. 2 Б/ или его замечание о том, что система землепользования, контролируемая государством, нормально функционировала только до 80-х годов XI века /I, с. 6 А/. Автор также высказывает свое мнение относительно того, каким образом и почему произошел развал государственной системы полей и превращение государственных земель в частные.

В том же подразделе "Упорядочение" Мок Че дает подборку посланий на имя короля, написанных придворными сановниками, где указываются беспорядки в землепользовании и даны предложения проектов изменения системы законов о полях, имеющих целью эти злоупотребления устранить. Есть эти тексты и в "Корёса". Они знакомы советским исследователям. Например, Д.В.Ванин называет этих сановников "группой сторонников партии реформ" /2, с. 150/. Другое дело контекст, в котором даны тексты этих писем. В официальной истории указанные выше документы расположены так, что острота их немного затушевывается. В "Корёса" в части "Система полей" идут подразделы: "Упорядочение", "Категории полей и лесов", "Поля и леса за собственные заслуги и заслуги предков", "Поля и леса казенных учреждений", "Категории полей для жалования", потом указанные письма, которые как бы автоматически входят в предыдущий подраздел /5, с. 590-599/, далее "Пешая и конная проверка убытков и накоплений" и т.д. А у Мок Че означенные письма приведены в самом начале, в подразделе "Упорядочение", где речь как раз и идет о нарушениях в системе землепользования, причем непосредственно сразу после изложения авторской точки зрения, как бы в ее аргументацию. Другое дело, что тексты писем у Мок Че даны в сокращенном варианте, но с сохранением основного их критического содержания.

В официальном же историописании в подразделе "Упорядочение"

приводятся только тексты королевских эдиктов, указывающих в основном только на то, что в такой-то год в таком-то районе были стихийные бедствия, или же просто этим районом давно никто не занимался и нужно послать инспекторов, чтобы проверить реальное положение дел и навести порядок. Еще есть тексты докладных записок начальников ведомств, связанных с землепользованием, где указаны беспорядки и предложения по их устранению. То есть проводится мысль о том, что не законы плохи, не недостатки в государственном устройстве – причина бедствий, а только лишь плохое исполнение чиновниками своих обязанностей.

Таким образом, изучение раздела "Упорядочение" и предисловия к книге имеет особое значение, потому что это, пожалуй, единственная часть источника, где текст отличается от официальной истории. Не случайно в самом начале мы поставили вопрос о том, насколько в рассматриваемом нами источнике присутствует новый материал и его авторская оценка. Дело в том, что предисловием и подразделом "Упорядочение" и заканчивается то, в чем история Мок Че непохожа на "Корёса". Последующие разделы есть копия трех книг с аналогичным названием из официальной истории Корё. Главное отличие состоит в том, что в описываемом нами источнике приведены не все указы, связанные с той или иной темой, а только их часть.

Например, подраздел "Категории для полей и лесов" (по-корейски "чонсиква"). В "Корёса" дается очень подробное описание процесса становления этой системы. Полностью излагаются тексты указов о чонсиква 976, 998, 1076 годов, упоминается о существовании указов 1014 и 1034 годов, тексты которых не сохранились. А в "Истории Корё" Мок Че? Только текст указа 1076 года. О других указах о чонсиква в подразделе "Категории для полей и лесов" не говорится вообще ничего. Можно, правда, сделать ту оговорку, что в подразделе "Упорядочение" – единственном текстуально отличном разделе – есть упоминание об указах 976 и 998 годов. Причем первый описывается только в самых общих чертах, а о втором сказано лишь: "Во времена [правления короля] Мок Чона впервые учредили изменения в группах [гражданских и военных чиновников], оставив [всего] 18 категорий [наделения]" /1, с. 3 А/. То есть, если мы не знакомы с другими трудами по истории Корё, то даже и год второго указа останется для нас неизвестным. Об указах 1014 и 1034 годов у Мок Че нет вообще никакого упоминания.

Чем вызвано такое изложение материала в "Истории Корё" Мок Че? Очевидно, принципом, провозглашенным автором во вводной части к книге № 16: "отбирать самое важное". Таким образом, если мы

к примеру, специально заинтересованы вопросом установления и распространения системы чонсиква в период Корё, то знакомство с трудом Мок Че указывает нам на то, что наиболее разработанным и важным был указ 1076 года и особое внимание следует обратить именно на него.

Есть, однако, и ряд недостатков в такого рода изложении материала. Прежде всего, мы не имеем возможности провести сравнение указов и проследить всю историю становления системы. А такое сравнение может дать интереснейшие результаты. Например, указы 998 и 1076 годов о наделении чиновников земель за службу схожи структурно. Причем 1/3 числа должностей указа 998 года есть в указе 1076, при этом количество получаемых ими земель не только не сократилось, но у части даже повысилось. Налицо возможная тенденция наследования должностей. А в корееведческой литературе вопрос наследования должностей рассмотрен недостаточно. Мало того, об указе 1076 года безоговорочно пишется, что он означал сокращение наделение чиновников полями и все тут /2, с. 15-16; 3, с. 113; 6, с. 260-261 и т.д./. Поэтому если бы во вводной части Мок Че не сказал о том, что "ранг невозможно передать из поколения в поколение, [поэтому] силой наследуют занимаемую должность" /1, с. 2 А/, то исходя только из основного текста источника к такому выводу прийти было бы невозможно.

А вот для примера подраздел "Поля и леса за собственные заслуги и заслуги предков". В "Корёса" дается 8 текстов указов и прошений, связанных с темой. У Мок Че таких документов приводится только 4. Из них первые 3 дают нам историю установления этой категории полей. Они полностью соответствуют тексту в "Корёса". Единственное, "не хватает" одного небольшого указа 1073 года о передаче полей за заслуги близким родственникам при отсутствии прямых наследников. Последний документ, приводимый Мок Че в означенном подразделе - письмо государственного советника Ли Суньина о злоупотреблениях в пользовании полями за заслуги. Однако, Мок Че опускает имеющиеся в "Корёса" королевские указы о пресечении злоупотреблений в полях за заслуги и приводит только текст письма советника, который в "Корёса" дан в самом конце подраздела. Таким образом, в "Истории Корё", составленной школой Мок Че, в подразделе "Поля и леса за собственные заслуги и заслуги предков" мы видим общую картину становления и функционирования данной категории полей, которая в целом не отличается от того, что мы можем почерпнуть из "Корёса".

Таких примеров можно приводить множество. Они все однотипны. Подробное описание того или иного вопроса в "Корёса" и как бы

выжимка, экстракт из нее, данный в сочинении Мок Че.

И поэтому снова и снова возникает вопрос, поставленный в самом начале статьи. Зачем в ХУП веке автор решил написать историю Корё еще раз? Зачем понадобилось ему переписывать в сокращенном варианте то, что уже было издано за два века до него? Ради того, чтобы в начале выжимки из более раннего историописания иметь возможность добавить какую-то часть отличного текста? В книге "Записи о продовольствии и ценностях" она составляет до 10%. Почему автор не мог написать весь текст иным, а только введение и первый подраздел первого раздела? Почему он мог позволить себе в начале книги тексты некоторых указов писать в сокращенном виде и даже просто пересказывать, а в дальнейшем изложении нет практически ни единого слова, отличного от текста "Корёса", нет никаких комментариев? И вообще, в чем заключается та "критическая направленность труда", из-за которой он не мог быть издан при жизни автора? По крайней мере, на первый взгляд, ничего резко отличающего направленность "Истории Корё" Мок Че от "Корёса" нет. Но, очевидно, это только на первый взгляд. И все поставленные выше вопросы еще предстоит конкретно изучить. Также как и вопросы земельных отношений в Корё вообще, и что нового может дать источник в изучении этих вопросов из своей текстуально несовпадающей части а также из своего специфического принципа изложения уже известного материала.

Ну и, конечно же, следует отметить то, что более или менее подробно нами изучалась только одна книга из 48. Вполне возможно, что структурно и содержательно не все тома "Истории Корё, составленной частной школой Мок Че" похожи на книгу № 16 и что критическая направленность в них выражена куда ярче, а непохожесть текста больше. Но все это — предмет особых исследований.

-
1. Мок Че касук хучхан нёса (История *Ккq*рё, составленная частной школой Мок Че). [Б.м., б.г.]
  2. Д.В.Ванин. Феодалная Корея в XIII-XIV веках. М., 1962.
  3. История Кореи, т. I. М., 1974.
  4. О.П.Петрова. Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск I. М.-Л., 1956.
  5. Корёса (История Корё), т. 2. Пхеньян, 1958.
  6. Чосон чонса (Всеобщая история Кореи), т. 6. Пхеньян, 1979.

ЗАМЕТКИ ОБ АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ В СТАРОМ КИТАЕ

I. Император, шесть основных ведомств

До свержения монархии в Китае в 1912 г. китайское государство просуществовало более 3 тыс. лет. За это время сложился оригинальный государственный механизм, составляющий интересное и своеобразное звено в истории систем управления. В нескольких заметках нам хотелось бы рассказать об основных звеньях механизма управления в старом Китае.

Император. Китайское государство являлось монархией, во главе его стоял монарх, который до 221 г. до н.э. именовался ван 王, а после 221 г. до н.э. хуанди 皇帝. Монарх являлся фигурой сакральной, о сакральной природе власти китайских императоров написано много за последние десятилетия, у нас в первую очередь А.С. Мартыновым. Император имел резиденцию, именовавшуюся императорским городом 皇城, запретным городом, цзиньчэн 禁城, великим внутренним данэй 大内 или дворцом гун 宮. Императорский город состоял из дворцовых павильонов дянъ 殿 или гэ 閣 и иных сооружений. В них, как правило, размещался сам монарх, члены его семьи и основные государственные учреждения. Последние могли быть и вне императорского города, но находились вблизи или непосредственно примыкали к нему. Императорский город находился в столице именовавшейся цзин 京 или ду 都. Китайское право допускало многоженство в нашем понимании, но в понимании этого права жена была одна, остальные супруги являлись наложницами. Поэтому среди супругов императора была одна императрица хуанхоу, 皇后 прочие именовались супругами фэй 妃 и наложницами бинь 嬪. Все сыновья императора были великими князьями циньван 親王 все дочери принцессами гунчжу 公主. Как правило, старший сын императора от императрицы объявлялся наследником престола тайцзы 太子. Супруги императора жили в западной половине императорского города, в западном дворце сигун 西宮, наследник престола занимал восточный дворец дунгун 東宮. Наследник престола имел свой миниатюрный двор, свою администрацию шаншифу 詹事府, штат чинов при великих князьях именовался ванфу 王府. Всей многочисленной родней императора, дальней и близкой, ведало специальное управление кланом императора, которое именовалось цзунчжэнфу 宗正府 или цзунжэньфу 宗人府.

Обслужив двор также всегда ведало особое управление, точнее

комплекс управлений, в разное время главное из них называлось по
разному чанцзянь 長秋監 при Хань-Тан, нэйшицзянь 內侍
監 при Тан-Сун, нэйшишэн 內侍省 Суй - Сун и т.д.

Императорский город охраняла гвардия шивэй 侍衛

Ля бу - Шесть основных ведомств 六部

С эпохи Чжоу (II22-256 г. до н.э.) в Китае вырабатывается
шесть основных сфер управления, которые осуществлялись шестью ве-
домствами. При Чжоу были шесть министров лю цин 六卿 или лю
гуань 六官 : министр государства чунцзай 冢宰, глава минис-
терства государственных дел, "небесного управления", тянь гуань.
天官. Чунцзай являлся своеобразным премьер-министром прави-
тельства, с секретариатом при нем. Министр образования сыту 司徒
возглавлял министерство образования, "земное управление" ди гуань
地官. Сыту и его министерство ведали гражданской администра-
цией и тем, что мы называли бы сейчас социальными проблемами. Ми-
нистр обрядов цзунбо 宗伯 был главой министерства обрядов (це-
ремониала), управления весны, чунь гуань 春官. Министр воен-
ных дел сыма 司馬 управлял военным министерством, управлением
лета, ся гуань 夏官. Министр юстиции (наказаний) сыкоу 司寇
ведал министерством юстиции, управлением осени, цю гуань 秋官.
Министр общественных работ сыкун 司空 управлял министерством
общественных работ, управлением зимы дун гуань 冬官. Таким
образом в основе шести ведомств лежали дела Неба, Земли, Весны,
Лета, Осени и Зимы. Их деятельность наиболее полно отвечала кос-
мическому порядку.

При династии Цинь (221-206 г. до н.э.) шести ведомств не бы-
ло, т.е. они не выделялись как то особо, хотя в центральном аппа-
рате управления из девяти министров цзю цин 九卿 мы видим
министра обрядов фэнчан 奉常 или тайчан 太常 и министра
законов и наказаний тинвэй 廷尉

Династия Хань (202 г. до н.э. - 220 г. н.э.) в своем высшем
эшелоне управления как бы объединяла традиции Чжоу и Цинь. В раз-
ное время при Хань имелись министр образования дасыту, министр
военных дел дасыма, министр общественных работ дасыкун. В штате
позаимствованных от Цинь "девяти министров" имелись министр об-
рядов (церемониала) тайчан, министр юстиции и наказаний тинвэй.
При южных и северных династиях (220-589 г.) шесть основных ве-
домств в различных комбинациях входили в систему управления ди-
настий, так, при династии Лян среди двенадцати основных министров
имелись министр (министерство) церемоний и обрядов (фэнчан, тай-
чан) и министр (министерство) юстиции тинвэй.

Шесть основных ведомств, которые иногда называют "сердцем центрального правительства" старого Китая сложились в своем окончательном виде при династии Суй (581-618 г.). Под руководством департамента государственных дел шаншунь **尚書省** были организованы министерство чиновников (кадров чиновников) ли бу **吏部**, министерство обрядов ли бу **禮部**, военное министерство бин бу **兵部**, министерство доходов (финансов) минь бу **民部**, министерство юстиции (наказаний) син бу **刑部** и министерство общественных работ гун бу **工部**. Каждое министерство подразделялось на главки/управления цао **曹** и сы **司**, каждое со своими специальными функциями. Министерство возглавлял министр шаншунь **尚書** его заместителями являлись управляющие лин **令** и заместители управляющих пье **僕射**.

Лю бу целиком вошли в аппарат династии Тан (618-907 г.). При Тан шесть министерств подчинялись департаменту государственных дел шаншунь, шаншунь подчинялся канцлеру цзайсян **宰相** и через их посредство шесть министерств подчинялись императору. При Тан министерство доходов (финансов) было переименовано в ху бу **戶部**. Шесть министерств подразделялись на восточную администрацию дун-син **東行** - министерства кадров, доходов и обрядов, и администрацию западную си син **西行** - министерства наказаний, обороны (военное) и общественных работ. Кроме того, в порядке признаваемой государством престижности лю бу подразделялись еще на министерства первого ряда цян син, **前行** в который входили министерство кадров и военное, министерства среднего ряда чжун син **中行**, в который входили министерства доходов и юстиции, министерства заднего ряда хоу син, **後行** в который входили министерства обрядов и общественных работ.

В разветвленном аппарате династии Сун (960-1279) лю бу также заняли свое подобающее место. Они существовали в том же виде, что и при Тан, лишь к концу правления династии Южная Сун (1127-1279 г.) министерства юстиции и общественных работ были объединены в одно министерство. Однако при Сун министерство доходов (финансов) перестало быть центральным в своей сфере деятельности. Более высокое положение в аппарате управления заняло сань сы **三司** государственное финансовое управление, которое ведало налогами, государственной монополией на соль и списками налогоплательщиков. То же самое произошло и с военным министерством. При императоре был организован Тайный совет шумиань **樞密院** верховный совет и управление страны по всем делам, связанным с армией и обороной.

Лю бу входили в состав администрации чжурчжэньского государства Цзинь (1115–1234) и монгольского Юань (1264–1368). При Юань лю бу управлял Государственный секретариат **中書省**. При этом оставалась также и Тайная канцелярия по военным делам **шумиуань**.

При династии Мин (1368–1644 г.) лю бу заняли первенствующее положение в центральном правительстве. Шесть министерств были подчинены Главному секретариату нэйгэ **內閣** и через его посредство императору. Военное министерство попрежнему делило власть с пятью армейскими комиссариатами **уцзюньдудуфу**, **五軍都督府** советом высшего генералитета армий фронта, тыла, левого и правого флангов и центра. Следует отметить, что и министерство юстиции со времен Северных и Южных династий делило свои функции в сфере суда с **далисы**, **大理寺** управлением высшего судебного надзора и верховным судом.

При династии Цин (1644–1912 г.) между лю бу и императором, помимо Главного секретариата нэйгэ, стоял еще Государственный совет **цзюньцзичу** **軍機處** который вместе с императором разрабатывал государственную военную и гражданскую политику. При Цин каждое из шести министерств возглавлялось двумя министрами – маньчжуром и китайцем. Отмечают, что при цинской династии также часть функций министерства кадров/чинов и министерства общественных работ отошла к государственному совету и некоторым другим ведомствам, например, ведомству двора.

Таким образом, китайская государственность вычленила и пронесла сквозь столетия управления, определявшие основные функции практически любого государства: сбор с подданных доходов и привлечение их на работы для нужд государства, управление армией, подбор кадров управителей, разработка права и осуществление суда и наказаний, управление обрядовой сферой жизни государства – императорским и придворным церемониалом, жертвоприношениями, наблюдение за соблюдением норм социального поведения (**ли** **不量**) и руководства системой государственных экзаменов. Лю бу всегда разделяли сферы управления с другими ведомствами, но в принципе они длительное время оставались ядром системы управления.

И.Ф.Попова

РЕГИОНАЛИЗМ В РАННЕТАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ УП ВЕКА

Создание централизованных империй Суй и Тан в Китае на рубеже VI–VII веков включало задачу преодоления обособленности от

центра местной аристократической элиты. Образование обособленных друг от друга аристократических группировок было результатом всего предшествующего политического и экономического развития страны, а существование целого ряда политических режимов в период Лючао (220–581) внесло ощутимые коррективы в процесс локализации раннесредневекового китайского общества. По свидетельству "Новой истории династии Тан" ("Синь Тан шу"), к началу VII века в стране существовали следующие местные группировки: "... за рекой Цзян жили эмигранты (цзяо син). Крупными [семьями среди них] были Ван, Се, Вань, Су. На юго-востоке [правил] клан У. [В этой местности] были крупные [семьи] Чжу, Чжан, Гу, Лу. В Шаньдуне были знатные семьи (цзюнь син). Самыми крупными [из них] были Ван, Цуй, Лу, Ли, Чжан. Клану Гуаньчжуна также именовались знатными. Главными среди них были Вэй, Пэй, Лю, Сюэ, Ян, Ду. В Дайбэе жили семьи инородцев. Главными среди них были Вань, Чжансунь, Юйвэнь, Лу, Вань, Доу".¹ Далее в "Синь Тан шу" дается краткая характеристика перечисленных группировок: "Люди из Шаньдуна отличались мудростью, поэтому [они] придавали большое значение установлению своих связей. Люди из местности к западу от реки Цзян были образованные, поэтому превыше всего [они] ставили личные качества людей. Гуаньчжуны были могущественны, поэтому ценили чиновничьи звания. Дайбэйские люди отличались воинственностью, поэтому [они] ценили дорогие секиры. Когда [они] утомлялись, то заботились об установлении своих связей. Прежде [всех] они ценили второстепенные роды, а на последнее место ставили основные. Ценившие личные качества людей приближали [к себе] детей от младших жен и отдаляли старших сыновей. Ценившие чиновничье положение обдумывали заключение супружеских союзов, стремились к славе и процветанию. Любившие дорогие секиры выставляли напоказ [свою] власть и богатство, пренебрегая этикетом и воспитанием".²

В предложенном описании сильных кланов многое нуждается в комментировании, но особое внимание хотелось бы обратить на то, что здесь из пяти выделенных региональных группировок только две – гуаньчжунская и шаньдунская – названы знатными (цзюнь син). Это были две крупнейшие региональные группировки того времени, соперничество между которыми было наиболее острым. Гуаньчжунская региональная группировка, которая обычно отождествляется с гуаньдунской – в нее включают также кланы Лунси, в том числе и правящие дома Ян-Суй и Ли-Тан, – возвысилась в V–VI вв. В нее входили аристократические роды северо-запада Китая (на территории современных провинций Шэньси, Ганьсу и юго-запада Шань-

си), которые в период Западной Вэй, Северной Чжоу и Суй (535–618) обладали большой политической силой, породнились с правящими домами и зная некитайского происхождения и восприняли некоторые черты быта и культуры народов Центральной Азии.³ Шаньдунская аристократическая группировка концентрировалась на северо-восточной равнине к востоку от гор Тайханшань, в районе, охватывающем восточную часть провинции Шаньси, а также Хэнань, Хэбэй и Шаньдун. "Четыре клана" (сы син), наиболее видные представители этой группировки, считали себя хранителями подлинно китайской культуры династии Хань (206 г. до н.э. – 220) и существовали наиболее изолированно от других аристократических блоков, стремясь заключать браки исключительно внутри своей региональной группировки. Присущая шаньдунскому региональному блоку обособленность и стремление остаться в определенной мере независимым от центральной власти сохранялись достаточно долго в начале танского периода.

И суйские, и раннетанские государи понимали, что ослабление позиций наследственной аристократии является главным условием создания сильной центральной власти, и поэтому объектами внутренней политики Суй и Тан в конце VI–VII вв. стали экономическое могущество сильных домов и их политическая власть (обычно зависевшая от той политической роли, какую представители кланов играли в прошлом), т.е. моменты, которые наряду с отношением к образованию и культуре определяли высокий статус аристократов в тогдaшнем Китае.⁴ В отличие от суйских правителей первые танские императоры, особенно Тай-цзун, действовали с большой осторожностью и сумели не восстановить против себя старую аристократию.

Как известно, в начале Тан аристократы были лишены некоторых фискальных и юридических привилегий. Была установлена максимальная величина наследственных наделов – 100 цин.⁵ Кроме того, император Тай-цзун уже с самого начала своего правления неоднократно высказывал желание широко пожаловать уделы членам своей семьи на территориях, контролируемых "сильными домами", но, встречая решительную оппозицию, был вынужден отказаться от своих намерений. Стремление танского дома взять под контроль "сильные дома" проявилось в создании с 632 года общегосударственного генеалогического описания. Работа эта, составлявшаяся в течение шести лет на основе множества историй отдельных семей и генеалогий дотанского времени, состояла из 100 цзваней, в которых был перечислен 1651 род, относящийся к 293 кланам. Все кланы были разделены на девять ступеней или рангов знатности, таким образом, что "верные

и мудрые вознаграждались, а мятежные и непокорные понижались".⁶ Примечательно, что в первой редакции "Описания семей и кланов периода Чжэньгуань" ("Чжэньгуань шицзу чжи"), представленной трону в 638 году, царствующий род был отнесен к третьей ступени знатности. Такое положение дел, конечно, не могло удовлетворить Тай-цзуна, по личному указанию которого род танских государей единственный возводился в первый ранг знатности, дома матери императора и его супруги во второй, а клан Цуй из Цинхэ (один из "четырех кланов"), признанный в первой редакции самым знатным, - в третий. Помимо этого Тай-цзун запретил представителям семи крупнейших кланов и десяти семей Китая заключать браки друг с другом и вымогать чрезмерные свадебные подарки.⁷ Учитывая высокий престиж и влияние "сильных домов" на местах, первые танские государи стремились сохранить при дворе равномерное представительство наиболее значительных региональных группировок. На так называемые "двойные посты" в правительстве (правого и левого помощников главы Кабинета министров, двух начальников Государственной канцелярии и двух начальников Палаты императорских советников) назначались обычно выходцы из разных регионов. Император Тай-цзун, который стремился установить максимальный личный контроль над бюрократией всех уровней и не допустить образования фракций, создал при своей особе несколько независимых друг от друга, по сути равнозначных совещательных органов, лично определяя их состав и численность с учетом регионального происхождения советников. В целом региональная политика Гао-цзу и Тай-цзуна была эффективной и осторожной, она привела к значительному усилению центральной власти и почти на столетие обеспечила состояние стабильного баланса между местными аристократическими блоками.

Естественно, что в начале Тан наиболее надежными сторонниками правящего дома были прежде всего кланы, входившие в гуаньлунскую региональную группировку (при Гао-цзу больше половины всех сановников происходило именно оттуда).⁸ А шаньдунский региональный блок долгое время оставался даже потенциальным источником нестабильности. В 626 году один из сановников утверждал в своем докладе, что герои Шаньдуна "скрываются среди простого народа. Они замышляют измену и похожи на ранние побеги, ожидающие дождя".⁹ Наиболее значительным свидетельством независимого положения шаньдунской элиты было то, что именно на нее делали ставку разные представители правящего танского дома в период борьбы за престол в 626 году, т.е. в момент наиболее серьезных политических катаклизмов внутри царствующего семейства в течение первой

половины УП века. Известно, что в последние годы правления Гао-цзу его сыновья Ли Шиминь (будущий Тай-цзун) и Ли Цзяньчэн, оспаривая друг у друга престол, стремились заручиться поддержкой аристократов Шаньдуну. Считается, что Цзяньчэн в этом отношении преуспел больше: в число его приближенных вошли представители шаньдунской знати. Решающую роль в отношении кланов Шаньдуну к обоим претендентам на престол сыграло, по всей видимости, участие старших сыновей Гао-цзу в подавлении восстания Лю Хэйта (621-623). По свидетельству "Синь Тан шу", Ли Цзяньчэн, усмирив это восстание, "опекал и сохранял всех пленников", ¹⁰ в то время как Ли Шиминь был жесток в своих действиях. ¹¹ В шестом месяце 626 г. после переворота Ли Шиминя многие сторонники Ли Цзяньчэна бежали на северо-восток Китая. Последовавшие непосредственно за переворотом шаги Ли Шиминя были направлены в первую очередь на то, чтобы ликвидировать эту потенциальную угрозу собственной власти. Сразу же было объявлено о полной амнистии всем сторонникам Цзяньчэна, но одновременно с этим в Лоян был командирован генерал Цюйту Тун, облеченный полномочиями на т.н. "чрезвычайный" случай. Затем спустя месяц шаньдунец Вэй Чжэн, бывший сторонник Ли Цзяньчэна, приглашенный Ли Шиминем в свой штат, был назначен комиссаром по умиротворению Шаньдуну (сваньвэй Шаньдун) и направлен на северо-восток с миссией убеждать колеблющихся переходить на сторону нового государя. Во время поездки, длившейся несколько месяцев, Вэй Чжэн, имевший обширные связи в Шаньдуне и Хэбэе, в целом выполнил возложенную на него задачу. ¹² В восьмом месяце 626 г. Тай-цзун повелел освободить Гуаньдун от податей на один год, а в девятом месяце 627 г. после засухи в Шаньдуне издал указ об оказании населению этой местности материальной помощи и об освобождении его на один год от податей и налогов. В ряд областей Шаньдуну были направлены Вэй Чжэн, Вэнь Яньбо, Сунь Фучзя, Жэнь Сюй, чтобы лично осуществить это "оказание помощи". ¹³

Следует отметить, что Тай-цзуну, сумевшему стабилизировать обстановку на северо-востоке Китая, так и не удалось заручиться поддержкой шаньдунской элиты. Все выдвинутые им на государственные посты шаньдунцы происходили из худородных и бедных семей. Вэй Чжэн и Ма Чжоу были выходцами из незнатных и бедных служилых семей, Цуй Жэньши происходил из старинного, но разорившегося рода. Чжан Лян был крестьянином, а Дай Чжоу по происхождению относился к "низким" (дивэй). ¹⁴ Лишь спустя несколько лет Вэй Чжэн, Фан Сваньлин, Ли Цзи заключили браки с представительницами "сысин", что однако радикально не изменило отношения элиты Шаньдуну-

на к танскому дому. Показательно, что размещая в 30-е гг. Уп века на территории страны военные подразделения чжэчунфу, дому Тан сравнительно небольшое их количество удалось создать на северо-востоке.¹⁵ Затем во время военных походов маршруты армий Тай-цзуна случайно проходили по территориям, контролируемым шаньдунскими кланами.

В целом, можно, видимо, утверждать, что сложившаяся в послеханьский период традиция суперэлиты Северного Китая - шаньдунских аристократических кланов, - традиция сохранять относительную независимость от центральной власти, от официальных кругов продолжала существовать и в раннетанский период.

-
1. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Пекин, 1986, цз. 199. 124, с. 5676; Чэнь Инькэ. Цзи Тан дай чжи Ли, У, Вэй, Ян хуньинь цэитуань (О группировках семей Ли, У, Вэй, Ян в танский период). - Лиши яньцзю, 1954, № I, с. 33.
  2. Синь Тан шу, цз. 199. 124, с. 5676; Чэнь Инькэ, с. 33.
  3. D.Twitchett. The Composition of the T'ang Ruling Class. New Evidence from Tunhuang. - Perspectives on the T'ang. A.F.Wright and D.Twitchett eds. New Haven and London, 1973, p. 50-51.
  4. В.В.Малявин. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение. - Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 22.
  5. Лян Мяотай. Гуаньъю Тан чу чжэн цвань синчжи ды вэньти (К вопросу о характере политической власти начала Тан). - Лиши яньцзю, 1965, № 6, с. 78.
  6. D.Twitchett, p. 63.
  7. Чэнь Инькэ, с. 34.
  8. Лян Мяотай, с. 66.
  9. Чжао Кэяо, Сюй Даосюнь. Тан Тай-цзун чжуань (Биография танского Тай-цзуна). Пекин, 1987, с. 89.
  10. Синь Тан шу, цз. 79.4, с. 3541.
  11. Чжао Кэяо, Сюй Даосюнь, с. 89.
  12. Чжао Кэяо, Сюй Даосюнь, с. 90-91; H.J.Wechsler. Mirror to the Son of Heaven. Wei Cheng at the Court of T'ang T'ai-tsung. New Haven and London, 1974, p. 76-77.
  13. Чжао Кэяо, Сюй Даосюнь, с. 92.
  14. Чжао Кэяо, Сюй Даосюнь, с. 93.
  15. The Cambridge History of China. D.Twitchett and J.K.Fairbank eds., vol. 3. Sui and T'ang China (589-906). Part I. Cambridge-London-New York-Melbourne, 1979, p. 203.

НЕКОТОРЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ

Все древнейшие космогонические представления, образующие основной пласт "священного знания", при своем создании сохранялись в устной традиции и передавались от учителя к ученику в кодированной системе, во-первых, для лучшего запоминания, а во-вторых, дабы они не стали достоянием профанов и непосвященных. Первой кодовой системой "священного знания" была числовая система. Число было идеальной формой передачи абстрактных и конкретных представлений; оно было универсальным, так как всегда оставалось однозначным. С другой стороны, с помощью одного числа можно было передать много разных понятий и, наоборот, одно понятие можно было выразить через много разных чисел. Строгие логические законы математики позволяли передавать сложные системы представлений, избегая при этом опасности многозначного истолкования.

Когда появляется письменность и сакральные тексты получают письменную форму выражения, система кодировок усложняется, так как числовой код остается, но к нему еще прибавляется метаязыковой код, строящийся по принципу атрибутивной аналогии (т.е. когда различные атрибуты употребляются вместо самого определяемого ими понятия). Число при этом может выражать как собственно понятие, так и любой из его атрибутов.

Данная статья есть первый шаг к дешифровке древнеиндийской мировоззренческой системы представлений с помощью современных естественнонаучных данных. Проще всего это сделать на примере концепции времени, так как это потребует только определенной систематизации чисел. Однако тема статьи будет еще уже: структура древнеиндийской концепции времени и некоторые физические аспекты, вытекающие из этой концепции.

В современных работах, посвященных физике времени, древнеиндийская система счета времени трактуется как мифическая и нереальная (I, 23). В своей статье я хочу показать, что древнеиндийская концепция времени не столь уж мифическая и не так уж нереальна. Я ограничусь лишь рассмотрением самой общей системы космогонического времени (без описаний счета времени) и его соотношение с некоторыми современными физическими представлениями о природе времени.

Концепция времени в древней Индии основывалась на понятии цикличности, в котором оказались объединенными понятия конечно-

го и бесконечного. Наименьшим циклом были сутки человека, наибольшим – год Брахмы (антропоморфизированный символ Первопричины или Абсолюта). Космогоническое время реализовалось на трех уровнях: высший уровень – время Брахмы, которое можно сравнить с современным физическим представлением о космическом времени ("Это мир длительностей, присущих Вселенной как огромной физической системе". – пишет А.Д.Чернин IV, I46). Средний уровень – время богов (что это такое еще предстоит выяснить, но можно высказать гипотетическое предположение, что время этого уровня связано с природой Солнечной системы); и, наконец, низший уровень – время человека.

Средний уровень играл чрезвычайно важную роль в общей концепции времени, так как через него осуществлялась связь между уровнем человека и уровнем Брахмы: суточный цикл уровня богов равен годовому циклу уровня человека, с одной стороны, а с другой, именно годами богов измерялось время Брахмы. При общей цикличности космогонического времени в текстах речь обычно идет о "полуцикле" – одном дне, а не сутках, Брахмы, т.е. периоде времени в течение которого Брахма создает мир и его разрушает.

В древней Индии вообще было принято оперировать понятиями "полмесяца" (темная или светлая половина), "полгода", половина столетнего цикла Брахмы. Это очень важная деталь, на которую индологи не обращали должного внимания. С одной стороны, такое деление иллюстрирует действие принципа отражения (одного из трех принципов, определяющих, по древнеиндийским представлениям, функционирования всего мироздания; два других – тождество и подобие), а с другой стороны, – это есть свидетельство двойного характера всей системы (здесь я на этом останавливаться не буду, так как это выходит за рамки данного сообщения).

В статье рассматривается статично-линейный срез одного дня Брахмы, т.е. периода существования мира. Минимальной единицей дня Брахмы выступает юга, промежуток времени равный 1200 лет богов (правильнее говорить, что собственно юга равна 1000 лет богов, но поскольку вся система счета времени представляет довольно сложную систему превращений и коррекций, то как единица космогонического времени юга оказывается равной 1200 лет богов). Если бы мы захотели выразить время Брахмы в линейном масштабе и взяли бы югу за один мм длины, то для выражения продолжительности одного дня Брахмы нам потребовалось бы 10 м. Понятно, что при таких масштабах время человека, представляющее лишь $1/432000$ юги, практического интереса на космогоническом уровне не пред-

ставляет. К другим временным циклам дня Брахмы относятся: махаюга – промежуток времени равный 10 йугам, антаракальпа, равная двум махаюгам, асанкья, равная 20 антаракальпам, и махакальпа, равная 4 асанкьям.

Каждый из этих периодов выполняет свою функцию в общей системе космогонического времени – так асанкья в математическом выражении подобна единице суток человека "мухурте" (мухурта равна 48 мин., а асанкья – 480 000 божественных лет). В индийской системе счета нули указывают уровень счета (в данном случае, пятый), а основную нагрузку несут лишь числа натурального ряда без нулей, здесь 48.

Следует помнить, что день Брахмы равен ночи Брахмы и, соответственно, равен каждому последующему дню Брахмы; кальпы и юги по своей продолжительности оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Тем самым, время Брахмы можно рассматривать как абсолютное время; понятие абсолютного времени связано с достижениями классической механики, установившей, что в мире существует общее для всех тел и одинаково измеряемое время – такое время и называется абсолютным. Абсолютность времени Брахмы подтверждается, кроме того, еще и математически, так как оно всегда выражается одним и тем же числом, независимо от того, в каких единицах мы будем вести измерения (годах, сутках, часах человека). Это число равно 311040×10^9 . Время, выраженное югами и кальпами, а также время человека будет относительным. Если учесть, что современные представления об относительности времени связываются с работами А.Эйнштейна, то тогда древнеиндийская система времени предвосхитила Эйнштейна на несколько тысячелетий.

В современной физике принято говорить о линейности, относительности времени и о его направленности. Однако современная наука не может ответить на вопрос: почему время "течет"? А между тем движение времени считается основной характеристикой природы времени. "Но откуда у времени этот неудержимый бег с его неизменной направленностью?" – задает вопрос А.Д.Чернин и продолжает – "Это один из тех вопросов в физике, которые до сих пор остаются открытыми. Вопрос этот не решается теорией относительности ни специальной, ни общей ... Неудержимость и направленность – особенное, неповторимое свойство времени". (IV, 103). Если физики не могут объяснить основной характеристики времени, значит они чего-то (и чего-то очень важного) в природе времени непонимают. Для древних индийцев такой проблемы не существовало, так как для них время было психологическим осмыслением космического дви-

жения, которое отличалось от чисто физического движения, т.е. перемещения материальных предметов в ограниченном человеческом пространстве, своими масштабами и невозможностью непосредственного наблюдения.

Временные циклы ограничивали пространство, которое существовало внутри этих циклов, тем самым образуя единство пространства-времени, постулируемое общей теорией относительности. В отличие от последней, имеющей дело лишь с большими скоростями, близкими к скорости света, древнеиндийская система охватывала как микро, так и макро-миры, объединяя их в единое взаимосвязанное целое, подчиняющееся объективно действующим законам природы.

Последнее о чем бы я хотела сказать, имеет непосредственное отношение к теме, выявленной в заглавии статьи, а именно: о физических аспектах индийской концепции времени. Для этого следует обратиться к современным представлениям об эволюции Вселенной.

Из всех существующих в наше время гипотез эволюции Вселенной ближе всего к древнеиндийской концепции мира в его циклической повторяемости оказывается гипотеза академика Маркова. Согласно этой гипотезе предполагается, что Вселенная способна пройти, так сказать, сквозь сингулярность (область в которой кривизна пространства-времени становится бесконечной, и сами понятия пространства и времени теряют всякий смысл) (III) при сжатии и родиться вновь. Родившись, она начинает расширяться, а пройдя максимум расширения, начинает сжиматься, достигает новой сингулярности, проходит через нее и т.д. (IV, I62; II). Согласно Маркову, Вселенная в сингулярности полностью обновляется, стирая все свое прошлое.

Однако теоретически возможен другой вариант пульсирующей Вселенной, при котором допустимо постепенное увеличение размаха осцилляций от цикла к циклу. В последнем случае циклы амплитудой своего расширения указывают номер очередного цикла. Такая Вселенная "помнит" всю свою предысторию как бы бесконечно далеко во времени она бы ни уходила. С другой стороны, "память" передается последующим циклам. Тем самым создается непрерывная связь настоящего с прошлым и будущим.

Легко заметить, что древнеиндийская концепция времени объединяет оба возможных варианта циклической Вселенной. Дни Брахмы представляют равновременные автономные циклы академика Маркова, а внутри этих автономных циклов реализуются относительные циклы разной временной протяженности. Тем самым древнеиндийская концепция времени приобретает четкие физические характеристики, связан-

ные с природой разновременного циклического развития. Каждый отдельный акт творения Брахмой мира автономен. Но внутри каждого акта творения действует принцип детерминизма, нашедший свое выражение в теории кармических перерождений. Для мира человека это реализуется через преемственность манвантар (периодов, когда может, по древнеиндийским представлениям, существовать человек), которых за один день Брахмы бывает четырнадцать. Перерождения, таким образом, оказываются связанными не с данным конкретным человечеством (как, например, наше), а с серией из четырнадцати периодов, в течение которых возникают человеческие популяции. Эти периоды чрезвычайно велики по времени: каждый равен 306 720 000 лет. Можно высказать предположение, что эти периоды представляют собой эволюционные системы (периоды существования органической жизни от клетки до человека). Тем самым законы кармических перерождений приобретают вполне определенный конкретный смысл — карма выступает как эволюционная направленность, важнейший момент любой эволюции.

Кроме того, физика разновременных циклов предполагает приоритет предшествующего опыта. Тем самым мифические индийские риши, носители священного знания, приобретают реальный характер; а путь познания идет от некоего общего представления через частные исследования и открытия к новому обобщению, т.е. мы получаем ту же систему отражения, что лежит в основе индийского мировоззрения. Можно сказать, что знание первоначально существовало в виде нечленимой концентрации (что-то вроде начальной сингулярности), потом идет процесс диффузии знания, его членение на отдельные направления и, наконец, должен наступить новый этап концентрации на уровне обобщения данных отдельных направлений, т.е. создание науки наук. Эту роль в древности выполняла философия, которой всегда отводилась функция обобщения научных данных, полученных опытным путем. Эти обобщения служили как бы ступенями научного познания. Каждая ступень, концентрируя весь предшествующий опыт и знания, служила как бы исходным положением для подъема на следующую ступень. Эту функцию философии необходимо вернуть.

С другой стороны, необходимо вернуть престиж научной теории (сильно подорванный в последнее время, особенно в области гуманитарных наук). Теория есть интуитивное представление, которое приобретает статус открытия, пройдя через долгий путь проб и ошибок. Без научных теорий путь познания невозможен.

Таким образом, углубленное изучение древнеиндийской и других систем мировоззренческих представлений и их сопоставление с

современными естественнонаучными данными, полученными опытным путем (проблемы мировоззрения выходят за рамки чисто гуманитарных проблем), поможет не только понять древние культурные традиции, но и даст возможность нам лучше понять окружающий нас мир во всем его многообразии и взаимосвязанности.

Литература:

- I. Завельский Ф.С. Время и его измерение. М., Наука, 1987.
- II. Марков М.А. О природе материи. М., Наука, 1976.
- III. Хокинг С. Край Вселенной., в сб. "Прошлое и будущее Вселенной". М., Наука, 1986, с. 92-104.
- IV. Чернин А.Д. Физика времени. М., Наука, 1987.

В.С.Спирин

ЧЕТЫРЕ ВИДА "ТОЖДЕСТВА" В "МО ЦЗЫ" И ТИПЫ ГЕКСАГРАММ "И ЦЗИНА"

Вопрос о тождестве в той или иной форме обсуждался во всех главных произведениях китайской классики. Это значит, что в древнем Китае проблема техники образования обобщений и выработки абстрактных понятий была в поле внимания, пожалуй, всех мыслителей, но вероятно наиболее обобщенные и одновременно конкретные представления о тождестве выражены в "канонах" (цзин), входящих в "Мо цзы". В этом источнике кратко описано четыре вида "тождеств" (тун) и "различий" (и).

Многие исследователи полагают, что указанные "каноны" это оказавшийся лишним придаток в древнекитайской идеологии, стоящий совершенно особняком, не подчиненный общему течению китайского менталитета. Мы полагаем, что это не так, хотя бы потому, что четыре вида "тождеств" в "канонах" точно соответствуют четырём видам гексаграмм "И цзина".

В "Толкованиях-шо" дается следующее описание видов "тождеств" и "различий" (нумерация, конечно, наша): 同(1)=名一實重同也(2)不外於兼體同也(3)俱處於室合同也(4)有以同類同也... 異(1)=必異=也(2)不連屬不兼體也(3)不同所不合也(4)不有同不類也

/I.2I2/

Первый вид тождества - "тождество удвоения - наслоения" (чжун тун). В "И цзине" слово "чжун" трижды встречается в разделе "Туань чжуань". Все три раза оно относится к гексаграммам, состоящим из повторения одной и той же триграммы. В двух случаях,

прямо говорится об "удвоении-наслоении" соответствующих триграмм, а в одном – об "удвоении-наслоении" свойства, присущего объекту данной триграммы. Речь идет о триграммах $\equiv$, $\equiv$, $\equiv$ повторяющихся в гексаграммах № 29, 30, 57. (См. /2. 178, 182, 321/).

Если полагать, что каждая триграмма обозначает некоторую одну "реальность", то данный вид гексаграмм вполне подходит под определение, данное в "Мо цзы": "два имени – одна реальность". В "Мо цзы" примером "удвоения-наслоения" является выражение "пси-собаки" (гоу цвань) (См. /1. 198, 202/). У этого выражения есть одна "реальность", которую можно обозначить и каждым составным элементом этого выражения, например, словом "собака" (гоу). Триграмма $\equiv$ означает такой объект (См. /2. 457/). Значит вполне вероятно, что и авторы "канонов" из "Мо цзы" и составители "Шо гуа" из "И цзина" пользовались одними и теми же примерами "реальностей" и "имен".

Итак, первый вид "тождества" соответствует определенному типу гексаграмм. Возникает вопрос о том исторично ли вообще разбивать символы "И цзина" на типы гексаграмм. Нам представляется, что такая разбивка правомерна, так как ее проявление мы обнаруживаем в традиционном тексте "И цзина".

Нижеприводимая таблица наглядно демонстрирует это (см. таблицу).

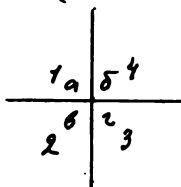
Таблица типов гексаграмм

а (1)	б (4)			в (2)			г (3)
①	③	27	39	⑦	17	47	⑪
②	④	28	40	⑧	18	48	⑫
29	⑤	33	45	⑨	21	53	31
30	⑥	34	46	⑩	22	54	32
51	19	35	49	13	23	55	41
52	20	36	50	14	24	56	42
⑤7	25	37	⑥1	15	43	⑤9	⑥3
⑤8	26	38	⑥2	16	44	⑥0	⑥4
удвоенные триграммы	пары триграмм, отличающихся двумя "черточками (яо)". Одна "черточка (яо)" у них тождественная			пары триграмм, отличающиеся одной "черточкой (яо)". Две "черточки (яо)" у них тождественны			пары триграмм с тремя разными "черточками (яо)"
чжунтун	лэйтун			ти тун			хэ тун

Первые двенадцать и последние восемь гексаграмм разбиваются на четыре типа, в зависимости от того из каких (тождественных или различных) черточек состоят триграммы, входящие в гексаграммы. Это свойство "традиционного" текста "И цзина". Вновь открытый мавандуйский текст на шелке этим свойством не обладает. В дополнение к отмеченному разбивка гексаграмм на четыре типа имеется в наборах гексаграмм, приводимых в "Сицы чжуани". (См. /2. 413-417, 427-429/).

Итак, мы имеем совпадение первого элемента из набора четырех видов "тождеств" с первым элементом из набора четырех типов гексаграмм. Возможным представляется совпадение трех других членов наборов. Четырехэлементный набор можно расположить в квадрате. В таком случае порядок перечисления элементов будет зависеть от того как мы будем "прочитывать" этот квадрат. Предположим, что порядок типов гексаграмм, отмеченный буквами "а-б-в-г" это считывание квадрата по строкам. Если виды "тождеств" (отмеченные цифрами) это прочтение того же квадрата по столбикам, то второму виду "тождеств" будет соответствовать третий тип гексаграмм. (См. чертёж).

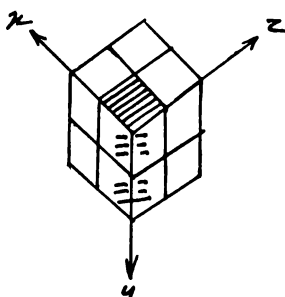
Чертёж I.

Посмотрим, не соответствует ли второй вид тождества, "тождество частей (целого)" (ти тун) (2), третьему типу гексаграмм (в). Эти гексаграммы обозначают объекты, отличающиеся в трехмерном пространстве только одним измерением. Иными словами, объектом таких гексаграмм является соединение двух $1/8$ трехмерного пространства (двух "гуа"), примыкающих друг к другу в четверти какой-то плоскости и поставленные друг на друга вдоль какой-то оси. Это осью "столбики" частей трехмерного пространства. Если такой "столбик" есть целое тело, то его составные это "части", отождествленные в этом целом. Части такого "столбика" примыкают друг к другу. Это соответствует употреблению слова 兼 в "Мо цзы". Эти части образуют целокупность, что соответствует употреблению слова 兼 в описании "Мо цзы" тождества частей (ти тун). В "Мо цзы" примерами "частей" в целокупности является единица в двойке и концы в отрезке (см. /I. 202/). Это полностью соответствует

столбику, обозначаемому данным типом гексаграмм. В двойке (=) единица (-) это "часть" столбика (особой "целостности"). О концах отрезка говорить излишне. Но существенно, пожалуй, то, что в "Си цы чжуани" слово "часть" употребляется в связи с разделением оси координат: 剛柔有體 (жесткое-гибкое имеет (задает) части). Эта фраза значит, что ось запад (металл, жесткое) - восток (дерево, гибкое), имеет свои "части". Значит, с точки зрения теории "И цзина" некий положенный вдоль оси y столбик делится на "части". Гексаграмма, обозначающая такой столбик, будет иметь тип "в" и обозначать, например, следующий столбик

Чертеж 2

Семантика "черточек (яо)"

—	—	z —
—	—	x —
—	—	y —
—	—	z —
—	—	x —
—	—	y +

Третий (3) вид тождества, "тождество (диаметрального) объединения (хэту) описывается в "Мо цзы" словами: "совместно помещаются в доме". В другом месте этого же источника говорится о том, что помещающиеся в доме это "дети и мать, старшие и младшие" /I,2I3/. В "Шогуа" (часть "И цзина") каждая триграмма представляется обозначающей мужчин и женщин разного возраста, в частности "старших" и "младших". Если представить себе все пространство восьми триграмм (багуа) своеобразным домом, то он окажется заселенным следующими лицами: отец (☰), младшая женщина (☷), средняя женщина (☶), старший мужчина (☰), мать (☷), младший мужчина (☷), средний мужчина (☶), старшая женщина (☶). "Заселение" таково, что разнополые персоны одного возраста помещаются в частях пространства (углах) противоположных по всем трем измерениям. Если иметь в виду тождество по возрасту, то оно объединит триграммы различающиеся по всем трем "черточкам (яо)". В этом случае соответствующая гексаграмма будет содержать в себе символы всех шести лучей трехмерного пространства. Построение из шести ортогональных лучей в древнем Китае называлось "шестиричное объединение" (лю хэ). Поэтому "тождеству объединения" вероятней всего соответствуют гексаграммы типа "г". В "Сюнь цзы" имеется следующее определение: 狀同而為異所者雖可合謂之 = 實 /3.

279/. Оно говорит о том, что возможность "объединения" (хэ) распространяется на "две реальности", то есть в переносе на объекты "И цзина" - на две части пространства (углы), обозначаемые триграммами. При этом эти части имеют "тождественную конфигурацию" (чжуань тун). Это означает, что три измерения двух объектов направлены одинаково - сливаются в три оси. Это как раз ситуация гексаграмм типа "г". Связь понятия "объединение" (хэ), с парой триграмм, противоположных по всем трем измерениям, видна и в следующей фразе из "Вэнь ян" (часть "И цзина"): 與天地合其德 /2. 49/. В этом тексте говорится об "объединении" "направленностей" (дэ), "неба" и "земли". Последние обозначаются триграммами ☰ и ☷. Значит и здесь "объединение" связано с возможностью гексаграммы типа "г". В самом тексте "Мо цзы" при упоминании "объединения" имеется отсылка к гексаграмме № 12: 合與一或後否 /1. 196/.

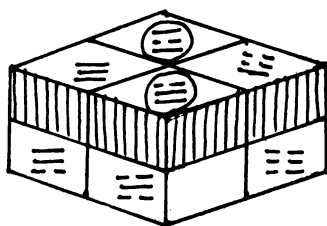
Гексаграмма № 12 это гексаграмма типа "г", она имеет вид ☰☷

У нас осталось лишь "тождество видов" (лэй тун) и гексаграммы типа "б". Они тоже соответствуют друг другу. В "Мо цзы" примером "видового имени" (лэй мин) представляется "лошадь". "Лошадь" часто упоминается в паре: "корова лошадь" (нью ма). Пара этих "видов" представляет, на наш взгляд, "тождество видов". В "И цзине" лошадь и корова привязаны к триграммам ☰ и ☷ соответственно. В этом плане их соединение это "тождество объединения", но в этом случае лошадь и корова должны пониматься как разнополые существа. Если же брать пару однополых существ, расположенных в противоположных углах, то придется искать их лишь в каком-то одном слое пространства "багуа". Таково уж свойство этого пространства.

Встречающееся в источниках приравнивание "видов" (лэй) к "прямоугольникам" (фан), то есть к фигуре на плоскости, тоже говорит о том, что "лэй тун" скорее всего соответствует объединению в гексаграмму триграмм, различающихся по двум "черточкам (яо)". Гексаграмму № 37, именуемую "люди семьи" ("цзя жэнь"), можно считать представителем этого типа гексаграмм. Она состоит из верхней триграммы ☰, обозначающей старшую женщину и триграммы ☷, обозначающей "среднюю женщину". В пространстве "багуа" данная гексаграмма выделяет часть одного слоя, что видно на чертеже.

Чертеж 3

Здесь, на наш взгляд, "виды" представлены различающимися по возрасту представителями одного пола. Родовым признаком является пол, видовым – возраст. В этом отличие от "тождества объединения", в котором родовым признаком (объединяющим, например, отца и мать) является возраст, а видовым – пол.

Система "тождеств" (и различий) древнего Китая свидетельствует о довольно высоком уровне абстрактного теоретического мышления.

Литература

1. "Мо цзы сян гу" – в сб.: "Чжу цзы цзи-чэн", т. 4.
2. "Чжоу и чжэнь и" – в сб.: "Шисань цзин чжу шу", ч. I.
3. "Сунь цзы цзи цзе" – в сб.: "Чжу цзы цзи чэн", т. 2.

А.П.Терентьев-Катанский

ФЕНИКС В ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

Китайское искусство – как литература, так и живопись, и графика, и скульптура, и прикладное искусство – очень часто, едва ли не чаще, чем искусство других народов Востока, прибегает к образам, заимствованным из животного эпоса. Наиболее популярные из этих образов – дракон, цилинь, черепаха и феникс.

Чтобы понять значение образа животного в искусстве, надо учесть, что каждому из них придавалось особое сакральное, этическое и дидактическое значение. Одновременно образ животного имел и чисто познавательную, естественно-историческую ценность, так как грань между понятием "фантастическое" и "реальное животное" в древности и средневековья была весьма условна. Бестиарии – один из жанров сочинений о животных – оединяли свойства книг по натуральной истории и басен вроде басен Эзопа (середина VI в. до н.э.). Работы Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), Плиния (24–79 гг. н.э.)

и Солина (середина III в. н.э.), воспринимающиеся в наше время как книги по натуральной истории, дали материал для "Этимологии" Исихора (предположительно ок. III в. н.э.), "Гексамерона" Амвросия (IV в. н.э.), считающихся скорее бестиариями. Так же можно квалифицировать творения Рабануса (780-856). В папском декрете 550 г. н.э. ранние формы такого рода книг - "Физиолог" или "Натуралист" об-являлись творениями еретиков. Христианские морализаторы, опираясь на многочисленные данные древних авторов и зоологические метафоры из Библии ("Лев из колена Иудина", "Левиафан" и т.д.), еще более способствовали развитию такого рода литературы. К XII в. н.э. "Физиолог", до этого описывавший около 40 животных, развился в бестиарий, включающий описание более чем 200, разделенных по разделам, зверей, птиц, рептилий и рыб, с прибавлением, в некоторых списках, деревьев и камней (1).

Бестиарии были чрезвычайно популярны в средние века как на Западе, так и на Востоке. Большая часть их относится к XII-IV вв. Обширное собрание такого рода книг, начиная с X в. н.э., хранится в отделе рукописей Королевской библиотеки в Брюсселе. Они богато иллюстрированы. В их иллюстрациях заметно взаимовлияние (1).

Геральдика взяла из этих источников своих единорогов, леопардов, огнедышащих пантер, драконов и многих других существ. Позднее путешественники, например, Жак де Витри (1170-1240), внесли в бестиарии чудеса Востока. Многие персонажи бестиариев упоминались в книгах естествоиспытателей - Олауса Магнуса (1490-1558), аббата Тевет (1503-1592), Альдрованди (1522-1605), Афанасия Кирхера (1601-1680), епископа Понтопиддана (1698-1764). Некоторых животных, долгое время считавшихся явно фантастическими, вновь старались вернуть в число реальных как фантасты, так и серьезные ученые XIX-XX вв. В числе их могут быть названы: член Королевского общества Тасмании Чарльз Гульд (2), ссылавшийся на ряд восточных, главным образом китайских и японских источников и снабдивший свою работу хорошими репродукциями восточных рисунков (к сожалению, не атрибутированных по современным правилам), а также Бернгард Эйвельманс (3), бравший свои материалы из самых различных источников и считающийся одними читателями за серьезного ученого, другими - за безудержного выдумщика, Монхаузена наших дней.

В мусульманском мире среди бестиариев могут быть названы труды аль-Джахиза "О животных" и в особенности широко известная на Ближнем востоке книга ученого - суфия Закария аль-Казвини "Чудеса сотворенного" ("Аджайб уль-махлукат") (4). Охват "чудесного" в этой книге поистине необъятен - от космических явлений до диких животных.

ных животных и чудовищных людей. В рисунках иллюстрированных списков этой книги, хранящихся в Рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР, можно встретить и персонажи, знакомые нам по античности и европейскому средневековью, и явно заимствованные из китайско-японского, а также индийского мира.

Китайская традиция животного эпоса насчитывает, в силу древности китайской культуры, едва ли не больший срок, чем в Европе и на Ближнем Востоке. Но история китайской литературы о животных несколько иная. Рассеянные первоначально по отдельным сочинениям – сборникам стихов, классическим книгам, словарям – данные о животных постепенно собирались в отдельные сочинения. Как своего рода парадокс можно рассматривать "Книгу гор и морей" ("Шаньхай цзин"), содержание которой состоит в большей своей части из описания диковинных существ, населяющих различные области известного древним китайцам мира. Окончательную ее редакцию и составление комментариев ученым Го Цу относят к третьему веку до нашей эры. Однако, согласно традиции, автором ее является "святой ван Юй", времена правления которого уходят в седую древность. Столь глубокая древность показывает значение, которое придавали китайцы животному эпосу. Постепенно словари и энциклопедии начали собирать сведения о животных в специальные разделы. В I в. н.э. была создана энциклопедия "Сань цай ту хуэй" (5), выделившая реальных и фантастических животных в один общий раздел, отдельно от людей, растений и камней. Энциклопедия дает рисунок животного с довольно коротким пояснением без указания источников. Энциклопедия "Гу-цзинь ту шу цзи чэн" представляет собою неоценимое пособие, не только выделяющее животных в особый отдел с попыткой классификации внутри него – птицы, звери, рыбы, змеи, черепахи, низшие животные (земноводные и насекомые), но дающее их изображения, и собирающее все имеющиеся в литературе данные о них со ссылками на источники (6).

Героя нашего доклада, фениксу, в "Сань цай ту хуэй" и "Гу-цзинь ту шу цзи чэн" отведено достойное место. В рамках одного доклада немисливо было бы привести перевод всех источников. Докладчик позволит себе ограничиться списком их, опираясь на "Ту шу цзи чэн":

Эр я

Шаньхайцзин

Да дай ли цзи

Вуй ши вэнь

Цинь цзин (о птицах)

Мао ши лу шу гуан яо
 Бао пу цзы
 Жэнь цзин цзин
 Си ян цза цзу
 Бо я
 Бэнь цао ганьму
 Лунь хэн
 Цзинь ши(история династии Цзинь)
 У дай ши (история пяти династий)

К материалам этих литературных произведений "Гу-цзинь ту шу цзи чэн" прибавляет три раздела, содержащие различные неатрибутированные, часто основанные на записанных народных преданиях, данные ("Записки о фениксе", "Смешанные записки о фениксе", "Внешние записки о фениксе"). Ссылок на источники в данном случае не дается. Как и каждый раздел о животном, раздел о фениксе в "Гу-цзинь ту шу цзи чэн" включает перечень различных синонимов или различных названий феникса с указанием на источники. В словаре древних иероглифов (7) показан знак, который составители словаря считают исходным по отношению к иероглифу "фэн" ("феникс"). Мы видим типичную пиктограмму, похожую на огромное крыло. Это дает некоторое основание полагать, что первоначально в основе образа феникса лежало представление о какой-то реальной крупной птице, так как иероглифы-пиктограммы чаще всего обозначают то, что их создатель имел непосредственно перед глазами (иероглифы "дерево", "травы", "лошадь", "дракон" и т.д.). Конечно, это говорит не о существовании того феникса, которого мы знаем по рисункам, а лишь о его прототипе (как прототипом разных видов драконов считается змея или варан - 8).

В "Эр я" впервые устанавливается, что самца феникса зовут "фэн", а самку - "хуан". Комментатор "Эр я", Го Пу говорит, что птица Жуй ин (синоним феникса), имеет голову курицы, змеиную шею, клюв ласточки, спину черепахи, окрашена в разные цвета и более чем шести футов высотой (9).

В "Шаньхайцзине" (10) феникс упоминается: в разделе "Хай нэй си цзин" (к западу от гор Каймин) и "Да хуан цзин". В первом случае он носит на голове змею, попирает ногами змею и имеет красную змею на груди (10, цэ 3, раздел II, л. 4а). Подобный образ феникса характерен для "Шаньхайцзина", где вообще многие персонажи так или иначе связаны со змеями (см. например 10, цэ 3, раздел I4, лист 4а). Непосредственно рядом с фениксом помещена и его разновидность - луань. К загадочной фразе о фениксе со змеями Го

Пу комментариев не дал.

Второе упоминание феникса в "Шань хай цзине" относится к разделу "Да хуан нань цзин", к описанию страны Престарелых. Там сказано "... Есть поющие и пляшущие птицы. Луань поет, феникс танцует" (IО, цэ 3, раздел I5, с. 3а).

В разделе "Да хуан бэй цзин" упоминается феникс с девятью человеческими головами - Цзюфэн (IО, цэ 3, раздел I7, л. 3б). Но "Шаньхайцзин" определенно относит его к разряду духов ("шэн"). В "Лунь хэн" известного нам всем писателя Ван Чуна (27-104 гг. н. э.) есть очень большой раздел о фениксе. Полный перевод его потребовал бы большого времени, хотя раздел этот, несомненно, чрезвычайно интересен. Здесь впервые упоминается пятицветная окраска феникса (II, л. IОб) и прямо противоположное мнение, что феникс может быть различной окраски (II, л. IIа). Очень интересна такая деталь, как рог на голове феникса (II, л. IОб). Там же есть ссылка на древние и современные автору изображения феникса. Но текст столь обширен - I8 страниц - и столь богат информацией, что требует специального исследования.

В "Цинь цзин" ("Книга о птицах"; 265-317 гг. н.э., I2) описание феникса стоит в самом начале. Там впервые встречаются слова о том, что феникс - глава 360 пернатых (этим и объясняется то место, которое он занимает в книге). Там же сказано, что феникс похож на лебедя спереди и на цилиня - сзади. Опять-таки впервые упоминается о том, что на его голове находится знак "добродетель", и о других знаках с обозначениями различных благих качеств на остальных частях его тела - крыльях и т.д. Очень важно замечание о том, что когда он появляется, в государстве наступает справедливое правление и процветают принципы морали.

В более позднее время, вплоть до I6 в., образ феникса, по-видимому, не претерпел существенных изменений. В "Сань цай ту хуэй" (5, с. 2I7) дается описание феникса, в котором мы видим все те черты, которые встречаются в "Эр я" и "Цинь цзин". Чтобы не быть голословным, кажется целесообразным привести это описание полностью:

"Феникс - волшебная птица. В народе называется птичьим ваном. Из 360^и пернатых феникс - важнейший. Лебедь спереди; Цилинь сзади; змеиное горло; рыбий хвост; журавлиный лоб; как у селезня мандаринской утки борода; драконовые узоры; черепаха спина; ласточкин зуб; петушиный клюв. Выходит с Востока из страны Благородных мужей. Если его увидят, то в Поднебесной воцарится великое спокойствие. Знак на голове гласит: добродетель; знак на крыльях гласит:

приличие; знак на спине гласит: справедливость: знак на груди гласит: гуманность; знак на животе гласит: истина. Его голос подобен безмолвию. Не ест живых существ, не ломает живой травы, не скопляется для проживания, не двигается стаями, не попадает в силки. Гнездится только на утуках. Питается только плодами бамбука, пьет только из источников с хорошей водой".

Феникс мыслится обычно как главный представитель целой группы родственных между собой птиц. Ближайший родственник его, мыслимый как разновидность феникса – птица луань. В "Сань цай ту хуэй" он помещен сразу после феникса. В тексте так и сказано "Луань – следующий за фениксом". На той же странице есть упоминание, что стареющий феникс превращается в луаня (5, с. 2174). Судя по тому, что в библиографии к разделу "луань" (6, цзюань 7) в "Гу-цзинь ту шу цзи чэн" помещены многие из тех же сочинений, что и в разделе "феникс", можно предположить, что луань и феникс – издревне постоянные спутники.

Так же обстоит дело и в Корее и Японии. В корейской книге о животных (13), хранящейся в рукописном фонде ЛО ИВ АН, имя луаня стоит сразу за именем феникса. То же самое мы видим в японской энциклопедии "Вечное драгоценное зеркало" (14).

Место обитания феникса несколько неопределенно. Часто он является спутником Сиванму – "Западной царицы-матери", чье царство, как полагали, находилось в горах Центральной Азии (15). По словам Гульда, горы, где живет феникс, могли находиться в Корее (2, с. 371). Если это корейская традиция, как утверждает он, тогда становится понятным не только место в "Сань цай ту хуэй", где говорится о приходе феникса с востока, но косвенно указывается местоположение страны Благородный мужей. К сожалению, Гульд не сообщает, откуда он почерпнул эти сведения.

Во всяком случае, феникс является и здесь то спутником Сиванму, мыслящейся как великая царица, то живущим в стране Добродетельных мужей – то есть, символом власти и добродетели.

Известный английский историк искусства Вильям Уиллет подчеркивает связь феникса со светом и огнем, как проявлениями активной силы Ян, а также с югом и летом (16). На иньских и чжоуских сосудах уже встречаются изображения птиц. Некоторые искусствоведы и составители альбомов древних орнаментов прямо считают этих птиц фениксами (17). Действительно, налицо все характерные признаки позднего феникса – пышный хвост, характерный выступ на лбу (17, с. II, 12, 15, 17). Иногда фигура феникса дана предельно стилизованно, так что даже очень искушенный зритель едва может

уловить в ней сходство не только с поздним прототипом, но вообще с живым существом (I7, с. II, I6). Но почти везде доминирует идея большого крыла, знакомая нам по уже упомянутому раннему начертанию знака "фэн" (7). Исключения редки, но и там обычно подчеркнут либо пышный хвост (очевидно, вообще имеется в виду пышное оперение; I7, с. I2), либо элемент на лбу (I7, с. I7).

То же мы встречаем и в эпоху Хань (206 г. до н.э. - 207 г. н.э.), от очень стилизованных изображений, где в основном доминирует идея того же большого крыла или пышного оперения (I7, с. 36, 37), до чрезвычайно реалистического, почти полностью совпадающего с поздним образом феникса (I8, с. 82, изображение на бронзовом зеркале).

В период правления Северной Вэй мы видим вполне сформировавшийся образ феникса, вырезанный на камне (I7, с. II9; I8, с. 86). Вообще на протяжении 5-6 в. н.э. образ феникса, по-видимому, не менялся, окончательно приняв устойчивую форму. Ту же иконографию образа феникса мы видим и при династии Суй (589-619 гг. н.э.; I7, с. 6I-65) и при Тан (618-907 гг. н.э.; там же), и при Сун (960-1279 г. н.э.; I7, с. 7I; I8, с. I36, I37). Автору данного обзора пока не удалось получить материала об иконографии феникса в эпоху Юань (1280-1367 гг. н.э.), но, судя по тому, что при династии Мин (1368-1644 гг. н.э.) мы встречаем тот же образ, монголы в эпоху своего владычества вряд ли внесли в иконографию феникса что-нибудь новое. Таким образом феникса предстает перед зрителем и в искусстве более поздних эпох, вплоть до наших дней.

Итак, феникс всегда представляется птицей с большим хвостом и пышным оперением. На лбу его небольшой элемент, чаще всего в виде гребня, а в более поздних - в виде небольшого утолщения на тонкой ножке, вероятно, как-то связанный со знаком "добродетель", упоминаемым в литературных памятниках. Слова "лебедь спереди" и "змеиное горло" ("змеиная шея") нашли отражение и в иконографии. Особенно подчеркнуты эта особенность феникса в изображениях периода правления династии Мин (I8, с. I5I). "Рыбий хвост", как правило, трактуется просто как пышный хвост, но в "Сань цай ту хуэй" (5) мы видим трактовку хвоста феникса в форме длинных перьев, оканчивающихся расширениями, похожими на хвостовой плавник рыбы, а на некоторых рисунках примерно того же периода, - хвост из перьев с двумя длинными зубчатыми лентами по бокам, могущими навести на мысль о сходстве с хвостом рыбы или земноводного (тритона, саламандры; I8, с. I50-I5I). К правлению династии Тан относится стилизованное изображение феникса, где перья хвоста кончаются розетками, могущи-

ми навести на мысль о чешуйках (I7, с. 60). Впрочем, здесь есть и прямые элементы растительного орнамента.

Цветные изображения феникса часто подчеркивают его многоцветность (2, цветная репродукция перед титульным листом).

Нет необходимости повторять избитую истину о том, что фениксы встречаются в китайском искусстве во всех его формах, от живописи до прикладного искусства. Достаточно вспомнить изображения фениксов в головных женских украшениях, упоминаемые у Ляо Чжая (I9).

От китайцев образ феникса проник в литературу и искусство соседних народов. Охватить весь этот материал значило бы попытаться объять необъятное. Во всяком случае, в трех иллюстрированных японских ксилографах коллекции ЛО ИВ АН (20) мы встречаем типичных китайских фениксов.

О проникновении персонажей китайского животного эпоса на Ближний Восток говорилось в начале данного обзора. Это – тема отдельного исследования. В иранском журнале "Накш ва нигар" (2I) есть изображение "птицы счастья" – Симург–, имеющее ряд черт, присущих китайскому фениксу.

Итак, мы видим, что образ феникса, сложившийся в основных чертах уже в глубокой древности, не только занял одно из ведущих мест в китайском искусстве, но проник и в другие страны.

-
1. До этого места материал взят из нескольких источников справочного порядка, которые ссылаются на библиографию, помещенную ниже: R. de Fournival. *Le Bestiare d'Amour*. Paris, 1860; A.C. Gidel. *Le Physiologus – Collect. de Mons de la langue Neo-Hellenique*, 1873; F. Lauchert. *Geschichte des Physiologus*, Strassburg, 1889; он же. *Ein Tosco-Venerianischer Bestiarius*, Halle, 1882; G.C. Druce. *Mediaeval Bestiaries and their Influence of Ecclesiastical and Decorative Art*—Journ. of the British Archaeological Assoc. n.s., XXV–XXVI, 1919–1920.
  2. Ch. Gould. *Mythical Monsters*, London, 1886.
  3. B.E. Neuveldmans. *On the Track of Unknown Animals*, N.I., 1958.
  4. Рукописный фонд ЛО ИВ АН, Арабская коллекция, Е7, Д37 (иллюстрированные списки).
  5. Сань цай ту хуэй. Тайбэй, 1971, т. 6, с. 2173.
  6. Гу-цзинь ту шу цзи чэн. Шанхай, 1935, цз 515, цзюань 5.
  7. Гу чжоу хуэй бянь. Шанхай, 1935, цз 4, часть I (шан), л. 2176.
  8. А.П. Терентьев-Катанский. Китайская легенда о драконе – Страны и народы Востока, XI, М., 1971, с. 125.
  9. Эр я го чжу. Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо"), цз 3, цзюань

10. с. 10.
10. Шаньхайцзин. Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо).
11. Ван Чун, Лунь хэн. Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо), цзюань 16, с. 10-18.
12. Цинь цзин (В кн. Бай чуань сюэ хай, Цзи II). б.м., б.г. тетрадь II, раздел 6, л. I.
13. Рукописный фонд ЛО ИВ АН СССР. Корейский фонд. С. 50, л. 56.
14. Рукописный фонд ЛО ИВ АН СССР. Японский фонд. С. 209, л. 29.
15. А.П.Терентьев-Катанский. Легенда о Белой земле - Страны и народы Востока. - Страны и народы Востока, XIII, М., 1976, с. 209.
16. W.Willet. Chinese Art. Bungan, 1958, t. I, с. 279.
17. Лидай дун у вэньян цанькао, сост. Чэнь Янь. Шанхай, 1960.
18. Чжунго ту-ань цзи, сост. Ван Луань. Шанхай, 1955.
19. Ляо Чжай, Монахи-волшебники. М., 1957, с. 20.
20. Рукописный фонд ЛО ИВ АН СССР, Японский фонд, В 58, тетрадь 8, л. 2-3; В 80, л. 96, 14а; В 101, цзюань 13, л. 1а.
21. Накш ва нигар. Тегеран, 1935, № 2, с. 36.

С.Р.Туркин

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ХИУВ. О СОЕДИНЕНИЯХ СВЕТИЛ В ОДНОМ ЗНАКЕ ЗОДИАКА, ПРИПИСЫВАЕМЫЙ АБУ МА'ШАРУ БАЛХИ

Данный трактат (полное его название "Краткий трактат об особенностях и заповедях соединений небесных светил в одном знаке зодиака, принадлежащий Абу-л-Ма'шару Балхй, да помилует его Аллах") занимает лл. II9а-133а рукописи А 264 из рукописного собрания Института востоковедения АН СССР.

Следует сразу же оговориться, что под "соединениями светил в одном знаке зодиака" здесь подразумевается "встреча двух небесных светил ... в одном из зодиакальных созвездий с точностью до минуты" (л. 122а). "Небесные светила" - это 5 известных в средние века планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн, а также Солнце и Луна (средневековые ученые, придерживаясь геоцентрической концепции строения Вселенной, полагали, что Солнце движется вокруг Земли, а не наоборот). В дальнейшем для краткости будем называть данное явление "соединение светил (планет)".

В заглавии трактата говорится, что он принадлежит Абу Ма'шару Балхй - видному астрологу мусульманского средневековья. Сам по

себе этот факт не вызывает подозрений, однако, после ознакомления с содержанием трактата можно с уверенностью утверждать, что истинным его автором является Илийас б. Ахмад б. Мик'айл б. 'Абдаллах ал-Қайсариййави ал-Мунадджим (л. II96), последняя часть имени которого говорит о том, что он был астрономом и (или) астрологом. Представляется маловероятным, что Илийас ал-Қайсариййави был простым переписчиком, т.к. в самом начале своего труда, после традиционного славословия Аллаху и Мухаммеду, он пишет, что "хотел бы объяснить, коротко, но небесполезно, заповеди грядущих соединений светил", дабы благодарные потомки воздали должное его усердию в благой молитве (л. II96).

Едва ли простой переписчик мог позволить себе нечто подобное. Так, переписавший данный трактат писец указал в конце (л. I33а) лишь дату окончания переписки - 29 число месяца зү-л-қа'да 744 г.х./14 марта I344 г. (Истинная дата написания трактата - 643 г.х./I245-I246 гг. - указана автором как бы случайно на л. I24а).

Кроме того, в двух случаях (лл. I23б и I24а) о событиях, произошедших, соответственно, в XIII и XI веках, говорится в прошедшем времени, а на л. I22б автор трактата ссылается на Абӯ Райхана Бирӯни, жившего в X-XI вв., что также исключает принадлежность данного трактата Абӯ Ма'шару Балхи, скончавшемуся в 272 г.х./886 г.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что, приписывая (или посвящая) свой труд Абӯ Ма'шару Балхи, Илийас ал-Қайсариййави использовал широко распространенный в средневековые приемы, когда неизвестные и малоизвестные авторы намеренно приписывали (или посвящали) свои произведения видным авторитетам, дабы популярность и слава последних способствовали тому, чтобы таковые работы первых не затерялись, читались и переписывались.

Вполне возможно, что автор рассматриваемого трактата использовал при его написании труды Абӯ Ма'шара Балхи: он дважды (лл. II9б и I23б) ссылается на него, но это не дает основания считать данный трактат целиком принадлежащим Абӯ Ма'шару Балхи.

Композиционно трактат можно разделить на три части.

В первой части (лл. II9б-I22а) рассматриваются общие астролого-философские вопросы о сотворенности или извечности мира, о росте мира и способах его установления.

В этой же части автор пишет, что Абӯ Ма'шар в "Книге Тысяч" упоминает, что со времени сотворения мира прошло 43.200.000.000 лет (л. II9б). Однако Е.С.Кеннеди и Б.Л. ван дер Верден устанавливают, что данный промежуток времени, по мнению индийских ученых, составлял 4.320.000.000 лет. Причем они используют для этого тот

же самый источник, что и автор данного трактата – выдержки из "Книги Тысяч" Абū Ма'шара Балхй.¹ В нашем трактате, по всей вероятности, имеет место описка переписчика.

На л. 120б при изложении взглядов мудрецов и ученых различных государств и вероисповеданий по вопросу сотворенности-извечности мира для большей доказательности фактов приводится следующее ниже двустиие, предворяемое словами: "Как сказал поэт". Возможны два варианта перевода этого стихотворного фрагмента:

1. "Да, все сотворено. Это логичные слова.

Это "все" – то, у чего никогда не бывает уменьшения".

2. "Да, все сотворено. Это слова Мантики.

Это "все" – то, у чего никогда не бывает уменьшения".

Размер двустиия – *رمل مثنى محزوف*. Известный иранский литературовед З.Сафа считает Мантики (Абū Мухаммад Мансūr б. 'Али Мантикй Рāзй, по-видимому, скончался между 367–380 гг.х./977–978 – 990–991 гг.) самым ранним персоязычным поэтом исторического Ирака,² однако, именно это двустиие не приводит. В работах М.Ауфи, М.Джаджарми и Э.Брауна³ данное двустиие также отсутствует.

Интересно последнее предложение, которым автор трактата завершает первую часть своего труда: "Однако целью упоминания об этом [обо всем вышесказанном] является то, дабы книга сия [рассматриваемый трактат] не была лишена изречений мудрых и знающих людей" (л. 122а). Иными словами, вся первая часть трактата – лишь дань бытовавшей традиции.

Вторая часть (лл. 122а–124а) начинается с подзаголовка: "Заповеди соединений светил в воздушной триаде". (Под триадами здесь имеются в виду четыре группы из трех знаков зодиака, каждая из которых относится к одной из четырех стихий: огню, земле, воздуху и воде).

В этой части трактата автор подробно объясняет, что суть соединения светил, какие существуют виды соединений, как часто их можно наблюдать, какое влияние они оказывают на жизнь людей.

В конце второй части (лл. 123б–124а) приведены предсказания Абū Ма'шара Балхй и Исхāқа Киндй⁴ по гороскопу Мухаммеда о том, как долго будет существовать государство арабов. Первый считал, что царствование арабов продлится 670 лет, а второй – 693 года. (В случае предсказания Исхāқа Киндй в тексте трактата явная описка: указанный промежуток времени устанавливается по положению Венеры, координаты которой "18 градусов без 27 минут", а каждая минута соответствует году. Но в таком случае, чтобы получилось 693 минуты, либо в одном градусе должно быть не 60, а 40 минут, либо градусов быть должно не 18, а 12). По мнению упомянутых выше астро-

логов, по истечении этого срока "никто больше не будет почитать мусульманскую веру, она будет сильно презираема. А, — пишет далее автор трактата, — продолжение разговора на эту тему невыносимо".

Третья часть трактата (лл. I24a-I33a) начинается с подзаголовка: "Сейчас я объясню заповеди соединений светил, которые произойдут в водяной триаде" (здесь явная описка: имеется в виду воздушная триада). Это основная часть трактата. В ней рассматриваются четыре конкретные соединения планет: три соединения Юпитера и Сатурна и одно соединение Марса и Сатурна, причем последнее происходит не в воздушной триаде, а в триаде воды.

Рассмотрению каждого соединения предпослан подзаголовок, после которого указывается, в какой день по лунной хиджре, эре Иазадигерда III и эре Александра Македонского⁵ произойдет смена первого года (начнется очередной год) после данного соединения. В случае соединения Марса и Сатурна указана смена не первого, а четвертого года (л. I29a). Причина этого нам не известна. За датой смены года следуют даты рассматриваемого соединения по разным летосчислениям и краткая характеристика положения и движения светил во время соединения планет. После этого графически изображается расположение светил: 12 знаков зодиака располагаются по периметру прямоугольника, в прямоугольниках и треугольниках соответствующих зодиакальных созвездий находятся планеты, Солнце, Луна и восходящая и нисходящая точки ее орбиты, именуемые, соответственно, Головой и Хвостом, а также "жребии" — воображаемые точки на небе, исходя из положения которых делались определенные предсказания. Под или над каждым светилом специальными знаками, которыми пользовались астрономы и астрологи (عاسبه بقلم نجوم), указаны их координаты. В центре прямоугольника дается краткая характеристика соединения. Вслед за графическим изображением расположения светил идет более подробное описание их положения, движения и взаимодействия, после чего излагаются непосредственно астрологические предсказания.

Сначала предсказывается, каким будет положение в отдельных областях и местностях, затем — какова будет жизнь различных групп общества, далее следуют своего рода "прогноз погоды", по большей части касающийся стихийных бедствий, предсказания о том, каким будет урожай, будет ли избыток или нехватка продуктов, какими будут цены на них, какими болезнями будут болеть люди. В конце обычно указывается, что среди богословов и правоведов произойдут споры и распри, а между войсками народов разных вероисповеданий случатся сражения и войны.

Говоря о языке трактата, следует прежде всего отметить частое

использование инверсии в предложении.

В трех случаях порядковые числительные употреблены препозитивно: *در اَوَّل دَقیقه نور* - "в первой минуте [созвездия] Овна" (л. I196), *در آخر دَقیقه حوت* - "в последней минуте [созвездия] Рыб" (там же) и *یازدهم سال* - "одиннадцатый год" (л. I27a).

Дважды с количественными числительными употреблены существительные во множественном числе: *هژده درج* - "18 градусов" (л. I236) и *شش کواکب* - "6 светил" (л. I266).

В нескольких случаях в арабских фразах после стоящего во множественном числе неодушевленного существительного прилагательное также стоит во множественном числе, что противоречит правилам грамматики арабского языка. Данное сочетание несколько раз встречается и в персидском тексте, с той лишь разницей, что арабский определенный артикль заменяется своим аналогом в персидском языке - изафетом. В одном случае (л. I286) стоящее во множественном числе прилагательное употреблено с существительным в единственном числе. Указанные факты свидетельствуют о том, что при написании трактата использовались источники на арабском языке (большинство работ Абū Ма'шара Балхī написано также на арабском), так сильно повлиявшем на персидский язык автора.

На протяжении всего трактата над буквой *ذ* стоящей после гласных, регулярно ставится точка (*ذال فارسی*), причем в трех случаях (лл. I246, I276, I286) это исключительно персоязычное правило применено в арабском слове *منحذر*.

В заключение несколько слов о рукописи, в которой находится рассматриваемый трактат. Как уже было сказано выше, это рукопись А 264 (старый шифр 642^a), хранящаяся в рукописном фонде ЛО Института востоковедения АН СССР. Список, содержащий I57 (+00I+002) листов, имеет почти квадратную форму, размер листа I5xII,5 см, на каждой странице I5 строк текста.

Бумага плотная, желто-коричневая, в свое время несколько раз ложенная.

Чернила черно-коричневые, слегка выцветшие. Красными чернилами выполнены заголовки, подзаголовки и часть графических изображений.

Почерк (наسخ, с элементами тауки') непрофессионального писца, видимо, ученого или просто образованного человека. Почерк ясный, четкий, удобочитаемый.

На форзацном листе 002 стоит круглая печать с датой: I3II и именем *شهاب الدین بن شرف الدین*

На лл. 2a и I566 стоит миндалевидная печать турецкого типа с

монограммой: *عبد الاقل صفی* (на л. 2а кроме печати стоит и сургучный оттиск).

Рукопись выполнена на востоке иранского мира. Затем, судя по всему, она попала в Турцию, где была реставрирована на европейский лад, а после этого оказалась в рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР, где была реставрирована вторично (переплет).

На внешней стороне обеих крышек и клапана — небольшой медальон в виде солнца с пальметами.

Листы рукописи пронумерованы карандашом, причем цифра "5" передается буквой *ج*, что говорит о том, что рукопись побывала на востоке иранского мира.

Данный сборник содержит семь трактатов, объединяемых общей темой. В названиях трех из них (в том числе и рассматриваемого нами) упоминается имя Абӯ Ма'шара Балхӣ, а автор четвертого трактата несколько раз ссылается на него.

Таким образом, представляется целесообразным в дальнейшем рассмотреть как каждый трактат в отдельности, так и все четыре трактата в совокупности, т.к. из множества работ Абӯ Ма'шара Балхӣ до нас дошла лишь малая толика, а анализ этих трактатов, которые, по всей видимости, являются выдержками или конспективным изложением трудов Абӯ Ма'шара Балхӣ, может дать новые сведения об этом известном ученом.

-
1. E.S.Kennedy & B.L. van der Vaerden. The World-Year of the Persians, in: JAOS, vol. 83, n. 3, 1963, pp. 315-327.
  2. Safa, Zaybiollah. A History of Iranian Literature, vol. I. - Tehran, 1335(1956), pp. 343-346.
  3. The Lubābu 'l-Albāb of Muhammad Awfī, ed. by Ed.G.Browne, part 2, London-Leide, 1903, pp. 16-18; Mu'nis-ul-Ahrār, fī Daqā'iq-ul-Ash'ār, ta'īf-i Muḥammad b. Badr al-Jājamī, ba ihtimām-i Mīr Sālīh Tabībī, jild 2, Tihrān, 1350(1971), ss. 462-463; Ed.G.Browne. A Literary History of Persia, vol. I - Tehran, 1954, pp. 662, 674, 676-678.
  4. Абӯ Йӯсуф Йа'қуб б. Исхāk ал-Киндӣ (ок. 800 - ок. 870) - арабский ученый, известный как "философ арабов".
  5. Эра Йаздигерда III - летосчисление, ведущее отсчет с даты вступления на престол последнего сасанидского правителя Йаздигерда III, которое произошло 16 июня 632 г. Эра Александра Македонского - летосчисление, исчисляемое с 1 октября 312 года - даты провозглашения Селевка (начальника конницы Александра Македонского, основателя государства Селевкидов в Иране) царем Антиохии.

КОНТРОЛЬ НАД ЦЕНАМИ В ВИЗАНТИЙСКОМ ЕГИПТЕ*

В Египте контроль над ценами известен еще по данным птолемеевского времени, относящимся в первую очередь к монополизированным отраслям производства. Но и немонаполизированная продукция также находилась под государственным контролем, как свидетельствует многократно цитируемый отрывок из знаменитой "Инструкции эконома". О контроле над ценами свидетельствует и материал римского времени, но в данном случае следует различать между частным контролем, преследовавшим экономические цели, и государственным контролем, в основе которого лежали фискальные интересы. Частный контроль, устанавливаемый посредством частного соглашения группой производителей, должен был предупредить возможность снижения цен в результате конкуренции путем установления минимальных цен. Государственный контроль преследовал две цели: определение ставки налогов, взимаемых с ремесленников и торговцев и установление цены на заказываемую государством продукцию, которая поставлялась ему в принудительном порядке по твердым ценам. Наконец, в чрезвычайных ситуациях (неурожай, бедствие) государство должно было принять экстренные меры для обеспечения потребностей населения достаточным количеством товаров по более или менее доступным ценам. Контроль над ценами мог осуществляться в основном там, где реализовалась продукция, то есть на рынке (в некоторых городах их было несколько), где были расположены мастерские, где на месте изготовлялись и продавались изделия, и лавки, где продавались привозимые товары. Именно этим объясняется то, что в обязанности главы местной администрации, стратега нома, входил и обход рынка, как показывают некоторые из сохранившихся записей служебных журналов.

В 301 г. император Диоклетиан и его соправители издали знаменитый "Эдикт о ценах", текст которого удалось в значительной мере восстановить, благодаря дошедшим до нас фрагментарным надписям, в том числе и текст так называемого "тарифа", относящегося к ценам, заработной плате, транспортным услугам. Исследователи в большинстве своем пришли к выводу, что этот документ, рас-

---

* Подробнее см. нашу статью "Государство и цены в византийском Египте" (в печати), где приводится литература вопроса и соответствующие ссылки на источники.

считанный на всеобщее применение на всей территории империи, на которой устанавливались общеобязательные максимальные цены на товары и услуги, отражал, говоря современным языком, "волонтаристский" подход к экономической действительности, не учитывал многообразие факторов (общих и местных), влиявших на уровень цен, и поэтому неизбежно был обречен на провал, что и привело к отмене эдикта через несколько лет. Но, сообщая о целях эдикта, о максимальных ценах, о страшной каре, грозившей тем, кто осмелился бы нарушить его предписания, эдикт не раскрывал путей его проведения в жизнь. Поэтому большое значение приобретает изучение сохранившихся документальных данных, в частности данных дошедших до нас папирусов из Египта.

Эдикт Диоклетиана неизбежно должен был привести к ужесточению контроля над ценами, независимо от степени и продолжительности его применения. Тем не менее это вполне логическое, казалось бы, предположение, как будто бы не находило своего подтверждения в папирусах. Дело в том, что первый текст подобного рода, изданный еще в 1898 г. в Оху., I, 85 (338 г.), был неправильно разделен на слова, вследствие чего получился неправильный перевод и толкование текста в целом. Вследствие этого донесения главы (глав) корпораций о ценах на товары, с которыми они имели дело, были восприняты как донесения об общей стоимости товаров, находившихся в ведении соответствующих корпораций. Такая же участь постигла и аналогичные тексты, опубликованные в 1914 г. (P.SI, III, 202) и в 1936 г. (P.Natg., I/1, 73), который, исходя из P.Оху., I, 85 был отнесен к этой же дате (30 афира 338 г.). И хотя А.С. Хэнт при переиздании P.Оху., I, 85 в Sel. Pap., II, 332 и А. Сегре внесли нужные исправления в соответствующие строки, первоначальной интерпретации текста продолжали придерживаться до середины шестидесятых годов, когда мы и Дж.Барнс обратили внимание на исправления А.С.Хэнта. Вслед за P.Оху., XXXI, 2570, II, III (329 г.) последовали публикации ряда текстов аналогичного типа (P.Оху., LI, 3624-3626 - 359 г.), а также сводных данных о ценах (P.Оху., LI, 3628-3633 - У в.) и, наконец, массовое издание P.Коулзом большого числа новых донесений и смежных текстов в P.Оху., LIV (1987 г.), что позволяет нам получить широкую картину ремесленной и торговой деятельности в Оксирихе и представление о способах осуществления контроля над ценами.

Поскольку основным источником послужат донесения глав корпораций, составленные по стереотипному формуляру, приведем перевод одного из них (P.Оху., I, 85, IV): (I рука) Флавию Евсе-

вию, логисту Оксиринхского нома от корпорации продавцов пива того же города, (4 рука) через нас Аврилиев Саламия сына Апол(до?), Евлогия, сына Гела(сия?). (I рука) Заявляем под собственную ответственность, что записанная ниже цена товаров, с которыми мы имеем дело, является ценой текущего месяца и клянемся божественной(т.е. императорской) клятвой, что ни в чем не обманули". Далее следуют цена ячменя, подписи, дата.

Поскольку в течение почти семидесяти лет (1898–1966 гг.) наши сведения ограничивались тремя оксиринхскими папирусами, которые принято было датировать одним и тем же числом (30 афира 388 г.), то мы высказали предположение о временном, чисто локальном характере этого явления. Дальнейшие публикации расширили хронологические рамки практики донесений корпораций с 310/311 г. по 359 г., а с учетом того, что в основе сводных ведомостей были положены именно такие донесения, по У в.. Расширились и территориальные рамки донесений, так как сводные ведомости фиксируют уровень цен на разные товары по ряду номов Архадии, а не только по Оксиринхскому ному.

Постоянный, рутинный характер подачи донесений о ценах корпорациями доказывается процедурой оформления документов. Донесения не писались в самих корпорациях, не обрабатывались в канцелярии логиста, т.е. не получали регистрационный номер и не подклеивались. Они, очевидно, готовились заранее в канцелярии логиста его аппаратом, путем списывания с аналогичного донесения за прошлый месяц, с той только разницей, что ставилась новая дата – последнее число месяца и оставлялось свободное пространство для заполнения имени (имен) главы (глав) корпораций, цены соответствующих товаров и подписей. При этом отмечалось и происхождение товаров, качество и сорт.

В свое время было высказано предположение, что донесения корпораций свидетельствуют о передаче государством прав контроля и установления цен на товары корпорациям. Но в донесениях идет речь не о ценах на будущий месяц, а за текущий месяц, по существу за истекший, т.е. корпорации не предписывали цены, а только сообщали существовавшие цены, причем цены не на изготовленную ими продукцию, а на сырье и на купленные им товары. Смысл такой процедуры заключается, думается, в следующем. Во-первых, донесения позволяли контролировать косвенным образом цены на сырье и отдельные товары, которые поступали в распоряжение ремесленников и торговцев. В число сырья и товаров попадали основные виды жизненно важной продукции массового потребления – пшеница, ячмень,

мясо, рыба, мед, вино, пряности, ткани, металлы, стекло и т.д., так что донесения давали представление о положении на рынке по основным товарам. Во-вторых, донесения позволяли в известной мере контролировать и готовую продукцию, а также уровень продажных цен, так как стоимость сырья была важным фактором, определявшим цену готового изделия.

В том, что государство нуждалось в этих сведениях, не относилось к ним формально, свидетельствует дальнейшая судьба донесений. Данные о ценах группировались. Так, например, в Р.Оху., LIV, 3773 (ок. 340 г.) приводятся данные по месяцам за четырнадцать месяцев, отобраны семь позиций: солид, нечеканенное серебро, пшеница, ячмень, овощи, семена овощей, вино. Данные по отдельным номам отсылались в канцелярию презида провинции, где составлялась "опись" (таблица) товаров, продаваемых на рынке в каждом номе, в соответствии с описями, предоставленными тавуляриями каждого нома, причем, как свидетельствуют Р.Оху., LI, 3628-3633, из общего числа товаров отобраны только одиннадцать: золото, серебро, необработанное серебро, пшеница, ячмень, овощи, сено, вино, мясо, соль, масло редисочное. Анализ данных показывает, что цены различались в зависимости от нома, а в пределах нома в зависимости от времени года.

Надо полагать, что такие же сводные таблицы составлялись и в других провинциях Египта, откуда они переправлялись в Александрию, а оттуда сводные таблицы по всему Египту в Константинополь. Таким образом наиболее важные данные доводились до сведения центрального правительства. Надо полагать, что египетская процедура, которую впервые раскрыли папирусы, в какой-то мере отражала общеимперские порядки. Тем самым, эти данные, бесценные для изучения административной и экономической истории самого Египта, приобретают значение и в более широком плане.

Н.Н.Хабибуллаев

ИЗ ИСТОРИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АРАБСКОЙ БУМАГИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Среди актуальных проблем истории средних веков важное место занимает изучение ремесленного производства и жизни ремесленников.

История ремесленного производства, в том числе изготовления писчей бумаги, изучена недостаточно полно. Отдельные исследования, освещающие состояние и развитие ремесленного производства в целом

и отдельных отраслей, не отражают все аспекты его истории, многие отрасли ремесла еще остаются малоизученными. В этой связи несомненный интерес представляет исследование истории изготовления бумаги, занимавшего особое место в ремесленном производстве.

Дошедшие до нас рукописи средних веков отличаются хорошим исполнением и превосходной бумагой. При описании рукописей, в том числе хранящихся в ЛО ИВ АН СССР и ИВ АН УзССР, обычно отмечается место производства бумаги, ее цвет и плотность, что помогает исследователям определить степень развития ремесленного производства на соответствующем этапе развития общества.

В описании многих рукописей, написанных на высококачественной бумаге, говорится: "на шелковой бумаге", "на полуделковой бумаге" или же "по-видимому, бумага из шелковых оческов". По вопросу о применении шелка для приготовления бумаги в литературе имеются скудные и разноречивые данные.

Некоторые ученые, в том числе А.А.Семенов, С.А.Фотиев, китайский исследователь Юань-Хань-цин и другие утверждают, что при изготовлении писчей бумаги использовался шелк. Так, профессор С.А. Фотиев в исторической части своей книги пишет: "что до У в. до н.э. материалом для письма в Китае служили бамбуковые дощечки. Позднее начали применять лакированную шелковую ткань - очень дорогой материал, недоступный массовому потребителю". По мнению исследователя, "в II-I вв. до н.э. материалом для письма служили уже куски шелковой ткани, из которых путем прессования на гладкой поверхности изготавливали в подувлажном виде рыхлый войлокообразный, более дешевый материал, прототип бумаги" /6, с. II/.

Юань-Хань-Цин приводит некоторые сведения о применении шелка в бумажном производстве. Автор отмечает, что в толковом словаре "Шовань цзы цзы", составление которого было закончено в 100 г. н.э., содержатся объяснения слова "бумага". Дуань Ди-цой (1735-1815 гг.), составивший комментарий к толковому словарю, писал, что "способ изготовления бумаги был найден в результате промывки шелковой ваты. Выращивание хлопка в Китае обычно относится к Суньской эпохе (420-479 гг.). До этого китайцы применяли для защиты от холода шелковую вату, промывка которой широко была распространена в Китае. При промывке под вату подкладывали циновку и обрабатывали вату особыми палками, остающийся на циновке тонкий слой шелковой ваты был материалом, пригодным для письма и более дешевым, чем шелковые ваты" 3/9, с. 51/.

Ряд ученых - Ю.Визнер, П.Д.Зотов и другие приводят данные об отсутствии шелковых волокон в бумаге. Австрийский ученый

Ю.Визнер – ботаник, посвятивший изучению волокнистых растительных веществ около 50 лет, отмечал в своих работах, что в исследованной им методом микроскопического анализа бумаги еще ни разу не удавалось обнаружить шелковое волокно. Более подробную гипотезу о применении шелка при изготовлении среднеазиатской бумаги разработал в своей статье П.Д.Зотов. "Чтобы выяснить вопрос о наличии шелкового волокна, – пишет автор, – в бумагах рукописей из фондов Института востоковедения АН УзССР мы провели исследование бумаг тех рукописей, в которых присутствие такого волокна было наиболее вероятным" /2/. Автором для анализа были взяты кусочки бумаги из пятнадцати рукописей и сделаны химические анализы.

Выводы, сделанные П.Д.Зотовым, ставят под сомнение применение шелка для изготовления бумаги. Возможно, шелк, а впоследствии шелковые очески, применялись в более ранний период. При этом можно также предположить, что мнения о том, что рукописи написаны на шелковой бумаге, основаны на внешнем впечатлении, поскольку, как отмечают современники, бумага отличалась шелковистостью. Вместе с тем, вызывает возражение и мнение П.Д.Зотова, основанное на химическом анализе. Исследователь привлек сравнительно небольшое количество рукописей (15 экземпляров), причем относящихся к более позднему периоду (XV–XIX вв.). Более древние среднеазиатские манускрипты не подвергнуты анализу, и, как отмечает сам автор, вполне возможно, что в ранний период шелк использовался для выделки бумаги.

Приведенные выше сведения об использовании шелка и шелковых оческов в других странах дают нам основание поддерживать это предположение и присоединиться к мнению тех ученых, которые считают, что бумага, действительно, изготовлялась из шелка. Однако, для этого необходимы дальнейшие исследования, в том числе углубленное изучение как содержания сочинений, так и химического состава бумаги, на которой они написаны.

Другим материалом для выделки бумаги, который также вызывает споры исследователей, был хлопок. Анонимный автор VIII в. сообщает о том, что некий Йусуф б. 'Амр из Мекки изобрел способ приготовления бумаги из хлопка /10, с. 336/. Спустя почти тысячу лет И.П. Пашино, посетивший Туркестанский край в 1886 г., указывает, что для изготовления бумаги использовался хлопок /4, с. 140/. Однако, М.М.Абрамов в своей статье пишет: "Микроскопические и историко-антикварные исследования доказали несостоятельность мнения о существовании так называемой хлопковой (из чистого хлопкового волокна) бумаги" /1/. Однако, он не сообщает, на какие именно фактиче-

кие материалы он опирался в своих исследованиях. Можно, видимо, предположить, что бумага выделялась из хлопка, но широкого распространения не получила, ибо изготовление ее из чистого хлопка было слишком дорогим.

О существовании бумаги из хлопка писала Н.В.Пигулевская, которая, исследовав одну из рукописей ИВ АН СССР, пришла к выводу, что бумага этой рукописи сделана из хлопка /5, с. 202/. Этому же мнения придерживается Е.Н.Мещерская, которая отмечает, что бумага этой рукописи "толстая, волокнистая, расщепляется по краям и похожа на вату на месте сломов. Кроме того, на свет в ней видны темные и светлые пятна, так как бумажная масса распределена неравномерно", "материалом для этой бумаги явно послужили волокна хлопка" /3, с. II5/.

Наиболее распространенным материалом для приготовления писчей бумаги в ранние века были волокна конопли, льна, а также хлопчатобумажных и льняных тканей. Сведения об употреблении этих материалов встречаются как в сочинениях среднеазиатских авторов, так и в работах современных исследователей. В трактате XI в., происходящем из Северной Африки, отмечается, что для выделки бумаги требовалось льняное или конопляное тряпье /II, с. 43/.

Из описания разных авторов можно прийти к выводу, что в разные века и в разных регионах для изготовления бумаги использовали разные материалы: в ранние века - шелк, шелковые очески и бамбук, потом - коноплю и лен, позже - хлопчатобумажное тряпье, а также древесину, которая и в наше время используется для выделки бумаги. Использование различного сырья обуславливалось на наш взгляд, наличием этого сырья в достаточном количестве и его приемлемой стоимостью.

На наш взгляд, А.Б.Халидов правильно подметил: "Есть прямая связь и весьма вероятна зависимость между явлениями: массовым производством относительно дешевого высококачественного писчего материала и массовым производством рукописных книг, между техническим новшеством и успехами в развитии литературы и науки. Только бумага, универсальный и удобный в обращении писчий материал, открыла возможность создания рукописных произведений большого объема и сложной структуры" /7, с. I64/.

Нужда в более универсальном и дешевом материале заставляла мастеров искать новое сырье для выделки бумаги. И в случаях, когда не хватало основного сырья - шелка, конопли, льна, хлопчатобумажных и льняных тканей, из которых получали высококачественную бумагу, мастера использовали суррогаты: солому злаков и бо-

бовых, крапиву и репейник, кору акаций, липы, ольхи, стебли конопля и мака, древесные листья, разные травы, стебли пшеницы и риса.

Из вышеизложенного, становится понятным, что в разных регионах, мастера старались изготовить бумагу из того материала, который у них имелся в достатке. Ввиду ограниченного объема настоящей статьи, постараемся кратко описать два способа приготовления бумаги. Первый – бумага, сделанная из конопляного тряпья, взятый нами из трактата XI в., автором которого считается зиридский султан ал-Му‘изз б. Бадис, либо же его сын Тамим. В 1971 г. трактат был исследован арабскими филологами как труд по истории ремесла (техники) XI в. и издан ‘Абдусаттаром ал-Халваджи и ‘Али Мухсином Заки /II/. В советском востоковедении названный трактат впервые был использован А.Б.Халидовым в его работе по истории арабской рукописи /7, с. 164/.

Из содержания указанного произведения видно, что автор труда описывает процесс приготовления писчей бумаги в одной из арабских стран. По мнению А.Б.Халидова, метод приготовления бумаги, начиная с китайского способа, в целом не претерпел коренных изменений, и он прав, называя способ выработки бумаги китайско-самаркандским /7, с. 164/.

Автор этого сочинения описывает процесс производства бумаги следующим образом: берут отличную сирийскую пеньковую веревку, расплетают все пряди и расчесывают, пока она не станет мягкой, далее берут раствор негашеной извести, и конопляное волокно размачивают в ней целую ночь, месят обеими руками и раскладывают на солнце, чтобы оно сохло целый день. Потом эту массу опять кладут в известковое молоко, оставляют ее в нем на ночь. Месят руками и вновь выставляют на солнце, как и во второй раз, сушится три и более, а лучше 5–7 дней, причем известковое молоко может обновляться каждый день (или два раза ночью). Когда отбеливание закончено, массу размельчают ножницами и растворяют следующие 7 дней в пресной воде, которая заменяется каждый день. Когда из массы исчезнут составные части извести, ее толкут в каменной ступе, сохраняя ее свежей и сырой. Когда она уже достаточно мягкая и в ней не остается ничего сухого и узлов, ее растворяют еще раз в воде, в чистом сосуде, пока она не станет шелковистой, затем берут черпальную форму для отливки, изготовленную из камыша, размеры которой зависят от желаемого размера бумаги. Готовую массу толкут в большом черпальном чане, пока она не будет хорошо размельчена, окунают в нее форму, чтобы масса распределилась на ней равномерно. Если это проведено хорошо, то массу оставляют на форме до тех пор,

пока она не будет готова. Тогда содержимое формы выворачивают на доску и прислоняют к чистой гладкой стене, пока она не высохнет и не отпадет.

Как видим, описание рецепта приготовления старинной бумаги, дошедшее до нас из XI в., который пока является единственным более или менее полным рецептом выделки бумаги, не является надежной и полной основой для восстановления в настоящее время секрета старинной высококачественной бумаги. Из описания мы видим, что процесс приготовления бумаги освещается не мастером, а сторонним наблюдателем. Этот вывод можно сделать на основании того, что сочинение, как считают исследователи М.Леви, Й.фон Карабачек и Эндрис, было написано султаном ал-Му'иззом б. Бадисом или его сыном Тамимом, которые, безусловно не принимали непосредственного участия в производственном процессе изготовления бумаги. Возможно, автор трактата или сам наблюдал как делают бумагу, или ему рассказывал об этом мастер. В обоих случаях, когда автор был сторонним наблюдателем или слышал обо всем этом из чужих уст, были опущены нюансы, которые, на наш взгляд, играют важную роль в процессе приготовления бумаги. Во-первых, автор пишет, что после того, как конопляное волокно размягчают негашеной белой известью, ее месят руками. На наш взгляд, любой мастер должен был знать, что нельзя месить раствор таким образом, следует либо чем-нибудь обернуть руки, либо месить каким-нибудь инструментом, так как негашеная известь разъедает кожу. Во-вторых, одним из не менее важных моментов в процессе приготовлений бумажной массы является определение готовности самой бумажной массы перед отливкой бумаги. Этот момент автором не отмечен. В-третьих, процесс отливки бумаги, который является одной из самых сложных операций при изготовлении бумаги, к сожалению, автором подробно не описан. Об этом сказано лишь одна фраза: "Если это проведено хорошо, то массу оставляют на форме до тех пор, пока она не будет готова".

Из изложенного следует, что этот трактат, несмотря на то, что написан не мастером, все же представляет большую ценность для исследователей и расширяет наши познания о способах выделки писчей бумаги старинного образца.

Второй способ приготовления бумаги взят нами из рукописи неизвестного автора XV в. В рукописи нет заглавия, и начинается она с подзаглавия "амал ал-кагид ал-баладийа" ("Приготовление местной бумаги") /12, с. 277/. Издана рукопись арабским ученым Баравин Бакруф Тавфигом, который известен нам по нескольким работам, изданным в арабских журналах "Ал-Маврид", "Ал-мактабат

ал-'арабийя" и др. по истории ремесел, в основном по истории чернил и туши. Эта рукопись, как утверждает издатель, взята неизвестным автором из книги "Ал-мухтарат фи фунун мин ас-сина'а" ("Избранные в области ремесел"), автором которой является Мухаммад б. Кавам б. Сафи б. Мухаммад Зия Турк Хокури, известным под псевдонимом Козихон, в 876/1471 г. Книга эта состоит из 15 глав, и пятая глава посвящена приготовлению "местной бумаги" и состоит из 5 листов.

По этой рукописи способ приготовления бумаги выглядит вкратце так: "Берут внутреннюю часть коры дерева "ал-марх"* и моют в чистой воде, потом ее размятчают в воде в течение 4-х дней и затем сушат под солнцем. Эта операция повторяется 2 раза, после чего (массе) придают форму шариков, приблизительно с апельсин, затем каждый шарик толкут 5 дней до тестообразного состояния и потом сверху кладут камень с тем, чтобы вытекла вода, и сушат, но стараются не полностью высушить, а все время поддерживают во влажном состоянии. Затем из каждого шарика изготавливают листы бумаги, для этого его помещают в нужную форму и сверху придавливают камнем и сушат. Далее идет процесс лощения, для этого берется белая кукуруза, ее кипятят в воде и подмешивают крахмал, и все это перемешивают и берут лист бумаги и мажут поверхность листа, а потом ее лощат мрамором".

Как видно из описанных приемов приготовления бумаги, этот способ приготовления очень примитивен и вряд ли таким способом могли получить высококачественную бумагу.

Как видим, в процессе изготовления бумаги не употребляется негашеная известь, которая служит для размятчения и отбеливания материала. Волокно дерева, которое используют для получения бумаги обрабатывают в общей сложности 10-12 дней, тогда как в вышеописанном трактате, на это затрачивается свыше 20 дней. Известно, что для получения высококачественной бумаги, как например, самаркандской, затрачивали месяц и более. Из всего этого следует, что бумажная масса, не подвергнутая действию извести и приготовленная в такой короткий срок, получалась некачественная, грубая. Естественно, и бумага получалась не высокого качества.

Исключительно важным является процесс лощения бумаги, которая и придает ей высокие качества. К сожалению, процесс лощения в этой рукописи описывается очень кратко. Из всего этого следует,

---

* Ал-марх - финиковое дерево.

что и эта рукопись, как и предыдущая, написана сторонним наблюдателем, либо человеком, который знал об этом понаслышке.

Автор издавший эту рукопись, также подчеркивает это, но утверждает, что бумага делалась из более дешевого и распространенного материала – из коры финикового дерева, которое в изобилии имеется в арабских странах и поэтому получила название "местной бумаги". К сожалению в рукописи не указано название города, где производилась бумага.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что целью написания этого труда было распространение среди ремесленников нового материала для изготовления бумаги, которая обходится дешевле, чем существовавшая в то время бумага. Грамотность в XV в. становится более массовым явлением и, естественно, увеличивается спрос на бумагу. Но так как бумага стоила очень дорого, то и мастера старались удешевить стоимость своей продукции, с тем чтобы обеспечить спрос на бумагу не только избранных.

-
1. М.М.Абрамов. Из истории производства бумаги в Самарканде. – Общественные науки в Узбекистане, 1968, № 12.
  2. П.Д.Зотов. К вопросу о шелковой бумаге. – Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 9.
  3. Е.Н.Мещерская. Сирийская рукописная книга. – Рукописная книга в культуре народов Востока, Кн. I, М., 1987, с. 104–145.
  4. П.И.Пашино. Туркестанский край 1886 г. Путевые заметки. СПб, 1886.
  5. Н.В.Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. – ПС. Вып. 6 (69). М.–Л., 1960.
  6. С.Л.Фотиев. Технология бумаги. М. I, М.–Л., 1933.
  7. А.Б.Халидов. Арабская рукописная традиция. М., Наука, 1985.
  8. А.Б.Халидов. Рукописная книга в арабской культуре. – Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. I, М., 1987, с. 241–301.
  9. Дань-Хань-Цин. Возникновение и развитие производства бумаги в Китае. – Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2, М., 1956.
  10. Дафийат ал-аслафи. № 1209, с. 336. ИВ АН УзССР.
  11. Ал-Му'изз б. Бадис. 'Умдат ал-куттаб ва 'уддат зайи-л-албаб. "Маджаллат ма'хад ал-махтутат ал-'арабийя", 1971, № 7, с. 43.
  12. Сифат 'амал ал-кагид ал-баладийя. – "Ал-Маврид", 1985, I4, № 4, с. 275–287.

О ДОГОВОРЕ ЧЖЭН ЧЭНГУНА С ГОЛЛАНДЦАМИ

27/1 1662 г. после многомесячной осады голландской крепости Зеландии на Тайване войсками китайского полководца Чжэн Чэнгуна, голландцы решили прекратить сопротивление и пойти на переговоры с победителями. Так закончилась первая война европейцев с Китаем.

В результате пятидневных переговоров было подписано соглашение, китайский оригинал которого не сохранился. Остались только упоминания общего порядка в источниках цинского времени об этом документе, зафиксировавшем успех минского патриота Чжэн Чэнгуна, противника Цин. Так, в "Гуцзинь тушу цзичэне" говорится: "Чжэн Чэнгун послал к голландцам человека, который передал им /его слова/: "Это земля наших предков. Все драгоценные вещи можете взять, а землю верните нам. Тогда мы кончим войну Голландцы знали, что не могут продержаться, оставили город и уехали". /3, 29а/. В "Сюйсю Тайвань сяньчжи" к этой версии добавлено сообщение о предложении Чжэн Чэнгуна голландцам стать его подданными, после чего они сдались /4, 34б/.

Неизвестно, сохранился ли подлинник договора в голландских архивах. Мы располагаем двумя редакциями данного соглашения - голландской и французской. Первая помещена в книге одного из авторов договора - голландского губернатора Тайваня Ф.Койетта *Verwaerlooede Formosa* (Покинутая Формоза), /8, 51-53/, вторая - в труде того же автора, переведенного на французский язык - *Formosa Neglee* /7, 349-359/. При общем смысловом совпадении в обоих изданиях указанного документа имеются некоторые расхождения. Американский исследователь Д.Дэвидсон, опираясь на указанные выше материалы, дал краткое, но точное изложение договора /6, 45-46/.

В 1962 г. журнал "Лиши цзяосюэ" обнародовал перевод голландской редакции договора 1662 г. /2, 14/. В том же году отдельные его фрагменты в собственной интерпретации поместил в своей работе китайский историк Фан Бо /5, 33-34/.

Познакомившись с переводом, помещенным в "Лиши цзяосюэ", его предельно точно перевела на русский и прокомментировала Н.И.Фомина /1, 109-III/. Она обратила внимание на несоответствие названия договора в "Лиши цзяосюэ" - "Акт о капитуляции голландских колонизаторов в 1662 г." его содержанию и заменила это наименование на другое - "Договор о Тайване, заключенный между Чжэн Чэнгуном и представителями голландской Ост-Индской компании в 1662 г." Од-

нако Н.И.Фомина не могла представить себе, что публикаторы из "Лиши цзяосюе" превратили название договора – длинное и тяжеловесное – в его преамбулу, изменив таким образом структуру текста.

В голландской редакции преамбула не выделена.¹ Она органически соединена с названием дипломатического акта и дословно звучит так: "Договор, подписанный и заключенный с одной стороны Его Высочеством Господином Чжаотао дацзянцзюнем Коксингой,* осаждавшим крепость Зеландию на Формозе с мая 1661 г. до сего дня. 1 февраля 1662 г. в честь сей осады достославного окончания и с другой стороны той крепости Губернатором Фредериком Койеттом и преданным ему Советом по случаю почетного ухода отсель представителя государства Нидерландского, что в нижеследующих статьях излагается". Работая над этим текстом, переводчики из "Лиши цзяосюе" почему-то изменили титулатуру Чжэн Чэнгуна, добавив к Чжаотао дацзянцзюнь еще "Великой Мин", хотя в тексте этого нет. Фан Бо же изменил его произвольно на другой титул полководца Яньпин цзюнван² Великой Мин, хотя в тексте ничего подобного нет.

Соглашение состоит из 18 статей: 1/ "Все военные действия завершаются, и стороны предают, по обыкновению, забвению все, что с ними связано". Правда, Фан Бо здесь добавил: "Голландцам позволено осуществить капитуляцию" /33/, но этого там не сказано.

2/ "Крепость Зеландия со всеми внешними укреплениями пушки и остальное вооружение, съестные припасы, товары, деньги и, наконец, другое имущество Ост-Индской компании господину Коксинге в собственность полностью передается". Во французском тексте и у Д.Дэвидсона вслед за словами "вооружение" добавлено "амуницию", что расширяет текст статьи. /45/.

3/ "Рис, хлеб, сухари, вино, арек, мясо, масло, уксус, какао, парусину, якоря, смолу, деготь, порох, ядра, фитили в чем более всего нуждаются солдаты гарнизона и команды кораблей и что для погрузки их рейса в Батавию потребно передать им. Губернатор и Совет вышеозначенные предметы как еще Кампании принадлежащие, получают разрешение доставить на корабли Компании Соединенных Провинций и на данном рейде с этого участка берега погрузить". Т.о., побежденные получали все необходимое, включая вооружение и боезапас, о чем Фан Бо молчит.

4/ "Все вещи, принадлежащие подданным Нидерландского государства в этой крепости или на Формозе и в других местах, захва-

-----
* Перевод сделан нами с голландского текста. Идентичного китайского варианта не сохранилось.

ченные во время войны Уполномоченными Господина Коксинги и с тех пор у них находящиеся, будут отправлены без причинения ущерба и погружены на корабли". Во французском варианте вместо "без причинения ущерба" сказано "без всяких затруднений", что более соответствует смыслу статьи точно пересказанной Фан Бо. В "Лиши цзяосе" дан произвольный перевод этой статьи: "Находящаяся внутри крепости и принадлежащее голландским правительственным чиновникам личное имущество". Далее тексты совпадают.

5/ "Кроме этих вещей, все 28 членов Совета могут увезли с собой на сумму 200 рейксгальдеров личных сбережений и еще 20 человек, относящихся к руководству милиции, женатых имеют право все вместе увезти 1000 рейксгальдеров".³ В "Лиши цзяосе", указанные лица фигурируют как "особо выделенные граждане".

6/ "Все военнослужащие имеют право со своими вещами и деньгами, со всем вооружением, с развернутыми знаменами, с зажженными фитилями, с ядрами в жерлах, под гром барабанов строем направиться на корабли и после досмотра отплыть куда угодно Господину Губернатору".

7/ "На китайцев, которые здесь, на Формозе, много товаров в долг набрала или, взяв в аренду у Компании, должниками остаются, выписки из бухгалтерских книг должны быть сделаны и господину Коксинге переданы". Французская редакция статьи расширена: "Сиру Генералу будут переданы выписки из бухгалтерских книг, содержащих пассивные долги* китайцев острова Формозы, и имя за именем, статья за статьей перечислены все суммы, которые они должны Компании за аренду, за взятое в долг или за другое". Т.о., Чжэн Чэнгун становится преемником Компании как кредитор и получал источники для содержания своей армии и аппарата.

8/ "Все бумаги и книги этого государства должны быть погружены и отправлены в Батавию". У Дэвидсона: "Вся переписка и книги, принадлежащие правительству". Далее тексты совпадают.

9/ "Всех служащих Компании, женщин, слуганок, слуг, детей, рабов и рабынь, в этой войне во власть господина Коксинги попавших на Формозе и в других местах, а также в Китае находящихся, Господин Коксинга в 8 или 10 дней обязуется на упомянутые корабли доставить, равным образом других людей Компании на Формозе, оказавшихся в местах, ему не принадлежащих, так быстро, как можно, освободить и, предоставив им уведомления, оказать помощь и отправить на корабли как можно скорее". Все категории перечисленных

---

* Пассивные долги - долги записанные в пассив в бухгалтерских книгах.

здесь лиц обозначены в "Лиши цзяосюе", как вольнонаемные работники".

Любопытно, что тут упоминаются рабы голландцев, которых Чжэн Чэнгун считал собственностью своих хозяев. Известно, что лучшими мушкетерами его армии были чернокожие рабы Компании, но подробнее о них неизвестно. /8, IO-II/.

IO/ "Вышеупомянутый господин Коксинга возвращает Компании ранее захваченные у нее 4 шлюпа с находящимися в них имуществом".

II/ "Он также предоставит Компании столько мелких судов, сколько она заказала для людей, чтобы доставить их на корабли".

12/ "Плоды земли, мясо крупного рогатого скота и других животных, подданные Его Высочества по разумным ценам людям Компании в достаточном количестве продавать будут ежедневно и во все время их здесь присутствия".

В "Лиши цзяосюе" сказано: "продавать по разумным ценам", чего нет в тексте.

13/ "В течение всего времени, пока войска Компании находятся на этой земле до их полной посадки на корабли, всем солдатам Господина Коксинги, как и другим его подданным, за исключением состоящих на службе Компании, не разрешается входить в крепость ближе линии внешних земляных укреплений и совершать какие-нибудь иные акции на эспланаде⁴ без позволения Его Высочества".

Во французской редакции вместо "на эспланаде" написано "у габионов".⁵ В "Лиши цзяосюе" говорится, что указанные запрещения могут быть отменены Коксингой, "если это вызвано крайней необходимостью для Компании".

14/ "Никакой другой флаг, кроме белого, не может развеиваться над крепостью до ухода оттуда подданных Компании".

15/ "Заведующие пакгаузов останутся еще на 2-3 дня после ухода войск и погрузки товаров на суда, а затем прибудут на корабли вместе с заложниками".

16/ "После того как договор будет подписан, приложены печати и принесена присяга по обычаям каждой страны, они отправят друг друга в качестве заложников своих государственных советников. Господин Коксинга пошлет на корабли Компании "мандарина или капитана Moor Ongkwa и Pimpon Lumsoje 6 - государственного советника, а от Компании Господину Коксинге в этот город будут посланы Ян Утгенс ван Ваверен - второе после Губернатора лицо, и Давид Хертаувер - член Совета. Эти заложники будут в определенном месте до тех пор, пока условия настоящего соглашения будут выполняться".

17/ "Заложники или пленные, подданные господина Коксинги, находящиеся в крепости и на кораблях Компании, стоящих на рейде, будут в полном составе обменены на заложников и пленных другой стороны; находящихся во власти Господина Коксинги". Во французской редакции дан другой вариант - "Заложники и пленные китайцы, находящиеся в крепости, в руках офицеров Компании". Далее текст совпадает.

18/ Если существуют какие-то непонятные места, представляющие большой интерес и недостаточно хорошо разъясненные положения, изложенные в предыдущих пунктах, нуждающиеся в дополнительном освещении, поскольку что-то не совсем ясно и заслуживает внимания, либо встретится какое-то /место/, требующее дополнительного объяснения, то все это будет разъяснено самым любезным образом и после рассмотрения стараниями обеих договаривающихся сторон приведено ко взаимному удовлетворению".

В договоре не упоминалось о двух других голландских форпостах на Тайване - Цзилуне и Тамсу. Сам договор удивляет своим великодушием. Чжэн Чэнгун, разбив голландцев, не собирался далее враждовать с ними. "Вряд ли они /голландцы/ могли ожидать большего от Коксинги, принимая во внимание их собственные действия, когда несколько лет назад они сами были в роли победителей", - писал Д.Дэвидсон /6, 46/.

-
1. Здесь объединены два почетных титула - Чжаотао дацзянцзюнь - буквально - призванный для наказания бунтующих большой полководец, главнокомандующий - усмиритель Коксинга - Господин, носящий государственную фамилию. Титул, принятый европейцами за имя.
  2. Яньпин - дословно продолжатель мира, а также название города-феода Чжэн Чэнгуна. Сам Чжэн Чэнгун себя так никогда не титуловал ни Яньпин ваном, ни Яньпин цзюнь ваном.
  3. I рексгальдер (рейхсталлер) - 25-27 граммов серебра.
  4. Эспланада - открытое незастроенное пространство между городом и крепостью.
  5. Габион - земляное насыпное укрепление, прикрытое специальной корзиной. Предназначено для защиты батарей и оружейной прислуги.
  6. Имена уточнить не удалось.

Литература

1. Фомина Н.И. Три документа по истории антицинской группировки на юго-востоке Китая (середина XVII в.). - Китай. История,

культура и историография, М., 1977.

2. "Лиши цзяосюе", 1962, № 3.
3. Гуцзинь тушу цзичэн. Шанхай, 1936, т. 147, цз. II09.
4. Сюйсю Тайвань сяньчжи, [б/м], [б/д], цз. I.
5. Фан Бо. Чжэн Чэнгун шоуфу Тайвань, Фучжоу, 1962.
6. Dawidson J.W. The Island Formosa. London-New York. 1903.
7. Formosa Neglege. - "Recueil des Voyages". Rouen, 1725, t. X.
8. Verwaerloosde Formosa, Amsterdam, 1675, d. II.

С.А.Школяр

ОБ ИСТОЧНИКАХ КИТАЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ "У-ЦЗИН ЦЗУН-ЯО" (1044 г.)

Энциклопедический труд "У-цзин цзун-яо", название которого следует перевести как "Наиболее важное в основах военного дела", составил целую эпоху в истории китайского военного знания. Аккумулировав и доступно изложив многие достижения традиционной военной науки и техники Китая с древности до середины XI в., книга передала их последующим поколениям для использования, как оказалось, вплоть до 40-х гг. прошлого столетия. Это также первый в мире памятник военной литературы, содержащий рецепты пороха и описания реального раннего порохового оружия.

Значение этого труда объясняет внимание к источникам, на которых он основан, хотя в небольшом сообщении придется ограничиться о них лишь самыми общими сведениями.

Коротко об обстоятельствах создания и составе "У-цзин цзун-яо". Для Китая периода Северной Сун (960-1127) одним из негативных последствий длительного мира, наступившего после Шаньюаньского договора 1005 г. с киданьской империей Ляо, было резкое снижение боеспособности китайских войск. Поэтому, когда в середине 30-х гг. XI в. вновь осложнились отношения Китая с другим соседом - тангутским государством Си Ся, вопрос о боевой подготовке армии и обучении ее командиров стал особенно острым. Системы высшего военного образования тогда не существовало, нормативная военно-учебная литература, тем более ориентированная на подготовку к войне на определенном театре - северо-западной и северной пограничной полосе, также отсутствовала.¹

Чтобы выправить положение, молодой император Чжао Шоуи (Жэнь-цзун, 1022-1063), сам неплохой знаток военной науки, пред-

принял энергичные усилия. В 1037 г. он написал книгу "Шэнь-у би-люэ" (Секретный конспект божественных правил военного дела) о некоторых способах ведения боевых действий, иллюстрированных историческими примерами.² Форма и авторство книги дают основание предположить, что в ней император отдал предпочтение тем стратегическим установкам, которые он считал определяющими в государственной военной доктрине перед тангутской войной. Значимость этого труда как руководства, рассчитанного, главным образом, на повышение общего уровня военной образованности высшего командного состава армии, бесспорна, однако потребность в трудах более узкого, специального характера оставалась неудовлетворенной.

Важным шагом именно в этом направлении стало создание в 1038 или 1039 г. по императорскому указу группой ученых во главе с Ван Чжу (997–1057) книги "Сань-чао цзинь-у шэн-люэ" (Высочайшие предначертания в военных делах периода трех правлений), в которой была изложена история войн трех первых сунских императоров с киданями и тангутами и включен ряд документов по общевойснной и пограничной политике того времени.³ Материалы этого труда уже годились для использования в военно-учебных целях при подготовке к конкретной войне с тангутами, но опять-таки ни сами материалы, ни книга не являлись учебным пособием и не могли его заменить.

Обе книги как бы очертили круг и провели предварительный анализ проблем, которые следовало положить в основу такого пособия. Необходимость его создания диктовалась и насущными предвоенными нуждами, и, можно сказать, логикой развития в тот момент военно-научных знаний – необходимостью претворения накопленного и осмысленного в этих и других книгах материала в простые и ясные строки учебно-справочных нормативов.

В 1040 г. император новым указом поручил группе специалистов написать книгу, в которой надлежало изложить важнейшие правила ведения боевых действий, начиная с древности, и соотнести их со стратегическими и тактическими установками современной военной доктрины государства. Разразившаяся в том же году война с тангутами подтвердила, что китайские военачальники всех рангов, по замечанию Чоу Гунью, "в массе своей ... были невежественны по части древней и современной военной науки" /7, л. 1а/⁴ и что составление такого учебного пособия для командования армии оставалось в высшей степени актуальным.

Во главе авторской группы поставили Цзэн Гунляна (998–1078) и Дин Ду (990–1053). Оба придворных, впоследствии занимавшие в правительстве самые высокие посты, были крупными знатоками истори-

ческой, а Дин Ду – и специальной военной литературы.⁵ Весьма несхожих характерами сановников объединяли не только честное отношение к порученному делу, но и, надо полагать, понимание тех целей, которых должно добиваться, создавая книгу. Навернее, она виделась авторам не элементарным учебником по основам военного дела; гораздо нужнее учебное пособие типа энциклопедического справочника, где на высоком научном уровне, коротко и четко были бы изложены важнейшие вопросы теории и практики ведения боевых действий в рамках господствовавших при дворе взглядов на стратегию и тактику войны. Такая книга служила бы долго, сохраняя злободневность в условиях постоянной конфронтации с соседями на севере и северо-западе. Этот подход определил и структуру труда, и характер источников его текста.⁶

Работу над книгой, названной "У-цзин цзун-яо", завершили в 1044 г. Император собственноручно написал предисловие, утверждавшее официальный характер этого сочинения. В нем 40 цзюаней, разделенных на два сборника. Первый сборник (цзянь цзи), составленный под руководством Дин Ду, – основной, в нем два раздела: "Чжиду" (Общие положения) и "Бяньфан" (Оборона границ). Во втором сборнике (хоу цзи) большую часть занимает раздел "Гуши" (Прецеденты), за подготовку которого отвечал Цзэн Гунлян; завершает книгу раздел "Чжаньхоу" (Предсказания), созданный сунскими специалистами по гаданиям и магической литературе во главе с Ян Вэйдэ (? – после 1054).

Ряд особенностей текста, на наш взгляд, подтверждает учебно-справочный характер "У-цзин цзун-яо". Укажем на отчетливо выраженную простоту языка, лаконичность и четкость изложения мысли, как правило, не требующей комментариев. В крупных статьях расположение материала большей частью однообразно, в разделе "Оборона границ" военно-географические сведения даются вообще по шаблону, нередко одинаковые по форме краткие очерки истории вопроса и исторические примеры из прошлых войн с киданями и тангутами. Отсутствуют традиционные для монографических и теоретических трактатов пространные рассуждения с изложением разных взглядов и мнений и многочисленными выдержками из источников – в "У-цзин цзун-яо", в основном, приведены ставшие уже нормативными в теории и практике правила, принципы, непререкаемость которых подкреплена высказываниями признанных авторитетов, цитатами без адреса⁷ или вставленными в текст без каких-либо указаний на это отрывками из других произведений, иногда в измененном и упрощенном виде.

Мы не находим в книге суждений общего плана: о взаимоотноше-

ниях войны и экономики, армии и государства, полководца и правителя — о том, что было в центре внимания древних стратегов, а также авторов таких трактатов, как "Лао-цзы", "Шан-цзы", "Сунь-цзы", и некоторых других, составители "У-цзин цзун-яо" не упоминают совсем и на эти труды не ссылаются.⁸ Не рассматривают они и мировоззренческие проблемы, например, взаимосвязи Неба, Земли и Человека в войне, которыми много занимались доханьские, а позже танские и сунские военные мыслители. Возможно поэтому авторы книги прошли мимо таких более теоретических трактатов сформированного позднее "Семикнижия", как "Сыма фа" (Правила ведения войны, [созданные] военачальниками), "Вэй Ляо-цзы" и "Сань люэ" (Три стратегии).

Первый раздел "У-цзин цзун-яо" отведен чисто практическим вопросам организации вооруженных сил, способам и тактическим приемам боевых действий. Из трактатов будущего "Семикнижия" чаще и больше всего здесь использованы материалы "Сунь-цзы бинфа" (Правила ведения войны Сунь-цзы). Множество статей и даже целый цзюань 9-й — это аннотированный пересказ положений Сунь-цзы, причем приводимые выдержки из трактата нередко отличаются от существующего ныне текста.⁹ Меньше ссылок на трактат "Тай гун бинфа" (Правила ведения войны Великого гуна), более известный как "Лю тао" (Шесть таинств), и совсем мало — на "У-цзы бинфа" (Правила ведения войны У-цзы)/14/. Из других военных трактатов цитируются "Цзюнь чжи" (Описание армии), появившийся, повидимому, в период Чжоу,¹⁰ и знаменитый "Фэн Хоу во-ци цзин" (Трактат Фэн Хоу об овладении удивительным),¹¹ излагающий основы построения боевых порядков. Общеисторические источники используются для подтверждения некоторых обобщений военного опыта прошлого: опуская династийные истории, составители "У-цзин цзун-яо" часто ссылаются на "Цзо чжуань" (Комментарий Цзо), реже — на "Чжаньго цз" (Планы Сражающихся царств) и в одном случае цитируют "Шоу-бянь и" (Советы по охране границ) ханьского Чо Цо (200–154 гг. до н.э.).

Поскольку армия Северной Сун наследовала многие принципы военной организации и ведения боевых действий танского Китая, закономерно, что статьи о практике обучения войск, походных и боевых порядках, разбивке лагерей, применения оружия и орудий в наступлении и обороне в значительной мере основаны на сведениях из трактатов периода Тан: "Ли Цзин бинфа" (Правила ведения войны Ли Цзина),¹² "Шэнь-ци чжи-ди Тайбо инь цзин" (Трактат о таинствах планеты Венера, [связанных] с божественным искусством подавления врагов) Ли Цзяня, "Цзяо шэ" (Обучение стрельбе) Ван Цзя и "Синь

лин" (Новые распоряжения) Пэй Сюя. Вместе с тем, в "У-цзин цзун-яо" отражены и актуальные, самые свежие по времени документы и материалы династии Сун, причем многие явно "для служебного пользования". К последним относятся уникальные в военной литературе средневековья нормативы и "спецификации" для изготовления орудий метательной артиллерии и пороховых снарядов (подробнее см. /II, с. 148-149/). Широко использована составленная в 987 г. императором Чжао Гуаньйи (Тай-цзун, 976-997) книга "Пин-жун ваньцзюань чжэнь-ту" (Универсальные схемы боевых порядков для усмирения варваров-жунов),¹³ положения которой совершенствовались в 1004-1005 гг. Приведен разработанный по указу 1001 г. новый ритуал жертвоприношений перед сражением и созданные в 1040 г. правила изготовления и применения верительных бирок (фу-ци) в войсках на границе. В статьях о системе наград и наказаний особо отмечено, что их шкала, введенная не позднее 1041 г., уже апробирована в ходе тангутской войны 1040-1044 гг., т.е. как раз в период создания "У-цзин цзун-яо".¹⁴

Раздел "Оборона границ" представляет собой военно-географический справочник по пограничным районам сунского Китая, перечисляющий административные и укрепленные пункты с указанием расстояний (до них или от них); отмечены основные связанные с этими пунктами факты истории преимущественно последних войн и боевая готовность на момент создания "У-цзин цзун-яо". Историко-географическую канву описаний составляют знаменитый "Шуй цзин чжу" (Комментарий к "Трактату о реках") Ли Даюаня (466 или 472?-527) и географический раздел в "Цзю Тан шу" (Старой истории Тан). Важная роль в определении координат пограничных пунктов отведена трактату "Хуан Хуа сы-да цзи" (Записи об основных путях в Китай при нынешней династии) известного танского ученого Цзя Даяня (730-805), однако его данные нередко корректируются по "Цидань дисинту" (Карте рельефа территории, [занятой] киданями), т.е. топографической карте империи Ляо, созданной при Сун.

Раздел "Прецеденты" - это собрание фактов, свидетельствующих о применении разнообразных тактических приемов в боевых действиях на протяжении истории Китая, начиная с периода Чуньцю. В основу положен материал военных глав энциклопедии "Тун дян" (Всеобщий свод) танского Ду Ю (735-812), но содержание раздела "У-цзин цзун-яо" значительно богаче: если Ду Ю приводит чуть более 500 исторических примеров, распределенных по 128 темам, то у составителей сунской книги их соответственно 1058 и 182. Помимо других добавлено много эпизодов из военной истории Северной Сун, источники которых не указаны.

Последний раздел "Предсказания" примерно на треть занят обычной для средневековых военных сочинений магией: гаданиями, колдовством, заклинаниями и т.п. с цитатами из многих книг, в том числе даоско-мистического содержания. Хотя вопросы о целях и средствах магии в контексте истории военной мысли средневековья представляют определенный интерес, их до сих пор не изучают, как не имеющие научного значения. К сожалению, не привлекает внимания исследователей и другое, ясно видимое в этом разделе "У-цзин цзун-яо". Большую его часть составляют военные гадания-прорицания, среди другого основанные и на естественнонаучных знаниях того времени, а также суждения о предзнаменованиях военных событий, опять-таки связываемых с действием различных сил природы. Здесь мы встречаемся с элементами того, что впоследствии развилось в военные отрасли естественных наук. Так, в гаданиях по землетрясениям содержатся некоторые начатки будущей военной геологии. Гадания по небесным светилам и явлениям – военная астрология прошлого – построены в немалой степени на данных точных наук и сопровождаются ссылками на астрономические трактаты, например, на соответствующий раздел "Цзинь шу" (Истории династии Цзинь). В гаданиях по атмосферным явлениям зафиксирован богатейший многовековой опыт наблюдений погоды, народных примет и т.п., ценность которых непреходяща и для современной военной метеорологии. Только тщательное изучение военных гаданий и предсказаний позволит, наряду с выявлением в них важного и полезного, соответственно исследовать и военно-гадательные произведения, являющиеся неотъемлемой частью истории китайской военной литературы.

-----

1. Напомним, что известное ныне "У-цзин цзун-яо" (Военно-каноническое Семикнижие) как собрание теоретических сочинений учебного назначения сложилось лишь во второй половине XI в. Об этом см. /1, с. 24–27; 2, с. 1790/. Произведение военно-учебного характера "Ху цян цзин" (Трактат для военачальников), представленное его автором Сюй Дуном (ок. 976 – ок. 1017) императору в 1005 г., было незаслуженно отвергнуто и многие десятилетия пребывало в неизвестности /4, цзюань 441/.
2. С 1033 г. по инициативе Хань И (972–1044) при Тайном Военном совете периодически созывались своего рода "семинары" военачальников и чиновников военных управлений, в том числе провинциальных, по некоторым вопросам стратегии, тактики и военной истории. Содержание этих собеседований было засекреченным. По просьбе их участников император изложил основные материалы

дискуссий в своей книге объемом в 10 цзваней, состоявшей из 4-х разделов и 30 глав. Труд Жэнь-цзуна разослали во все военные управления провинций Хэбэй, Хэнань и Шэньси для организации обучения по нему вышших офицеров /2, с. 1791; 3, с. 955-956/. До наших дней он не сохранился.

3. Сведения об этой книге в разных источниках не совпадают, но повидимому можно утверждать, что она состояла из 15 цзваней и 17 глав, находилась в личном императорском книгохранилище /3, с. 1140; 5, цзвань 176, л. 2а; 6, с. 5194/ и была утрачена вероятно еще в период Сун; так, Ма Дуаньлинь (ок. 1254 - ок. 1323) приводит данные об этой книге, ссылаясь уже только на более ранние библиографии /2, с. 1791/.
4. Свидетельством этому были жестокие поражения китайских войск при Саньчуанькоу в 1040 г., Хаошуйчуань в 1041 г. и Динчуаньчжай в 1042 г. /3, с. 1017, 1032-1033, 1070-1072; 8, с. 14, 156, 305/, показавшие, что сунские военачальники, не владевшие подчас простейшими тактическими приемами, столкнулись с большими трудностями в войне на северо-западной границе.
5. В том же 1040 г. Дин Ду представил императору обширный доклад "Бэй-бянь яолань" (Обозрение важных принципов военной готовности на границе), рекомендовавший в войне с тангутами придерживаться оборонительной стратегии /3, с. 1012/. Той же точки зрения держался сам Жэнь-цзун, и, возможно, это обстоятельство сыграло роль при назначении Дин Ду одним из ответственных за составление книги, в которой следовало четко провести официальные стратегические идеи.
6. Заметим, что мероприятия по постановке военного образования продолжались - летом 1043 г. император указом основал Высшее военное училище (у-аэз) и, не дожидаясь окончания работы над "У-цзин цзун-яо", осенью того же года, видимо специально для этого училища предписал создать военные книги; не удивительно, что ответственность и за это возложили на Дин Ду и Цзэн Гунляна /3, с. 1088, 1101/.
7. Многие цитаты обозначены словами: "бинфа (чжаньфа) цэ", т.е. "правила ведения войны (сражения) гласят". Поскольку то или иное положение уже общепринято, стало правилом, составителям учебного текста не так уж важно, кто автор этого положения: чжоуский Тай гун Ван (XI в. до н.э.) или танский Ли Цзин (571-649). Такой аксиоматический метод изложения материала в учебно-справочных пособиях естественен и распространен.
8. В начале и конце первого раздела есть лишь две цитаты из трактата

тата "Гуань-цзы" о некоторых качествах военачальников и условиях местности, на которой планируют боевые действия.

9. Современный китайский исследователь Ян Бинъань тем не менее скептически оценивает возможность использования "У-цзин цзун-яо" для текстологической работы над трактатом "Сунь-цзы бинфа", не обосновывая, однако, своего мнения /9, с. 56/.
10. Вероятно его текст, целиком или большими отрывками, при Сун еще существовал, поскольку выдержки из этого трактата приводятся в некоторых докладах на военные темы, например, Чжан Цзи (933-996) под 989 г. /3, с. 343-344/.
11. Приписывается одному из легендарных сподвижников Хуанди, но безусловно подделка, возможно периода Хань.
12. Трактат Ли Цзина вскоре был утрачен. В конце XIX в. Ван Цзуньи и его сын Ван Муцзэ, "собирая" текст трактата, многое почерпнули именно со страниц "У-цзин цзун-яо" /10, авторское введение/.
13. Книга создавалась в период войны с киданями.
14. В работах Г.Франке /12, с. 8-10/ и Е.И.Кычанова /13, с. 241/ этот факт апробации, заслуживающий внимания, не отмечен.

Литература

1. Н.И.Конрад. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М.-Л., 1950.
2. Ма Дуаньлинь. Вэнь сянь тункао (Полное исследование литературных памятников). Серия "Ванью вэньку". Шанхай, 1936.
3. Би Юань и др. Сюй Цзы-чжи тун-цзянь (Продолжение "Всепроникающего зеркала, управлению помогающего"). Пекин, 1957, 6 т.
4. Сун ши (История Сун). Сост. Токтага и др. Серия "Сыбу бэйяо". Шанхай, 1936, Т. 66.
5. Ли Дао. Сюй Цзы-чжи тун-цзянь чанбянь (Хронологическая подборка материалов для продолжения "Всепроникающего зеркала, управлению помогающего"). Чжэцзян шуцзюй, 1881.
6. Сюй Сун и др. Сун хуэй-яо цзигао (Черновой свод материалов по истории Сун). Пекин, 1957, 8 т.
7. Цзэн Гунлянь, Дин Ду и др. У-цзин цзун-яо (Наиболее важное в основах военного дела). Серия "Сыку цюаньшу чжэньбэнь". Шанхай, 1934.
8. Чжунго лиши да цидянь. Сун ши цзюань (Большой словарь по истории Китая. История Сун). Шанхай, 1984.
9. Ян Бинъань. "Сунь-цзы" шисань пянь цзяо-цзянь цзюй-яо (Важнейшее из критических замечаний к 13-и главам "Сунь-цзы"). -

"Бэйцзин дасюэ сюэбао (жэньвэнь кэсюэ)". 1958, № I.

10. Сэй-гун бинфа цзибаэнь (Книга собранного из "Правил ведения войны Вэй-гуна [Ли Цзина?]"). Сост. Ван Цзунъи. Серия "Цуншу цзичэн чубянь". Шанхай, 1936, № 0941.
11. С.А.Школяр. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980.
12. H.Franke. Zum Militärstrafrecht in chinesischem Mittelalter. München, 1970.
13. Е.И.Кычанов. Основы средневекового китайского права (УП-ХШ вв. М., 1986.
14. У-цзы. Об искусстве ведения войны. Перевод с древнекитайского и примечания подполковника Сидоренко Е.И. М., 1957; Н.И.Конрад. У-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и комментарий. М., 1958.

Список сокращений

АВТР	- Архив внешней политики России
АКАК	- "Акты, собранные Кавказской археологической комиссией".
ВДИ	- "Вестник Древней истории". М.
ГМЭ народов СССР	- Государственный музей этнографии народов СССР.
ГРМ	- Государственный Русский музей.
ДАН-В	- "Доклады Академии наук. Серия В."
ЗВОРАО	- "Записки Восточного отделения (Имп.) Русско-го археологического общества" СПб., Пг.
ЛГИА	- Ленинградский государственный исторический архив.
ПП и ПИЖНВ	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока". М.
ПС	- "Палестинский сборник". М.-Л.
ТС	- "Туркологический сборник". М.
ЦГИА	- Центральный государственный исторический архив.
ЭВ	- "Эпиграфика Востока". М.-Л.
ABORI	- "Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute". Poona.
АО	- "Archiv Orientalni". Praha.
BI	- "Bibliotheca Indica". Calcutta.
CBQ	- "Catholic Biblical Quaterly". Washington. O.C.
EI	- "Enzyklopaedie des Islam (Encyclopedie de l'Islam, The Encyclopaedia of Islam): I-4. Leiden (Leyde)-Leipzig (P., L.), (1908), 1913-1934.
JAOS	- "Journal of the American Oriental Society". New York-New Haven.
JBL	- "Journal of Biblical Literatur". Philadelphia, Penn.
JBRAS	- "Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society". Bombay.
JSS	- "Jornal of Semitic Studies". Manchester.
EB	- "Revue Biblique". Paris.
HR	- "Revue de l'histoire des religions". P.
RQ	- "Revue de Qumran". Paris.
VT	- "Vetus Testamentum". Leiden.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Аликберов А.К. Надписи на сабле, датированной 473 г.х.	3
Джандосова З.А. О мемуарах шаха Шуджа как об одном из источников "Сирадж ат-таварих"	6
Западова Е.А. Путешествие К.А.Вяземского по Юго-Восточной Азии (XIX век).	15
Иноземцев И.Л. О некоторых этических категориях Хушхал-хана Хаттака и способах их изложения в "Дастар-нама"	24
Кепинг К.Б. Попытка дешифровки тангутских степеней траура .	30
Куликова А.М. И.В.Ботьянов - дипломат и востоковед	39
Муминов А.К. К вопросу об источниках "Ката'иб А'дам ал-Ахйар" ал-Кафави (ум. 990/1582 г.) по истории ислама в Мавераннахре (Саманидский период)	46
Нестерова Е.В. Новое о коллекции китайских рисунков З.Ф.Леонтьевского. Вопросы атрибуции	49
Посова Т.К. К вопросу о датировке Вишну-пураны в контексте датировка свода пуранических памятников (обзор основных точек зрения)	55
Пострелова Т.А. Обзор основных советских источников для изучения истории искусства Китая XIX-XX вв.	61
Тантлевский И.Р. "Избранный" Бога и "избранныки Бога" в текстах свитков Мертвого моря	70
Щеглова О.П. Учебные издания в литографской персоязычной книжной продукции Индии XIX в. - первого десятилетия XX в.	81

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Балащенко Д.Д. Хосров-Мирза на Кавказе	88
Бейшеналиев Т.О. Казахско-киргизский хан Хакк-Назар и Монголия во 2-й половине XVI в.	101
Васильева Е.И. Версии "инородного" происхождения знатных курдских фамилий как социальный феномен	104
Васильева Е.И. Скотоводческое кочевье в истории юго-восточного Курдистана (эмираты Арделан и Бабан, XVII-XIX вв.)	108
Васильева Н.Е. К.А.Иностранцев как сотрудник этнографического отдела Русского музея	114
Виноградова Т.И. Надписи на китайской театральной народной картине	126

Витол А.В. Османская империя в проектах "вечного мира" (XVII-XVIII вв.)	I33
Воробьев М.В. Деревянные таблички (моккан) – новый источник по ранней истории Японии	I40
Воробьев М.В. О северных границах государств киданьского Ляо и чжурчженского Цинь	I45
Гадданова Г.Р. К проблеме монгольского шаманизма (XII-XIII вв.) (по материалам рукописных обрядников)	I49
Дугаров Р.Н. (Улан-Удэ) Кочевники сэрта (золотой конь) (к истории происхождения)	I58
Крапивина Р.Н. Заключительный раздел в "Истории Тибета" пятого Далай-ламы (1617-1682)	I60
Кроль Ю.Л. К проблеме объективности древнекитайского источника	I68
Курбанов С.О. Особенности "Истории Корё" Мок Че как частной династийной истории	I79
Кычанов Е.И. Заметки об аппарате управления государством в старом Китае	I85
Попова И.Ф. Регионализм в раннетанской политике первой половины УП века	I88
Сорокина О.С. Некоторые физические аспекты концепции времени	I94
Спирин В.С. Четыре вида "тождества" в "Мо цзы" и типы гексаграмм "И цзина".	I99
Терентьев-Катанский А.П. Феникс в литературе и изобразительном искусстве Китая	204
Туркин С.Р. Астрологический трактат XIV в. о соединении светил в одном знаке зодиака, приписываемый Абӯ Ма'шару Балхӣ	212
Фихман И.Ф. Контроль над ценами в византийском Египте	218
Хабибуллаев Н.Н. Из истории изготовления арабской бумаги в средние века	221
Чигринский М.Ф. О договоре Чжэн Чэнгуна с голландцами	229
Школяр С.А. Об источниках китайской военной энциклопедии "У-цзин цзун-яо" (1044 г.)	234
Список сокращений	243

Часть I

Подписано к печати 03.07.91

Усл. п.л. 15,25. Усл. кр.-отт. 15,38. Уч.-изд. л. 15,14

Печать офсетная. Тираж 150 экз. Зак. 188. Цена 4 р. 50 к.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

